

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

КАЖДАЯ МЕРТВАЯ МЕЧТА

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

РОБЕРТ М. ВЕГНЕР

Сказания Меекханского пограничья

Роберт М. Вегнер

**Сказания Меекханского
пограничья. Каждая
мертвая мечта**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

Вегнер Р.

Сказания Меекханского пограничья. Каждая мертвая мечта
/ Р. Вегнер — «Издательство АСТ», 2018 — (Сказания
Меекханского пограничья)

ISBN 978-5-17-111087-1

На южных границах Меекхана вспыхивает восстание рабов, униженные и обездоленные хотят отомстить каждому и не щадят никого. Генно Ласкольник и его войска оказываются в самом сердце этой войны. Что они ищут среди бунтовщиков, решивших сбросить вековое иго? А за тысячи миль от разгорающейся резни, на севере, отряд Горной Стражи оказывается внутри зловещего артефакта, пришедшего из другой эпохи, тайны которого погубили уже немало жизней. Меекхан истекает кровью, и ничто не может остановить пламя, пожирающее империю. Но людям, сражающимся друг с другом, предстоит узнать, что их земля, да и они сами, стали полем боя тех, кто страшнее и могущественнее любого человека, тех, кто очень долго ждал возможности вернуться. Вернуться и все изменить. Судьбы Севера, Юга, Востока и Запада затягиваются тугим узлом, и предсказать, кто умрет, а кто останется в живых в этой битве, уже невозможно.

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-111087-1

© Вегнер Р., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	61
Глава 8	71
Глава 9	80
Глава 10	88
Глава 11	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Роберт М. Вегнер

Сказания Меекханского пограничья. Каждая мертвая мечта

Часть I Натянута тетива

Пролог

Через пять дней пути на юг они наконец спустились в долины, обитаемые людьми, и разбили лагерь так, словно находились в собственной провинции. Явно, на виду. Нет лучшего способа объявить о своем прибытии и при этом показать, что у них добрые намерения. Только бандиты и преступники пытаются скрываться.

Нашли их так быстро, как они и надеялись. Сотня вооруженных людей. Белые плащи, разнообразнейшее оружие.

Стража.

Они откликнулись издали. Назвали номера и место гарнизона. Солдаты сперва казались сбитыми с толку, источали недоверие, но потом отступили, велев им оставаться на месте.

– Послушаемся их, господин лейтенант?

Командир снял шлем и причесал пальцами рыжие волосы.

– Офицером у них старший лейтенант. Мне придется слушаться. Я бы и сам удивился, когда б в Белендене появилась рота из-под Олекадов.

– Но мне не нравится выражение его лица...

– Велергорф, после того, через что мы прошли, я не намерен обращать внимание на каждое дурацкое выражение лица, которое увижу. Как раненые?

– Неплохо. Но нам нужно теплое и сухое место, чтобы к ним не пришла горячка.

– Пока что – пусть отдыхают. – Лейтенант глянул на небо. – Темнеет, наверняка проводников нам пришлют только утром.

Прислали.

Утром лагерь окружили три роты под командованием полковника, который коротко представился как Минхаль Конвец из Девятнадцатого полка Горной Стражи. Пришел к ним в сопровождении нескольких тяжеловооруженных солдат, осмотрел палатки, амуницию, состояние роты.

И приказал им сложить оружие.

Между палатками пронесся шумок, солдаты обменивались растерянными взглядами. Горная Стража не разоружала друг друга, разве что кого-то подозревали в измене. Велергорф глянул на лейтенанта. Тот миг-другой колебался – достаточно долго, чтобы его люди начали тянуться к мечам, топорам, копьям...

– Стоять! – заставил их замереть на месте рык офицера. – Десятники, по местам! Приготовиться сложить оружие!

– Господин лейте...

– Ни слова, десятник. Ни слова. – Рыжий лейтенант развернулся к старшему по званию. – Лейтенант Кеннет-лив-Даравит докладывает: Шестая рота Шестого полка Горной Стражи из Белендена готова сдать оружие.

Полковник чуть кивнул, а сопровождавшие его слегка расслабились.

– Принял, лейтенант.

– У меня раненые, не все смогут идти.

– Можете положить их на носилки.

– Спасибо.

Разоружили их быстро и умело, хотя местные солдаты и казались несколько обескураженными и обеспокоенными. Раз за разом поглядывали на восток, словно ожидая оттуда нападения.

Велергорф молча отдал топор и нож, после чего смотрел, как его командир отстегивает пояс с мечом и передает полковнику. Жест имел значение: офицер не должен сдавать оружие тому, кто младше его по званию.

Минхаль Конвец принял пояс молча и молча же передал его дальше.

– Могу спросить, откуда пришел приказ? – Лейтенант стоял перед командиром Девятнадцатого.

– Из столицы.

– Как он точно звучал, господин полковник?

– Узнаете на месте. В казармах. А может, и нет.

– Не понимаю, господин полковник.

По загорелому лицу Конвеца пронеслась целая стая эмоций. От нетерпения до веселья. Мрачного и горького веселья.

– Вы поймете где-то пополудни, господин лейтенант. Или раньше, если поспешим.

Их повели быстрым маршем. Солдаты были настолько вежливы, чтобы помогать с носилками. Может, не все так плохо, мелькнуло в голове у Велергорфа. Может, это просто глупая ошибка.

Целое утро они взбирались на, похоже, самую высокую гору в окрестностях. Наверняка, это была не самая прямая и не самая легкая дорога. Но никто не протестовал. Девятнадцатый находился на своей территории, а значит, в этом наверняка имелся некий смысл.

Когда они добрались до вершины, перед ними раскинулась панорама в пару десятков миль: огромная долина, расположенная между Малым и Большим хребтами. Дальше к югу, в расплывчатой дымке, были видны вершины остальной части Малого хребта.

– Посмотрите на восток, – коротко обронил полковник.

Велергорф глянул в указанном направлении и замер. Восток... небо на востоке... Неба не было. Большая серо-бурая туча укутывала все грязным саваном.

– Со вчера она придвинулась ближе. На восточном конце Олекадов начинает падать серый снег. Снег, смешанный с пеплом. – Полковник говорил тихо, но у Велергорфа был прекрасный слух. – Якобы это тамошнее Урочище. Урочище около Старого Меекхана тоже... пфф! Дым дотянулся до столицы, и пока что оттуда нет никаких новостей. Но приказ – это приказ, лейтенант. Вы арестованы по обвинению в измене.

Интерлюдия

Костяное сиденье было твердым и таким холодным, что потихоньку превращало задницу в кусок замороженного мяса. В доме царил мороз, а примитивный очаг, черный и, похоже, много дней как мертвый, только усиливал ощущение холода. Север. Проклятый Север. Вроде бы сюда давно должна уже прийти весна – естественно, для здешних мест: ветра дуют немного менее яростно, по океану плавают меньшие льдины, а плевки на его сапогах замерзают чуть помедленнее, чем в несколько ударов сердца.

Но не в этот раз. Похоже, Север сбрендил.

Согласно плану, портал выбросил его по другую сторону Лохарров. Тут должны были находиться поселения охотников на тюленей и моржей, белых песцов и полярную птицу, гарпунщиков, что ожидали тут стаи китов. Ценный мех, мясо, сало и рыбий жир, груды амбры, найденные на берегу или добытые из внутренностей морских тварей... Северная сторона Лохарров доставляла на рынки всего мира дорогие и редкие товары.

Но охотники на тюленей, убийцы китов почти никогда не проводили тут зиму. Лагеря становились людными по весне, когда лодки и корабли находили дорогу сквозь растаявшее у гор море, и пустели осенью, когда груженные по борту корабли опять забирали людей на юг. Зимой окрестные воды замерзали, и мореходство здесь становилось невозможным.

Но порой кто-то оставался. Если сезон оказывался настолько удачным, что корабли были не в состоянии забрать всю добычу, кому-то приходилось провести несколько худших месяцев на каменистом побережье, чтобы возвращающиеся охотники не нашли запасы разграбленными белыми медведями, песцами или другими хищниками – двуногими, вооруженными железом. Те, кто решался остаться зимовать на Севере, где днем солнце появлялось на небе всего-то на час-другой, а и то не всегда, ждали конца следующего сезона словно избавления.

Но, похоже, в этом году ждали тщетно.

Северные проливы до сих пор не сбросили ледяной панцирь. Даже там, где лед хотя бы чуть треснул, поля нестаявших торосов оставались огромными, словно города. Плыть кораблями между смыкающимися щелями значило рисковать расколоть хрупкие корпуса, словно ореховую скорлупку. Суда не пришли, запасы закончились, белый, словно волосы Андай'и, песцовый мех, за который на юге можно было объедаться деликатесами хоть месяц напролет, тут не смог бы наполнить ничьего желудка.

Ирония судьбы.

Его портал открылся в полумиле от селения: пять деревянных изб, поставленных из ценного на Севере дерева, да несколько юрт из китовых ребер, обтянутых шкурами. Большие котлы, где вытапливали жир морских гигантов, были прикрыты тканью и подперты, сотни стояков, на которых скребли и сушили шкуры, бодали небо, бесцельно ожидая начала новой работы. Тишина и спокойствие.

А должен был его приветствовать шум, движение и столько вареного тюленьего мяса, сколько сумел бы съесть.

Он почувствовал это сразу, едва пересек условную границу селения. Мурашки по хребту, деревенеющие кончики пальцев, чувство, будто кто-то смотрит тебе в спину, натягивая тетиву до уха. Страдание, давно отзвучавший вопль, воспоминание о котором все еще режет воздух, боль и мука.

Это были «дары» Кулака Битвы. Он чувствовал Силу, эту кровь в венах мира, чувствовал как аспекты, так и дикие, хаотические Источники. И даже тот безмерный, не объятый никаким разумом океан за ними. Сила, аспектированная или нет, уступала эмоциям, позволяла себя формировать, гнуть и лепить. И «использованная» таким образом, она оставляла след на теле реальности.

Тут господствовал голод, а из этого голода родилось нечто другое, мрачное и мерзкое. Отчаянье, гнев, ненависть.

Атаковали его с трех сторон одновременно. Три фигуры в мехах бросились на вора: две – выбежав из-за ближайшей хаты, третья выскочила из юрты за его спиной. Никакого приветствия, никаких вопросов, откуда он и каким чудом тут оказался; вместо этого ему должно было хватить трех широких гарпунов, направленных в грудь и спину.

Атаковавший со спины оказался первым. Альтсин не смотрел на него, ему не было в том нужды, он просто плавно уклонился, мягким движением пропуская тычок под мышкой. Перехватил гарпун за наконечником, сломал древко и воткнул зазубренное острие в горло мужчине.

Даже не взглянул на падающий труп.

Двое оставшихся крикнули, одним движением вскинули оружие и одновременно метнули ему в грудь. Он спокойно смотрел, как оба гарпуна плывут к нему по воздуху: древки чуть вибрировали, наконечники, покрытые ржавчиной и кровавыми потеками, тянули за собой бледные полосы. Этим оружием убивали, а духи мертвых все еще липли к железу.

Он сделал шаг влево, перехватил подлетающий гарпун за середину древка, обернулся на пятке и послал его во владельца. Оружие полетело назад быстрее, чем из осадного «скорпиона», ударило охотника в грудь и отбросило его на стену дома. Он был мертв еще до того, как гарпун пришил его тело к дереву.

Последний атакующий замер с ладонью на рукояти наполовину вынутого ножа. Альтсин переживал уже нечто подобное, давным-давно, когда один речной полубог пытался узнать, с кем имеет дело. Тогда он чувствовал, словно его одержала некая сила, но теперь это было для него совершенно естественно, как некогда нырнуть рукой в развязанный чужой кошелек.

Обычному смертному он наверняка казался демоном, у которого глаза на затылке, который движется быстрее молнии и обладает силой десятка людей.

Нож медленно вернулся в ножны, а последний нападающий развернулся и помчался в дом.

Альтсин двинулся следом.

И теперь, менее чем через час, сидел в том самом домике и смотрел в глаза связанного человека. Плевки пленника медленно замерзали на сапоге вора, лежащий на каменном полу человек даже не имел сил, чтобы плюнуть как следует.

Неважно.

Все это оставалось неважным в присутствии того, что колыхалось под потолком, почти посредине помещения.

Альтсин отвел взгляд от связанного мужчины и еще раз осмотрел комнату. Тут использовали немного дерева только на столешницу, остальную мебель, табуретки, лавки, даже полки около стен и рамы кроватей были сделаны из китовых костей. Старательно обработанных и соединенных.

Мастерская работа.

– Это ты сделал? – заговорил вор на диалекте несбордийских кланов.

Относительно того, что пленник – один из этих пиратов, сомнений не было. Именно они составляли большую часть добытчиков мехов и охотников в этих землях. Кроме того, у мужчины была светлая кожа и волосы, а еще голубые глаза, а татуировки из примитивных рун, украшавшие виски, позволяли понять, из какого конкретно племени или рода тот происходит.

Допрашиваемый только дернулся и еще раз попытался сплюнуть на своего пленителя. Но в этом жесте виделось больше страха и отчаяния, чем гордыни.

Это путешествие не должно было выглядеть вот так. Альтсин предполагал встретить тут корабли и людей, которые – за соответствующую плату – провезли бы его вдоль восточного конца континента туда, куда он желал добраться. Открытие магических порталов было делом непростым, неудобным и оставляло след, по которому любой более-менее талантливый чародей мог его отыскать. Кроме того, его тело все еще оставалось телом смертного: конечно, он мог пользоваться воспоминаниями *авендери* одного из сильнейших богов в истории, но применение полной силы Кулака Битвы выжгло бы его изнутри за несколько десятков минут. Подтверждалась истина древних воспоминаний – без верных и без поддержки группы потенциальных сосудов, готовых принять его дух, когда тот, что носит его сейчас, «используется», *авендери* был и одновременно не был мощью. Словно меч, сделанный из вулканического стекла: острее стали, но готовый расколоться, если ударить им слишком сильно. Смешнейшая из шуток, которые мир сумел ему устроить.

Однако он мог сделать несколько вещей, остававшихся недостижимыми для большинства смертных. Хватало нескольких минут, чтобы усвоить любой язык, на котором к нему обращались; он был быстр, силен, умел противостоять холоду, жажде и голоду.

А еще он видел духов. Животных, людей и не только.

– А ты? Чего ты хочешь? – проворчал он.

Встал и быстрым шагом вышел из дома, ведомый невысоким худым призраком, что вот уже некоторое время крутился около связанного мужчины.

Дух повел его чуть дальше, за селение, где в гигантской, наверняка помнящей не одну зиму призме утрамбованного снега вырезали огромную ледяную пещеру.

Тут, кроме шкур и мехов, которые не поместились на корабли, находился остаток прошлогодней добычи охотников. Большие, в четверть воловьей туши куски замороженного китового жира. Вход в пещеру был открыт, а многочисленные следы животных внутри свидетельствовали, что стражники забросили свои обязанности.

Но не это было важнее всего.

В двадцати шагах от этого схрона, в яме, выкопанной в снегу, валялись останки нескольких собак. А точнее – шести. Шесть черепов, сотни костей поменьше. Дух указал на собак, на пещеру, наполненную жиром, на себя. В этих жестах не было обвинения, только бессилие и печаль.

И вопрос: зачем?

Альтсин вздохнул. История, которая разворачивалась перед его глазами, вдруг сделалась простой, обрела глубину. Черной, словно ледяные глаза морских тварей. Этот лед наполнил его вены, перехватил дыхание, затянул туманом взгляд.

Он вернулся в дом. Уселся на костяной табурет. Не смотрел на мужчину. Пока нет.

– Когда вы ждали корабли?

Лежащий не ответил. Только скривился и заворчал, будто пес.

– Месяца два назад, верно? Весна приходит сюда чуть раньше, чем на восточные земли.

Но в этот год – не пришла. Корабли не приплыли.

Единственным ответом оставалось молчание.

– Запасы у вас закончились много дней назад, а человек – это не животное, не сумеет выжить, жуя кожу и заваривая китовый жир.

Альтсин поерзал на табурете и наконец посмотрел на пленника. Плавающий взгляд пары светлых, словно утреннее небо, глаз ввинчивался в него.

– Ты не знаешь, что такое голод. – Голос мужчины был скользким и липким, словно кусок подгнившего жира. – Не знаешь, что такое врехх.

Врехх – голодное безумие, это понятие происходило из языка горных кланов, обитающих дальше прочих на северо-западном побережье. *Врехх* – безумие, наводимое на человека одиночеством, отсутствием солнечного света и беспрестанным стоном северных ветров. Но прежде всего – голодом. Жутким, отбирающим разум, превращающим свои жертвы в вампиров, что питаются человеческим мясом. Мать, охваченная таким безумием, перегрызает горла собственным детям, хлебная горячую кровь, а отец – четвертует тела и дочиста обгрызает мелкие косточки. Когда уже нет жертв, детей, стариков и прочих взрослых, раскапывались свежие могилы, а когда заканчивалось и это, отрубали себе руки и ноги, обрезали уши и носы.

Ели.

Эти знания вдруг сделались частью его сознания, словно он сам от рождения обитал в здешних горах.

Но одновременно пришло и другое осознание. Люди, на которых опустилось голодное безумие, заканчивали обтянутыми кожей скелетами, воющими в небеса. А этот мужчина был худым, но не голодающим; безумным, но не сумасшедшим. Нет. Тут дело в чем-то другом.

– И отчего вы не ушли отсюда, когда корабли не прибыли?

– Как? Чем? Пешком через Лохарры? Без еды? Без...

– Санями. У них были собаки. Люди не могут питаться одним китовым жиром, но собаки – могут. Да и они бы смогли. Всего лишь просили о помощи.

Лицо мужчины превратилось в маску ярости.

– Это наше. Наше! Мы должны были сторожить! Не отдавать! Не дать! Наше! Не их!

Уже не говорил, только взлаивал, брызгая слюной во все стороны.

Альтсин заглянул ему в глаза, а вопли смолкли, словно связанному кто-то затыкнул на горле виселичную петлю.

– Их было двое. Единственные из племени, у кого хватило сил отправиться за помощью. Взяли собак, которые еще могли тянуть сани, и поехали на запад, откуда каждый год приходит весна. Добрались аж сюда. У вас было все, чтобы их спасти. Достаточно китового жира, чтобы накормить все поселение. Они не хотели ваших мехов или шкур, могли даже заплатить за этот жир своими. А вы...

– Если бы мы отдали этим животным, что они хотели, они приходили бы сюда каждый год. И их становилось бы все больше. Это не люди. Это твари. Взгляни на них. Взгляни.

Альтсин посмотрел на то, что висело под потолком. Два тела, почти человеческие, хотя ниже, чем люди, и шире в плечах, ободранные от одежд, словно это могло облегчить их... обработку. Оба ахера оказались профессионально выпотрошены, с частично снятой кожей. С бедер и ягодиц им вырезали широкие и длинные полосы мяса. Хотя, сказать честно, мяса этого на них было немного. Их лица с крупными надбровными валиками и клыками, торчащими из нижних челюстей, были удивительно спокойными для того, что с ними случилось.

– Видишь? Смотри. Это не люди. Человеческого мяса я бы не ел, клянусь, но они? Животные. Животных убивают, а не кормят собственной кровью.

– Ты вдруг начал говорить красивыми, длинными фразами? У них были собаки, они предлагали их вам взамен за этот жир. Вы могли взять сани, животных, поехать вдоль побережья сперва на запад, потом на юг. С хорошо откормленными собаками это восемь, ну, может, десять дней – и вы были бы среди людей.

– А они? Что они? Забрали бы часть добычи и пошли к своим, но потом – что? Вернулись бы за остальным? За нашим. Нашим! Не этих животных! Не их!!!

– А потому вы схватили этих двоих, убили и съели их собак, но те были худыми, надолго их не хватило. А потом – это? – Альтсин указал на тела.

– Они сами умерли. Сами. Наши ножи не отобрали их жизни.

Альтсин покивал.

– Это правда. Умерли сами. Вы только забрали их шубы, связали и оставили голыми на улице. А умерли они сами.

Он вышел из дома. Холодно. Далеко на востоке, где-то за Большим хребтом Ансар Кир-рех, он чувствовал... нечто. От этого места его отделяли еще сотни миль, потому впечатление было таким, словно он уголком глаза примечает лучик луны, протискивающийся сквозь щель в ставнях, но... проклятие, он мог это ощутить. С такого расстояния! И оттуда, из места, которое просил проверить Оум, в мир била ледяная ярость, чьи осколки даже здесь меняли времена года.

Владычица Льда была вне себя от злости.

Он вернулся и присел над связанным мужчиной. Тот вывернул голову и послал ему удивительно разумный взгляд.

– Убьешь меня?

– Да.

– Потому что – что? Потому что я убил этих животных? Потому что не захотел отдавать своего?

– Нет. Не поэтому. А потому что если не убью тебя, то не сумею спокойно спать. Потому что меня станет мучить чувство, что я не сделал всего, что необходимо. Потому что в мире должно быть хотя бы немного, хотя бы капельку справедливости, а иначе – пусть бы этот мир рухнул в тартарары.

– Справедливость? Это справедливость?

Альтсин взглянул на него сверху и улыбнулся уголками рта.

– Не требуй от меня слишком многого. Я учился ей, воруя и убивая в портовых закоулках.

Он прижал голову мужчины к полу и быстрым движением начертал на его лбу знак Сломанного Меча. Сила потекла сквозь тело пленника широким, неудержимым потоком. Тот заскулил, чувствуя, как жар наполняет его члены, как огонь рвется из вен. А в миг, когда волосы его заскворчали и обуглились, а кожа принялась дымиться, – завыл.

Сила вспыхнула и сформировала портал диаметров в пять футов, а тело мужчины распалось в прах.

Альтсин вошел в переход, зная, что сэкономил себе миль двести дороги через горы. Закрываясь, магические ворота дохнули огнем на дом, а деревянные стены мигом задымились и вспыхнули.

Несколько часов огонь танцевал по всему покинутому поселению.

Глава 1

Город млел в хватке жары. Дни напролет солнце плавало улицу с упорством кузнеца, который нагревает в очаге упрямый кусок железа, а по ночам горячие камни и кирпичи лишь отдавали тепло, словно издеваясь над молитвами жителей, истосковавшихся по малости холода. И хотя согласно календарю и наблюдениям астрологов и магов за оборотами звезд на небе была лишь середина весны, жара и не думала смягчаться.

Говорили, что счастливые обладатели подвалов переносили туда кровати, потому что лишь в нескольких стопах под землей можно было отыскать хотя бы небольшую передышку от вездесущей жары.

Некоторые старики рассказывали, что даже на их памяти не было такой горячей весны. Такая весна, говорили они, такая весна – знак недовольства Матери, знак войн, эпидемий, пожаров, наводнений, голода и мора скотины. Интересные времена близятся, бормотали они, интересные.

Но стариков мало кто слушал, для них любое время года было самым теплым, или самым холодным, или самым дождливым и любое предвещало если не конец света, то как минимум рост налогов или хотя бы болезненный запор. Порой старость смотрит на мир сквозь стекляшку, найденную в куче мусора, и тут невозможно что-либо поделать.

Но жара, независимо от таких разговоров, продолжала держать город в потной, липкой и отбирающей силы горсти.

К полудню любое движение на улицах замирало, тротуары пустели, торговцы закрывали лавки, скамьи перед винными погребками грелись под солнцем, с нетерпением ожидая гостей. Жизнь перебиралась поближе к фонтанам, колодцам и стокам с акведуков, где обмывались, обливались водой и даже пытались плавать, поскольку, чтобы добраться до любой из городских бань, требовалось либо резервировать места за несколько дней, либо трясти кошельком, полным золота.

Пришелец из дальних стран, внезапно перенесенный на эти улицы неким магическим фокусом, мог бы подумать, что оказался в одной из легендарных метрополий Дальнего Юга, где солнце восходит на небосклон повыше, где все носят шелка, где бесценные приправы устилают землю, а смуглокожие красотики прохаживаются в сопровождении рабов-кастратов. Он бы тогда наверняка не поверил, что находится в Меекхане, том самом Меекхане, Граде Городов, Сердце Империи, Цветке в Кремневой Короне, Первом Верстовом Столбе. Ну разве что городская стража задержала бы его за бродяжничество и бесправное использование телепортационной магии и, ругаясь на чистом меекхе, погнала бы в подземелья.

Маловероятное развитие событий, поскольку в полдень даже стражников было нелегко повстречать на улицах. Наверняка они искали прохлады подле одного из фонтанов.

Потный мужчина, который хромал коридором императорского дворца, убедился в этом на собственной шкуре. Портал выбросил его посередине улицы, после чего – чавкнув и издав шипяще-булькающий звук – исчез. На происшествие это никто не обратил внимания – даже хромая собака. Не то чтобы магический проход, открывающийся посреди улицы, был в столице чем-то необычным, поскольку все важнейшие гильдии и товарищества магов имели здесь свои представительства, да и армия, дипломаты и даже богатые купеческие цеха охотно пользовались возможностями быстрой переброски людей и новостей, но именно из-за этого тут руководствовались определенными правилами.

Вот уже сто лет Щит лох-Хевлена действовал безупречно. Десятки мощных амулетов – насыщенных Силой аспектов, сбивающих магические порталы, таких как Морозный Поцелуй, Собачий Нос или Терние, – приводили к тому, что в радиусе двух миль от центра города ни одна телепортация не могла совершиться с безопасным смещением. А для магов, которые

пытались открыть переход непосредственно в один из императорских дворцов, они являли себя бездонной ледяной бездной, где невозможно было установить направление ни одного коридора или комнаты.

В мире, где и посредственный чародей с нужным аспектом умел открыть портал, на безопасности императора и двора не экономили.

Но это служило слабым утешением для путника, которого портал выбросил в двух милях от цели и который последние полчаса волокся раскаленными, словно печка, улицами, чтобы, добравшись до ворот в стене, что окружала императорский сад, и показав Имперскую Печать, продолжить ждать, пока некий службист-капитан из гвардии проверит, с кем они имеют дело.

В этот момент Гентрелл-кан-Овар придушил бы негодяя голыми руками, хотя, с другой стороны, сам приказал бы повесить офицера, если бы тот отнесся к безопасности спустя рукава. Есть правила, которые обязательны для каждого, к тому же Крысиная Нора отвечала за большую их часть.

Наконец ему позволили войти в пустынный сад и направили в левое крыло дома. Он задумался, отчего из трех резиденций императора в Городе выбрали именно эту. Не дворец Калиахэ, главную усадьбу рода бер-Арленс, которая служила центром власти вот уже двести лет, и не сияющую белым мрамором трехсоткомнатную архитектурную аберрацию, известную как Сонверия, окруженную садом в несколько сотен акров. Вместо этого встреча должна была пройти в Менанере, который официально – хотя и несколько на вырост – называли Менанерским дворцом.

Строение находилось в самой старой части города, помнящей начало Империи. Его выстроили сразу после того, как отбили эти земли у культа Реагвира, когда молодое государство, не готовое решиться, желает ли оно идти войной на остальную часть континента или же удовлетворится тем, что уже имеет, пыталось усилить свои границы. Эта часть столицы носила название Кремневого Района, и название точно не было дано на вырост. Здешные улочки, узкие, крутые, легко баррикадировались, дома имели мощные стены, охраняемые тяжелыми дверьми и узкими окнами, а отвесные крыши, покрытые серым сланцем, гарантировали, что брошенный на них факел скатится и умрет в канаве.

Менанер был сердцем этого района, старшим братом любого из домов, он вырастал над этим местом двумя башнями, гордо возносящимися в небо, – истинными защитными столпами с зубцами и скрытыми за ними стрелецкими галереями, откуда можно было вести обстрел во все стороны. А триста ярдов «сада» вокруг – сада, в котором не росло ничего выше молочая, – гарантировали, что лучникам не придется беспокоиться о выборе цели.

Эти триста ярдов измотали кан-Овара настолько же сильно, как и разогретая брусчатка города. Зато когда после очередной проверки он наконец оказался внутри, он стал догадываться о причине того, что встреча была назначена именно здесь.

Стены толщиной в три фута скрывали комнаты, холодные, будто древние склепы. Едва лишь он оказался за дверьми, молчаливый слуга подал ему миску с ароматизированной водой и произнес глубоким звучным голосом с характерным для центральных провинций акцентом:

– Встреча произойдет в Парадном зале. Прошу за мной.

Гентрелл глянул на него, пытаясь понять, получит ли он еще какие-то указания. Императорскими слугами правил – железной рукой – Мавило Ванесарес, прозванный Бурым Ключником. Говорили, что он происходил из одной из восточных провинций, а император якобы лично спас ему жизнь во время Битвы за Меекхан, приобретя тем самым его полную и беззаветную преданность. И это именно Ванесарес, и никто другой, решил, что ни Нора, ни Псарня, ни дипломатическая служба или даже Совет Первых не имеют права размещать при дворе никаких агентов. Императорская семья не падет жертвой войн и толкотни за власть, заявил он, а поскольку император поддержал его решение, то дискуссия на том и закончилась.

Ванесарес, естественно, не имел никакого влияния на то, сколько шпионов попытаются разместить при дворце жрецы, маги или сильные купеческие гильдии, но, насколько знал Третья Крыса, из этого тоже мало что удавалось. Так называемые личные слуги императора, то есть люди, которые непосредственно контактировали с императором, насчитывали не трехсот человек, и каждый из них был лично выбран Ключником. Что же до остальных – тысячи безымянных уборщиков, конюхов, садовников, истопников и дворников, то Нора время от времени получала список фамилий с вежливой просьбой проверить этих людей – и всегда большинство из них оказывалось марионетками, управляемыми извне дворца. Множество двойных агентов появилось таким вот образом, потому между Бурым Ключником и Крысиной Норой существовало нечто вроде неписаного молчаливого союза. Он позволял им использовать некоторых из этих шпионов, они же потихоньку помогали в его стараниях, чтобы ближние слуги императора остались только слугами.

Но Гентрелл-кан-Овар предпочел бы иметь здесь хотя бы одного из своих людей, чтобы, по крайней мере, обладать хотя бы тенью шанса, что он получит информацию, зачем его вызвали столь внезапно, используя магию и отрывая от по-настоящему важных дел. Понкее-Лаа пылало огнем религиозного фанатизма, направленного против матриархистов, а все, что направлено против Великой Матери, направлено также против Меекхана. И хотя Жемчужина Побережья уже не украшала имперскую корону, через ее порт продолжала идти половина императорской торговли. До настоящего времени тамошний Городской Совет руководствовался здравым смыслом, зная, что обе стороны получают от такого холодного, лишнего сантиментов подхода. Уговор этот, хотя и не был нигде записан, оставался прост: княжество Фииланд и город, который на самом деле княжеством правил, не будут чинить препятствий меекханским купцам – не только из-за страха перед Империей, но и потому, что две трети золота, остающегося в Понкее-Лаа, приносила торговля с Меекханом. В свою очередь, империя, удовлетворенная таким сотрудничеством, не вышлет армию, чтобы та вернула Утраченную Провинцию, как звали здесь территории Вольных Княжеств и самого Фииланда.

Этот уговор, прагматичный, словно брак по расчету, прекрасно себя чувствовал последние двадцать лет, и вдруг всего за несколько месяцев все посыпалось из-за – как наивно думали многие – демона религиозного фанатизма. А с фанатиками, особенно из культа Владыки Битв, невозможно говорить рассудительно.

Но скорость, с которой жрецы Реагвира усилили свою власть в Понкее-Лаа, указывала на то, что они получили помощь. Возможно, это было золото, текущее от враждебного Меекхану государства, а может – вмешательство неких сильных магов, хотя союз между жрецами и чародеями казался маловероятным, – а может, даже и из-за Бессмертного, расставляющего своих пешек на игровой доске. Эта последняя возможность пробуждала в Гентрелле настоящий ужас, а потому он лично активировал всех агентов, которых Нора разместила среди имперских жрецов Храма Реагвира. Эта часть культа Владыки Битв, которая была принята в официальный пантеон и подчинена Великой Матери, обладала куда более мягкой формой, чем остальные разновидности культа, находящиеся вне Меекхана, хотя и она находилась под присмотром Крысиной Норы. Мало каким другим Храмам Внутренняя Разведка уделяла такое внимание.

И ничего.

Не было и малейшего доказательства, что Реагвир лично пытался управлять своими жрецами в Понкее-Лаа. Его Царство представляло собой территорию удаленную и закрытую, и даже если молитвы верных преодолевали врата, то ответы на них всегда были довольно загадочны. Если бы, однако, оказалось, что за событиями в Понкее-Лаа стоял именно Владыка Битв, то изысканность и незаметность, с которой он действовал, устыдили бы даже такого старого шпиика, как Третья Крыса Империи.

Не удар боевым топором, а аккуратный укол саблей, поцелуй отравленного ножа, гаррота, ласкающая горло темной ночью.

Действия, Реагвиру совершенно несвойственные.

А потом вдруг, за несколько дней, бунт погас. Словно кто-то накрыл светильник колпаком. Последние донесения говорили о разборе баррикад и о волне репрессий против наиболее фанатичных сподвижников Владыки Битв. Существовал шанс, что если матриархисты, а особенно жрецы Великой Матери, все хорошо разыграют, то им удастся занять доминирующее положение среди религий Понкее-Лаа. Нора уже начала даже потихоньку поддерживать тамошних иерархов.

Старая пословица гласила: где храмы Госпожи – там Меекхан.

Все, казалось, складывается просто превосходно, вот только никто так и не узнал, что на самом деле произошло в этом проклятом портовом городе. А незнание – для Гентрелла особенно – было как свербящее место под лопаткой, куда сложно дотянуться и почесать. И приводило его в неистовство.

Эти мысли кружили в его голове, пока слуга довел его до зеленой двери, вежливо поклонился и без слова, даже не моргнув, удалился. Сукин сын.

Парадный зал согласно названию подавлял своим размером – хотя отнюдь не внутренним обустройством. Были тут лишь один стол с несколькими стульями вокруг и два небольших шкафчика, подпирающие стены: вот и вся обстановка; однако же, принимая во внимание то, что лежало нынче на полу, этому никто не должен был удивляться. Вообще же зал представлял собой просто большую комнату с рядом окон на одной стене и несколькими картинами военной тематики на остальных. Битва под Гонвером, оборона брода на Йиис, генерал геп-Хевос, поднимающий на дыбы коня и указывающий мечом на щель в рядах Черного Легиона Реагвира. Генно Ласкольник, ведущий решительную атаку в последний день Битвы за Меекхан. Крыса даже считал, что кто-то из врагов генерала подкупил художника, потому что на картине лицо Ласкольника было таким, словно он страдал от тяжелого запора.

Однако нынче большее значение, чем картины с героями Империи, имел человек, сидящий на стуле напротив двери. Среднего роста, седоватый, в простой одежде, какую мог бы надеть странствующий купец или местечковый писарь. Серые штаны, желтая рубаха, зеленая жилетка. Креган-бер-Арленс, Император Меекхана, Владыка Тысячи Путей, Властелин Кремневой Короны, Победитель Восточного Нашествия – и так далее – любил подчеркивать, что церемониал и этикет – это всего лишь орудия, а не самоцель. А когда нужно, как он говорил, «браться за работу», следует ограничивать этикет до необходимого минимума. Как нынче.

– Ваше величество. – Гентрелл-кан-Овар низко поклонился, при случае внимательно поглядев на то, что лежало на полу.

– Крыса. – Улыбку императора сопровождал жест, приказавший шпиону выпрямиться. – Как дорога?

– Лучше некуда, ваше величество.

– Я и вижу. Как колено?

Со времени происшествия в замке Лотис, когда Третья Крыса столкнулся с одетой в белое яростью, правое колено Гентрелла порой начинало себя вести как часть тела, принадлежащая кому-то другому. Хотя лекари Норы хорошо с ним поработали, оно хрустело, скрипело, а после длительного усилия начинало пульсировать мерзкой, тяжелой болью. Вот как нынче. Но он мог уже ходить без трости, а в первые месяцы после той мясорубки вообще не был уверен, сумеет ли встать на эту ногу.

– Прекрасно, благодарю.

Небрежный кивок завершил обмен любезностями. Император встал, подошел к лежащему на полу барельефу и, щурясь, взглянул на него с загадочным выражением на лице. Гентрелл посвятил несколько ударов сердца тому, чтобы присмотреться к владыке.

В таких обстоятельствах, неофициально, без армии придворных, что пластались бы вокруг, без жесткого протокола, предписывающего, кто и как близко к императору может сто-

ять, насколько низко должен кланяться и сколько времени держать голову склоненной, он не видел императора вот уже добрых семь... нет, восемь лет. Боги, а он, однако, постарел, и дело тут не о том, что выглядел он так, словно много дней не досыпал, и не в мешках под глазами и губах, сжатых в тонкую линию. Дело было в глазах. Крыса видел глаза старого человека. Измученного и разочаровавшегося. А ведь Крегану-бер-Арленсу едва-едва исполнилось пятьдесят.

Император отвел взгляд от пола и посмотрел на Крысу, а кан-Овар дернулся, будто большой шершень ужалил его в затылок. Не разочаровавшегося, понял он вдруг, но того, кто знает, что его ждут непростые дни и ночи, и он не станет колебаться, отдавая приказы, характерные именно для таких паршивых времен.

– Я знаю, что мое лицо выглядит настолько же мерзко, как вот это. – Император пнул ногой каменные плиты на полу. – Но я был бы тебе благодарен, если бы ты посвятил свое внимание именно ему. Знаешь, что это такое?

– Безумие Эмбрела.

Ответ вырвался у Гентрелла раньше, чем он понял, что именовать прапрапрадеда императора безумцем – не слишком-то умно. Но, черт побери, даже в официальных хрониках Империи порой использовалось именно это название.

Безумие Эмбрела – точная копия Империи, высотой в тридцать и шириной в сорок футов, выполненная из мрамора и неисчислимого числа драгоценных и полудрагоценных камней.

Было на ней изображено все: горы, долины, реки, озера, леса, дороги и важнейшие города. Границу создавала линия стальных мечей и щитов, символ довольно явственный, но почти кичеватый на фоне богатства, которое он стерег. Поскольку за этой линией реки и озера были выложены изумрудами и сапфирами, леса произрастали из высоких, в дюйм, вручную сделанных деревьев с серебряными стволами и кронами из жадеитовой крошки. Миниатюрные города гордо возносили свои башни с куполами из рубинов и топазов, имперские дороги – ленты аметистов, агатов и гранатов – проскакивали над изумрудными реками мостами из чистого золота. А посередине всего этого – Меекхан, этот Меекхан, Сердце Империи, Град Городов, сверкал единственной башней, увенчанной алмазом в сто семнадцать каратов, названным Слезой Матери.

Поговаривали, что стоимость этой игрушки превышала трехлетний доход имперской казны, причем в годы расцвета Империи. Рассказывали, что Безумие Эмбрела, висая на стене в императорском зале приемов, производило такое впечатление на чужеземные делегации, что оказывалось важнее, чем десять полков пехоты. Варварские эмиссары, видя эту нарочитую демонстрацию невероятного для них богатства и силы, сгибали выи ниже и начинали относиться к сидящему перед ними владыке как к полубогу. В тени барельефа появлялись договоры, еще сильнее укреплявшие мощь Империи.

Во время войн с се-кохландийцами барельеф исчез со стены, смененный картинами, изображавшими славу меекханского оружия. Официально его отдали на обновление и чистку. Лишь немногие знали, что Безумие обобрали от всего великолепия, выкорчевали пущи с деревьями с серебряными стволами, от изумрудных рек остались лишь неглубокие шрамы в мраморе, золотые мосты переплавили на монеты, а рубины, аметисты, топазы и прочие камни продали. За полученные таким-то образом деньги выставили Первую Конную, и осталось еще, чтобы нанять, заплатив драгоценностями, тысячи варваров из Малых степей. Якобы лишь Слеза Матери и уцелела, спрятанная в безопасном месте, причем только потому, что на нее не сумели найти покупателя.

Этот некогда считавшийся проявлением безумия и гордыни предка императора памятник сделался последней надеждой Империи во времена се-кохландийского нашествия. А были это времена, когда в сокровищнице с пола срывали мраморные плиты, чтобы продать и их.

И теперь Гентрелл видел перед собой образ Империи, ободранной от богатств. Каменные плиты лежали бесстыдно в своей наготе. Сорок девять фрагментов мрамора, уложенных определенным образом, создавали общую картину. Кремневые горы, Манелавы и Довсы в центре, Большой и Малый хребты Ансар Киррех на севере, горы Крика и Анаары на юге. Риски на камне от рек, дыры на местах городов, бесчисленные оспины там, где некогда вставляли жадитово-серебристые леса. И лишь череда запыленных, порой изогнутых и сломанных мечей и щитов на границах осталась на своем месте.

Перед глазами Крысы была аллегория разрушенной войной державы.

– На самом деле, – голос императора донесся до него словно издалека, – все не так плохо. Налоги текут, соляные рудники дают устойчивый доход, а добыча железа на севере вот уже пять лет как достигла довоенного уровня. Фииландийцы, как и прочие дураки из Вольных Княжеств, даже думать не смеют об устройстве хоть каких-то проблем нашим купцам, что сплавляют товары по Эльхарану. Все в порядке – может, за исключением Понкее-Лаа, но и там дела идут все лучше, верно?

Гентрелл отвел глаза от барельефа и встретился с насмешливым взглядом.

– Порой, когда ты задумываешься, по твоему лицу можно читать, как по открытой книге, кан-Овар. Когда бы я не знал, что у тебя в голове целая библиотека, включая книги, которые ты никому не показываешь, я бы приказал перевести тебя на другую службу. Или повесить.

Император прошелся по каменным плитам и чуть пнул ближайшую.

– Я решил, что это будет лежать здесь, пока мы ее не восстановим. Это самая подробная и большая карта Империи, какая у нас есть. Пригодится.

Шпион заморгал, выловив из последнего утверждения самую важную информацию.

– Восстановим, ваше величество?

На миг он почти услышал тысячи, десятки тысяч имперских оргов, что золотой рекой выпадают в бездонную дыру. Безумие Крегана?

– Нам придется. Тронный зал без этого украшения пустоват. Люди начинают задумываться, насколько все у нас худо. Кроме того, в последние годы наши мастера-стекольщики и алхимики изобрели сотни способов окраски стекла, а позолоченный свинец выглядит прекрасно, пока кто-нибудь не примется скрести его ножом. К счастью, насколько я помню, никто не имеет права подходить к трону с оружием, а потому есть шанс, что многие годы никто не сообразит, что мы пускаем пыль в глаза. А Слеза Матери вернется наконец на свое место.

Еще один пинок выровнял едва заметно отошедшую плиту.

– Нам нужно доказательство, что ничего не изменилось, Крыса. Империя уже воспрянула от набега кочевников, мы воспитали новое поколение, отстроили крепости, города и села, торговля пульсирует в наших венах, а в армии почти столько же солдат, сколько было до войны. И потому нам нужно, особенно здесь, в столице, ощутимое доказательство того, что набег был лишь дурным сном, минутным сбоем в непрерывной истории доминирования Меекхана над остальным цивилизованным миром. Так что мы восстановим Безумие Эмбрела и повесим его на место.

Император подошел к столу и взял в руку длинную, в несколько футов, палицу, а потом двинулся вокруг барельефа. Миновал Травахен, отправился на север вдоль углубления, которое имитировало Белое море, где некогда в сапфировых волнах плавали махонькие кораблики с корпусами, украшенными жемчугами, и остановился около северо-восточного края карты. Некоторое время молча смотрел на большое и почти плоское пространство камня, которое символизировало Великие степи, отделенные от земель Империи рядом изогнутых стальных мечей и щитов, что вились вдоль глубокой щели в мраморе. Амерта, река, являющаяся восточной границей Меекхана, выглядела исключительно неприметно, словно лишь напоминая, что один раз она уже пропустила в глубь страны орду варваров.

– Что у Фургонщиков?

Палица уткнулась в территории к востоку от Олекадов. Литеранская возвышенность, приткнувшаяся к северному краю Великих степей, выглядела исключительно маленькой и неприметной.

– Ваше величество? Я...

– Нет! – В голосе императора появилась новая нотка. Резкая, опасная, и хотя владыка не отводил взгляда от лежащего на полу изображения Империи, Гентрелл почувствовал, будто его стегнули кнутом. – Мы не станем играть в «ничего-об-этом-не-знаю-господин», «это-вне-моей-компетенции» или «этими-делами-занимаются-в-разведке-другие-люди». Ты – Третья Крыса в Норе. Тебе были доверены важнейшие из тайн Империи, в том числе и руководство гарнизоном в Лотис и опека над тамошними узниками. Мы лишились там Ханевельда, а Псарня до сих пор сходит с ума при воспоминании о смерти Второй Гончей. Еще мы потеряли пару десятков солдат – свидетелей резни в Глеввен-Он, а единственная персона из селения, с которой удавалось хоть как-то общаться, закончила как ребенок, плененный в теле на несколько лет ее старше, – и ничего не помнит. След, ведущий к Малышке Кане, оборвался. А я напоминаю, что согласно тому, что нам известно, ее ищет половина наших богов. Остальные наверняка тоже, хотя и притворяются, что нет.

Креган-бер-Арленс наконец взглянул на подчиненного, а Гентреллу вспомнилось первое впечатление, возникшее у него об императоре, когда Крыса увидел его нынче. У императора был взгляд человека, который уже принял решение и теперь готов отдать любой, даже самый паршивый приказ, чтобы достигнуть цели. Гентрелл задумался, но внезапно почувствовал облегчение.

Первый человек в Империи продолжал, сверля Крысу каменным взглядом:

– И кое-кто – например, несколько людей, стоящих ниже тебя в иерархии, – мог бы утверждать, что это – твоя вина. Девушка была от тебя на расстоянии вытянутой руки, а ты позволил ей исчезнуть. Мы нашли рисунок, который она использовала, чтобы сбежать. Перенеслась в Понкее-Лаа, наиважнейший на свете порт для нас, и что же? Не прошло и года, как Жемчужина Побережья кипит, а наши купцы начинают нести потери. Что скажешь?

– Ситуация уже исправляется, ваше величество. Бунт был остановлен, а тамошний Совет Города наводит порядок.

– Бунт не был остановлен, он просто погас по непонятным причинам. Культ Владыки Битв утратил напор, словно что-то подрезало ему крылья, а мы не знаем, что за этим стояло. Или, скорее, кто за этим стоял.

Крыса заморгал. О бунте и близящейся религиозной войне в Понкее-Лаа слухи ходили уже несколько месяцев. Это была тайна улиц, закоулков, ремесленных цехов и купеческих гильдий. В Храме Мудрости и Милости Владычицы провели даже несколько богослужений, на которых молились о «наших братьях в нужде». А пару десятков дней назад, когда до столицы добрались вести, что порядок восстановлен, весь город – да и не только он – вздохнул свободно. Религиозная война в Жемчужине Побережья означала бы неимоверные потери для экономики Империи. Товарные склады, полные вещей, которые не выгодно доставлять за границу иначе, чем рекой и морем, закрытые мастерские, уменьшившиеся – а то и утраченные – строения. Даже рассматривалась (о чем знали совсем немногие) возможность удара Армии Босхад вдоль реки в самое сердце Фииланда. Гентрелл был из тех, кого посвящали в эти планы, поскольку как Третья Крыса он и сам занимался подготовкой рапортов на тему ситуации в Вольных Княжествах, которые пришлось бы подчинять по дороге, а также насчет численности, морали и боеспособности босхандцев. Он сам рапортовал Норе, что четырех пеших дивизий, в том числе двух, сокращенных до двух полков, и хоругви конницы – маловато, чтобы овладеть настолько большой территорией. Понкее-Лаа отделяло от границ Меекхана более четырехсот миль по прямой, а дорогами вдоль реки – более пятисот: слишком много, чтобы небольшая Армия Босхад могла обеспечить непрерывность поставок, резервов и не дала отрезать себя от

метрополии. Особенно сейчас, когда большая часть кавалерии передвинута на границу с секохландийцами.

Участие Меекхана в войне на юго-западе в тот момент, когда восток все еще кипит, напоминало бы ситуацию, когда кто-то одной рукой гасит пожар на кухне, а второй бросает головни в спальню.

Но информация о том, что бунт не был подавлен силой, а просто культ Владыки Битв по непонятной причине потерял размах, его предводитель, раненный при неясных обстоятельствах, исчез, а большинство боевиков вдруг разошлись по домам, что и позволило рукосям из клики, управляющей Понкее-Лаа, взять ситуацию в городе под контроль, оставалась тайной.

– Да. Ты прав. – Креган-бар-Арленс отвел от него взгляд и двинулся вдоль края барельефа. – Кто-то протекает. Кто-то выдает охраняемые секреты, и этого кого-то необходимо в ближайшее время найти и уничтожить. Я прав? Не может быть, чтобы любой – а особенно император – знал ваши секретики. В конце концов, недопустимо, чтобы Крысиная Нора не имела нескольких небольших тайн, пары отравленных клинков, спрятанных за пазухой, какой-никакой гарроты, готовой к использованию в любой момент. Никто, даже я, не должен ограничивать вашу власть. А именно этим и являются ваши секреты. Властью. Порой – властью абсолютной. Верно?

Взгляд императора снова ударил Гентрелла, будто камень из пращи.

– Ты раздумываешь, отчего я развлекаю тебя этим монологом?

– Ваше...

– Коротко! Да или нет?

Третьей Крысе Империи понадобился весь его опыт, полученный за последние четверть века службы, поддержанный всей силой воли, чтобы не сглотнуть слюну слишком громко. Горло было сухим, словно он пробежал как минимум десяток миль.

– Да, ваше величество.

– Потому что вы снова забываетесь. Вы и Псарня. Как это было перед нападением кочевников. Помнишь? Вы сосредоточились на вашей войне за власть и влияние и забыли, зачем создавались Крысы и Гончие. Мне нет дела, что генерал сол-Дрим имеет слабость к молодым офицерам, а великий магистр Лосландского цеха кожевников проиграл тридцать тысяч оргов в кости и тянет деньги из кассы братства, пока Нора будет использовать эти сведения, чтобы направлять действия упомянутых во благо Империи. Но в тот момент, когда мы ищем девушку, называемую Канайонесс Даэра – да, я даже знаю ее настоящее имя, – а вы и Гончие рвете друг у друга информацию, словно дети, дерущиеся из-за игрушки, подставляете подножки, путаете следы, несмотря на то, что получили четкие указания, насколько важна ее поимка... – Император набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул. – Я не стану относиться к этому нормально. А теперь вы еще и начали в стране свою личную войну. Вторая Гончая погиб, Псарня за это убила некоторых ваших агентов, вы подложили им несколько свиней, убрали двух чрезвычайно важных людей в Храме Лааль и уничтожили сеть шпионов в Вольных Княжествах. Они готовят контрудар, за которым последует ваш ответ, и вся эта игра будет длиться и длиться. Такого не должно быть! Это последнее предупреждение, Крыса. Тебе, Первому и Второму – и Суке. Понимаешь?

Гентрелл вспомнил смерть Вельгериса Ханевельда – Второй Гончей Империи. Третья Крыса все еще полагал, что на самом деле Ханевельд заслужил то, что с ним случилось: прибыл в замок без приглашения, пытался шантажировать Нору и отобрать у нее важных и единственных свидетелей происшествий, которые наверняка были началом нынешнего хаоса, то есть появления в Империи Малышки Каны. А может, и вообще – всех проблем в мире. А потом? Он до сегодняшнего дня все пытался как-то разобраться с тем, что случилось потом.

В замке, пробив крепчайшие запоры имперских магов, появился одетый в белое убийца, а следом за ним – уже несколько лет разыскиваемая Канайонесс. Все закончилось схваткой в

темных коридорах, смертью многих достойных людей и, что хуже всего, гибелью Второй Гончей. Псарня до сих пор так и не поверила, что Нора не имела к этому никакого отношения. Схватка между Разведкой Внешней, называемой Гончими, и Внутренней – Крысами, – тлеющая десятилетиями, после резни в замке Лотис вспыхнула кроваво и жутко.

Он сам читал рапорты о смерти нескольких шпионов, об исчезновении десятка других, о странных пожарах, необъяснимых провалах прекрасно подготовленных операций, о массе фальшивых рапортов, что заваливали Нору; об агентах, чья лояльность внезапно меняла свой знак. Он и сам отдавал приказы об ответных акциях. Порой – направленных вслепую, но всегда грязных, а иногда даже, противу обычаям Норы, – демонстративных. При этом в его провинциях, в юго-западной стороне Меекхана, война между разведками носила спокойный характер. Он слышал сплетни о столкновении между боевыми дружинами Норы и ватагами Псарни, в котором приняло участие шестьдесят убийц и восемь магов. Половина погибли, а остальные спрятались неизвестно где, а хуже всего, что никто не знал, как до этой схватки вообще дошло.

И все же императорская убежденность, что достаточно предупредить и погрозить пальцем – и конкурирующие и борющиеся годы и десятилетия разведки пожмут друг другу руки, была весьма наивной, чтобы не сказать глупой.

Он заметил, как на лице Крегана-бер-Арленса появляется улыбка. Холодная и спокойная.

– Ты тоже, Крыса? У Эвсевении, по крайней мере, нашлось достаточно такта, чтобы не выдавать себя выражением лица. Хотя внутри она наверняка ворчала, как настоящая сука. Но повторю тебе то же самое, что сказал ей. У вас полгода, не больше, чтобы погасить вашу войну. Я не требую невозможного, знаю, что до некоторых агентов не доходит сразу. Разошлите соответствующие приказы, охладите горячие головы, если нужно – перебросьте людей на другой конец Меекхана или избавьтесь от них иным способом. Вы за это ответственны лично. Первая пятерка в Норе и на Псарне. Если через полгода ничего не изменится – а уверяю, что я узнаю об этом, – вы убедитесь, насколько глубоки у меня подземелья под этим замком. Обещаю.

Император перевел взгляд на каменные плиты.

– А теперь я спрошу снова, Крыса. Что там у Фургонщиков?

Глава 2

Курган вставал отвесно, бодал небо, словно каменный наконечник со сломанным острием, оброненный неизвестным богом. Это была первая мысль, которая приходила человеку в голову, когда он отбрасывал край шатра и вставал перед этим великаном. И в очередной раз Эккенхард почувствовал удивление и уважение, смешанные с потрясением. Фургонщики насыпали эту постройку примерно за два месяца, причем не как остальные степные курганы – из земли, – но из камней и скал, доставленных от подножья Олекадов.

Камни, весящие по несколько тысяч фунтов, укладывали слоями, заполняя щели между ними меньшими камнями и щебнем. Этот курган, называемый уже всеми Страданием Избранной, должен был стоять веками, тысячелетиями, чтобы напоминать о дне, когда Владычица Лошадей снова обратилась к верданно и объявила им свою волю. Близилась тяжелые времена, дни крови и гари, зноя и слез, а потому Фургонщики были освобождены от клятвы и могли теперь оседлывать лошадей. Жертва Кей'лы, Избранной, чье видение сдержало братоубийственную резню и вернула племенам Фургонщиков их Утраченных Детей, требовала именно такой памяти. На вершине кургана величественно встанут три столба, поставленные пирамидой, а под ними будет гореть вечный огонь.

Вопрос, отчего боги, прежде чем ниспослать на кого-то видение, «одаривают» его ужасными страданиями, словно не могут просто оторвать жопы от позолоченных тронов и рассказать все по-человечески, все еще оставался без ответа.

Но истина такова, что тут и теперь лучше было на задавать подобных вопросов.

Эккенхард вчера разговаривал с Анд'эверсом. Анд'эверсом Сломленным, Анд'эверсом Седым. Помнил его с ранней весны, когда Фургонщики только готовились к пути через Олекады, помнил мощного мужчину с голосом, привыкшим отдавать приказы, окруженного почти зримым уважением со стороны своих людей. Теперь кузнец, бывший *Эн'лейд* лагеря Нев'харр, был исхудавшей, почерневшей тенью себя самого. Волосы его поседели, он горбился, а руки непрерывно сжимались в кулаки. Он стискивал и расслаблял их, словно пытался замешивать тесто из боли и потери.

Целые дни он проводил примерно в миле от кургана, который его земляки возвели в честь его дочери, и глядел в круг выжженной земли. В этом месте сгорел фургон с Кей'лой. И в этом же месте сгорело сердце кузнеца. Некоторые говорили, что он перегибает, что у него уцелела большая часть семьи, осталось у него несколько детей, сыновья, стройные, словно молодые скакуны, и дочери, прекрасные, будто кобылки-трехлетки. Что он должен радоваться и оставаться благодарным богине, которая сделала своим Голосом его младшего ребенка.

Последний глупец, сказавший это Анд'эверсу в лицо, все еще лечил сломанные кости.

Эккерхад чувствовал некоторое неудовлетворение. Он прибыл сюда, поскольку Империи требовались Фургонщики, должны сделаться острием копья, повисшего с севера над головой се-кохландийского Отца Войны. Они и сахрендеи. Вождь этих последних, Аманев Красный, был, по крайней мере, фигурой конкретной, почти королем, с которым можно говорить, заключать договоры, у него имелись сыновья, способные принять от него его титул совершенно ясным и понятным образом. Естественно, для конных варваров. Тем временем верданно продолжали опираться на Совет Лагереи, что насчитывал почти сотню людей, воспринимая королевский род как простую безделушку. Непросто создавать длительные союзы с чем-то подобным. Непросто выстраивать стратегию и уж совершенно невозможно сберечь хотя бы какой-то секрет.

Анд'эверс был для Меекхана шансом изменить такое положение дел: *Эн'лейд* лагеря Нев'харр, герой битвы под Лассой, который удержал всю мощь Йавенира, тот, чью дочку избрала сама Владычица Лошадей. Идеальный кандидат, чтобы при негромкой помощи Импе-

рии встать во главе слишком многочисленной и довольно неустойчивой системы власти у Фургонщиков. К тому же он был вдовец, а потому легко мог бы войти через женитьбу в королевский род и сделаться первым королем, которого верданно получили бы за сотни лет. А узы лояльности и дружбы, которые соединяли его с Генно Ласкольников и прочими меекханскими командирами, и чувство благодарности за помощь сделали бы его ценнейшим союзником Империи на востоке.

Но кузнец сломался после смерти младшей дочери.

Когда думал, что утратил ее, смог сосредоточиться на своих обязанностях, повести караван сквозь десятки миль степи, отбить атаки кочевников, сумел броситься в глотку самому Отцу Войны. Когда же вернул дочь на мгновение, чтобы сразу после битвы возвратиться в лагерь и встать над дымящимися руинами фургона, что-то в нем сломалось. Был словно... – Фургонщики использовали это сравнение, поглядывая на своего вождя издали, – словно лук, натянутый слишком долго, лук, который из-за этого треснул.

Эккенхард порой видел такое у агентов, что без минуты передышки трудились в сложных местах. Ломались по малейшему поводу. Нора тогда посылала их на другую работу, за бумаги или на тренировку новых шпионов. А порой их запирали в одном из тех замков, из которых они не выходили до конца жизни. Но Анд'эверса невозможно было никуда отослать. Он требовался здесь и сейчас.

Четверть часа разговора, состоящего по большей части из монолога, обращенного к спине седого старика, убедили Эккенхарда, что этот человек потерян для Империи. Анд'эверс отвечал междометиями, если вообще отвечал, не отзывался, даже когда Эккенхард объявил, что это он отослал с миссией тех двух девушек, что принимали участие в спасении дочери Фургонщика. При слове «спасение» из-под седой гривы блеснули запавшие темные глаза, а сам кузнец сплюнул в гарь и напрягся еще сильнее.

После этого словно ниоткуда появились две другие дочки Анд'эверса и дали Крысе понять, что ему время уходить. Девушки носили кожаные панцири, легкие топоры и копья, и он даже не пытался с ними спорить.

Шпион был в лагере только гостем, причем гостем, который нарушил некий неписанный закон. Фургонщики строили курган в память о Кей'ле, одновременно игнорируя безумие, что пожирало ее отца.

Рапорт, который Эккенхард вышлет в Нору, будет коротким и четким. Анд'эверса не удастся использовать в планах Империи. Но все еще не был найден лучший кандидат на владыку Фургонщиков, который одновременно стал бы верным и лояльным союзником Меекхана.

* * *

Слушая рапорт о Фургонщиках, император не отводил от Гентрелла взгляда. И этот взгляд заставлял беспокоиться. Не грозный или злой, но внимательный и взвешивающий.

И спокойный.

Кан-Овар прекрасно помнил, когда у императора был такой взгляд. Примерно четверть века назад, когда Меекхан шатался под ударами се-кохландийских копий, а большая часть советников настаивала бросить север Империи, сбежать за Довсы и Кремневые горы и переждать. Некоторые утверждали, что кочевники – как пыль, несомая ветром: что их принесло сюда, но точно так же и выдует, что они уйдут сами. Другие утверждали, что бегство в горы – это только маневр, чтобы перевести дух, выставить новые армии, заключить новые союзы. Что когда Меекхан придет в себя и отряхнется, то новые армии отправятся назад, отбивая утраченные провинции. Вот тогда во взгляде двадцати-с-небольшим-летнего императора появилось схожее спокойствие.

Остатки Армии Самр и Армии Омлах вместе с вессирцами обороняются за Малой Стеной, сказал он тогда, Олекады – словно нож, воткнутый в бок варварского королевства, крепости в горах Прощания все еще стоят, часть городов тоже не пала, а вы говорите, что мы должны бросить все, чего мы сумели достичь на Севере за последние триста лет, и сбежать? Если мы оставим северные провинции, мы никогда больше их не вернем, потеряем лояльность горцев и сердца тамошних жителей, а наше место займут культы, безумные пророки, теократии и всякие там сраные княжества. Мы остаемся. Остаемся и будем защищать столицу. Огласите всем, что император и двор не бросят Меекхан.

Большая Чистка Ржавой Осени отпечаталась на страницах истории Империи как наиболее драматический момент войны с кочевниками. Ученые назвали ту осень Ржавой, поскольку Меекхан истекал кровью сильнее, чем когда-либо, а поля битв и стычек в радиусе двухсот миль от столицы сделались рыжими от имперской крови. Генно Ласкольник, новый императорский фаворит, удержал полки кавалерии от высылки на север, выстраивая свою Конную Армию. Но, чтобы дать ему время, чтобы притормозить идущие к городу а'кееры, три армии Империи истекли кровью в нескольких сражениях, устлая равнины среднего Меекхана тысячами тел. Но, несмотря на то что говорили тогда доморощенные стратеги, это не стало бесплодной жертвой.

Потому что объявление, что Креган-бер-Арленс не побежит в горы, было вызовом, который вождь кочевников не сумел игнорировать. Йавенир Дитя Лошадей, Владыка Тысячи Копий, Отец Войны се-кохландийцев, знал, что если он займет столицу Меекхана и посадит голову императора на копье, то выиграет войну. Упрямые горцы уступят, обороняющиеся города и крепости откроют врата, а сам он войдет в легенды как тот, кто поставил на колени непобедимую Империю. Одной битвой он выиграет то, что пришлось бы вырывать во множестве кровавых компаний.

А потому он стянул под Кремневые горы все свои силы, прерывая осады крепостей и грабеж почти беззащитной страны. Историк все еще спорят, принимало ли в Битве за Меекхан семьдесят, восемьдесят или сто тысяч кочевников, но на самом деле это были пустые и несущественные споры. Важнее всего, что Север вздохнул свободней, когда большая часть нападавших отправились за головой императора.

А Большая Чистка отковала клинок, который должен был перерезать се-кохландийскому нашествию глотку.

Креган-бер-Арленс в несколько дней избавился от большей части своих советников, стоявших за то, чтобы сдать столицу врагу, отодвинул от власти тех, кто связывал ему руки, после чего приступил к восстановлению и усилению армии. Время шло, а Ржавая Осень очень быстро перешла в белую зиму, которая остановила военные действия на добрых пять месяцев. Восемнадцать генералов, пятьдесят шесть полковников и несколько сотен командиров более низкого ранга были перемещены на другие должности либо попросту понижены и убраны из армии, а назначили на их место офицеров молодых и имевших репутацию недисциплинированных смутьянов. Под их командованием перевооружили пехотные полки, трехкратно увеличивая в каждом количество стрелков и меняя метод боя. Армия, даже отдельные отряды пехоты, должна была сделаться более динамичной, быстрее реагировать и полностью использовать своих лучников и арбалетчиков. Традиционная имперская тактика «мы словно стена, стоим на месте и позволяем им разбиваться о наши щиты, пока они не падут» была заменена принципом «мы словно стальной лист: сгибаемся, ударяем и возвращаемся на место».

Эти «недисциплинированные смутьяны» утверждали, что десятка выполнит разворот быстрее роты, а рота – быстрее, чем имперский полк, оттого имперские полки перестали быть на поле битвы тяжелыми, недвижимыми квадратами, которые кочевники расстреливали из луков либо объезжали – как им хотелось. Не случилось полного отказа от окапывания или от колев против конницы, но эти элементы стали частью тактики, а не ее фундаментом. После

реформ строй отрядов, ротами или полуротами, огрызался в нападающих залпами стрел, а тяжелая пехота умела перестроиться даже при атаке Всадников Бури. Более свободное построение позволяло пехоте маневрировать быстрее и умелей и в полной мере использовать поддерживающие их кавалерийские полки.

Пошатнувшуюся дисциплину восстановили огнем и железом, вернувшись даже к неприменяемой вот уже долгие годы децимации отрядов, которые не выполнили приказов или оставили свои позиции во время боя, но также подняли и плату, введя принцип повышения отличившихся солдат вне зависимости от происхождения, – и принципа этого строго придерживаясь. Впервые за многие поколения высшие офицерские должности сделались доступными для людей, происходящих не из дворян. Несколько месяцев тренировок, тренировок и снова тренировок создали армию, которая чувствовала, что сумеет противостоять кочевникам на равных.

Верховный иерарх Храма Великой Матери внезапно умер, а слух о том, что это случилось, поскольку он слишком уж настаивал на исходе из города, привел к тому, что его преемник буквально сделался устами императора, повторяя всякое слово, раздавшееся во дворце. Слышимые среди чародеев голоса неудовольствия тем, что многих из них призвали в армию, утихли в тот момент, когда несколько мастеров магических братств были арестованы и казнены по обвинению в измене. То же самое случилось с мастерами купеческих и ремесленных цехов, которые открыто рвали глотку против новых налогов, созданных для военных потребностей.

Также прошерстили и разведки. Внутреннюю и внешнюю – именно война вынесла на верхушку иерархии и в Норе, и на Псарне тех, кто нынче оставался первой пятеркой Крыс и Гончих. Сам Гентрелл тоже получил тогда повышение, главным образом за то, что ему удалось сохранить сеть агентов в северо-восточных провинциях. Сперва его повысили до личного секретаря Пондерса-онд-Вельруса, Пятой Крысы, чтобы под конец войны он сам занял место начальника и начал восхождение в иерархии Норы.

И почти все время, в те скверные дни страха и неуверенности, Креган-бер-Арленс смотрел именно такими глазами.

Спокойно, без эмоций, бесстрашно. Даже когда он ездил по городу в доспехах, с мечом в руках, словно герой китчевой поэмы, и произносил речи, призывая жителей к бою. И когда вставал перед Советом Первых, что, несмотря на страх перед чистками, все еще оставался мощной и влиятельной силой. И когда принимал делегацию племен кочевников, обитавших в Малых степях, или посланников стран Дальнего Юга или королевств запада. И все это видели – то спокойствие, за которым таилась смерть. И никто не осмеливался хоть как-то ему сопротивляться.

Ну, может, за исключением Ласкольника и горсточки тех «недисциплинированных смутьянов», которым Креган-бер-Арленс доверял. Эти ругались в открытую, обсуждая тактику и стратегию близящейся битвы, и споры эти вошли в дворцовые легенды.

И лишь когда император проводывал военные лагеря, делил с солдатами пищу из их котлов, разговаривал с рекрутами и покрытыми шрамами ветеранами, взгляд его утрачивал спокойствие. Становился мягче. А порой, когда он навещался в полевые госпитали, переполненные ранеными, которых удалось эвакуировать с полей битв, глаза его затягивались слезами. Гентрелл до сих пор не знал, сколько в этом было расчетливости, а сколько настоящего чувства, но император в лагерях смеялся, шутил, обеспечивал солдатам рационы получше, принимал жалобы на офицеров. Пил, ел и спал на голой земле. Ему удалось – первому владыке Меекхана почти за двести лет – обрести любовь простых солдат. И когда он говорил: «Маршировать!» – они без слова жалобы маршировали по тридцать и сорок миль каждый день; а когда говорил: «Стоять!» – стояли, и пока оставались живы, ни одна сила не могла сдвинуть их с места. А когда он приказывал: «Захватите для меня это место!» – они шли и захватывали.

Трудно свалить владыку, которого армия любит и уважает, словно отца, а еще сложнее раскусить человека, который плачет при виде молодого солдата, умирающего от раны в животе, – и одновременно отдает приказы, наполняющие глубочайшие подземелья столицы сотнями узников. А выкопанные в лесах вокруг столицы рвы – десятками тел.

Теперь же этот человек мерил Гентрелла-кан-Овара спокойным взглядом.

Просчитывающим и холодным.

– Хорошо, – подвел он черту под докладом из земель верданно. – Я пригласил тебя сюда раньше, чем остальных, чтобы задать несколько вопросов, на которые при них ты мог бы не захотеть отвечать искренне. Особенно при Суке, до сих пор считающей, что Ханевельд погиб из-за тебя. Цени это.

Улыбка императора могла бы резать стекло.

– Я ценю, ваше величество.

– Чудесно. – Владыка двинулся вдоль карты и снова остановился рядом с северным краем Великих степей. – Литеранская возвышенность и Фургонщики верданно. Ты отослал в Олекады Эккенхарда Плаверса. Того самого, который сопровождал тебя при резне в замке Лотис, я верно помню? И мы именно от него имеем информацию об Анд’эверсе Калевенхе, правда?

Крысе хотелось пожать плечами. Креган-бер-Арленс знал подробности, доступные очень немногим в Норе. В определенном смысле он облегчал поиск тех, кто слишком много говорит, если, конечно, это не что-то вроде теста, проверки лояльности. Император с тем же успехом мог сказать ему: «тронь людей, которые работают на меня, и я узнаю, что тебе нельзя верить».

Этих людей следует отыскать и оставить в покое. Пока что.

– Да, ваше величество. Именно его.

– Ты полагал, что Гончие не найдут его там? Или ты хотел иметь доверенного человека, который следил бы за руками Фургонщиков и Ласкольника?

– И то и другое, господин. В Олекадах у Гончих не было людей...

– Правда? – Брови императора поползли вверх.

– Ни одного из тех, о ком бы мы знали. Литеранская возвышенность была почти опустошена. Се-кохландийцы всегда проводили там лето, выпасая табуны. Зачем держать сотни шпионов в месте...

– Хватит. Твой человек все еще наблюдает за верданно?

– Да. Через Олекады мы продолжаем поставлять им помощь. Золото, оружие, еду. Ну и проводить переговоры по поводу возвращения их скота.

– Переговоры? Я полагал, что это решенный вопрос. Они должны получить свое. Я не хочу новых врагов на востоке.

– Это не мы устраиваем проблемы. Сложно перевести полмиллиона голов скота через горы, а Совиненн Дирних требует четвертую часть стад в обмен на право прохода по своим землям. Сделался жаден.

Совиненн Дирних – один из взбунтовавшихся Сынов Войны, после поражения Йавенира над Ласой он вырвал из се-кохландийского царства кусок земли, лежащий на сто пятьдесят миль к востоку от Амерты. А теперь, похоже, начинал чувствовать себя там полноправным господином.

Император улыбнулся. Когда бы Совиненн увидел эту улыбку, то пропустил бы скот Фургонщиков, лично присматривая и охраняя каждую его голову.

– Я не стану вмешивать в это дело дипломатический корпус. Не возвышу его, отправляя к нему послов. Его жалкое княжество существует только благодаря нашей помощи. Напомните этому дикарю, в чью границу он упирается спиной, кто слишком дешево продает ему оружие, пищу и зерно и где он захочет найти убежище, если вдруг оступится. И о том, что наши чаарданы начинают скучать. – Трость стукнула несколько раз в восточный берег Амерты. – Кстати. Пусть несколько местных владык организуют их и приставят к сопровождению скота Фургон-

щиков. Это неправильно: столько забияк под боком, простаивающих без дела. Дирниху предложите сперва пятнадцатую часть стада за согласие на проход по его земле и позвольте, чтобы выторговал одну голову из двенадцати. Верданно скажете, что придется отдать каждую восьмую корову, – и пусть выторгуют себе то же самое.

Так выглядела имперская политика в деликатной и милосердной версии. Малым племенам и народам позволяли сохранять хотя бы видимость самостоятельности. На самом деле, когда бы Меекхан хотел оставить себе стада Фургонщиков, ни одна голова скота не покинула бы его границ.

– Понимаю, ваше величество. Но что с... со сменой власти у Фургонщиков?

– Для этого еще будет время. Раньше или позже. Пока что – мы прижали Йавенира, на западе стоит Дирних, с севера – Фургонщики и сахрендеи. Если дойдет до новой войны, а раньше или позже до нее дойдет, верданно придется найти себе настоящего вождя. А если нет – то его для них отыщем мы. Ласкольник оставил им в помощь большую часть вольных чаарданов, наши солдаты все еще сражаются на их границах, но пусть Фургонщики не рассчитывают, что Империя будет всегда и безусловно их поддерживать. Порой даже союзников следует встряхнуть и...

Двери медленно отворились, слуга вытянулся в них едва ли не по стойке смирно и объявил:

– Графиня Эвсевения Вамлесх.

Женщина вплыла в зал, метя пол краем бледно-розовых одежд. Остановилась в нескольких шагах перед императором и – игнорируя его нетерпеливый взмах рукою – выполнила предписанный придворный поклон. Словно провалилась вглубь платья, а после вознеслась, прямо и гордо.

Комедиантка.

Гентрелл был готов поставить свое здоровое колено на то, что она знала: император принял его раньше и вот уже с полчаса говорит с ним с глазу на глаз. Но вела себя так, словно ей не было до того никакого дела.

Крыса внимательно следил за ее лицом, слишком круглым, чтобы соответствовать критериям красоты, с морщинками, прикрытыми чуть большим, чем необходимо, количеством пудры, и глазами, слишком сильно подведенными тушью. Было ей – и эта информация стоила Норе немало золота – сорок три года, а делала она все, чтобы выглядеть ровно на столько же. Темные волосы гладко зачесывала назад и скалывала гребнем цвета платья. Маленькое золотое кольцо с рубином украшало ее средний палец на левой руке. Ничего больше.

Женщина с ее властью могла уменьшить свой возраст при помощи магии или алхимии, могла ослеплять великолепием одежд и богатством драгоценностей, но Эвсевения была выше этого. Голубые глаза наконец нашли Крысу, и кан-Овар получил приветственный кивок. Могла обвинять его в смерти Вельгериса и ненавидеть, но публично выказать неприязнь? Скорее Травахен покроется снегом.

Опасная сука.

Креган-бер-Арленс указал на стул, на котором он сидел ранее, и спросил:

– Отдохнешь? Вина?

– Спасибо, ваше величество. Меня угостили, едва лишь я прибыла.

– Как путешествие?

– Сносно. – Эвсевения не воспользовалась стулом, а просто двинулась вдоль лежащего на полу барельефа. – Безумие вернется на свое место, господин?

– Через некоторое время. Пока что я хочу иметь его здесь. Пригодится. Что у Йавенира?

– Старый, больной, умирающий. Не доживет до зимы.

– То же самое я слышал в прошлом году: Отец Войны умирает, а его Сыновья готовятся к борьбе за наследство. Ты говорила так, а он повел свою орду на Литеранскую возвышенность

и почти раздавил верданно. Тех самых верданно, чьи лагеря уже не укрепляли нашу северную границу.

Сука выдержала его взгляд.

– Верно, ваше величество. Именно так все и случилось. Но сейчас Йавенир уже месяц не покидает Золотого Шатра, а после проигранной битвы и череды бунтов верные ему Сыновья все менее терпеливы. И в этом нет никакого притворства, он и правда готовится отправиться в Дом Сна. Мы не знаем, откуда он вдруг обрел силы и отчего этих сил ему нынче не хватает. Зато нам известно, что после Битвы над Лассой в руки Внутренней Разведки попала некая особа, называющая себя Лайвой-сон-Барен, графиней, невестой одного из сыновей графа Цивраса-дер-Малега. Эта персона исчезла. Мы не знаем, где она.

Гентрелл вынес взгляды двух самых важных людей в Империи.

– Эта персона не сопровождала Йавенира даже на протяжении удара сердца, ваше величество.

– Да, действительно. – Эвсевения подтвердила его слова театрально-благожелательным кивком. – Однако мы знаем, что его сопровождала женщина, похожая на эту как две капли воды. Настолько похожая, что пленники, которых мы допрашивали и которым показали портрет нашей Лайвы, клялись, что это та же женщина, что была личной невольницей Отца Войны. Появилась ниоткуда и быстро вошла в фавор к Йавениру, а ее присутствие чудесным образом отняло старику годов. Мы также знаем, что ее близнец, та, которая якобы графиня, обладала необычайными умениями, была замешана в нескольких убийствах и исчезновениях в Олекадах и каким-то образом влияла на память всех в замке графа. Увы, граф дер-Малег погиб вместе с женой и сыновьями в результате атаки таинственных убийц, а Нора не допускает никого на место резни.

– Замок находится на территории Империи, – решительно оборвал ее Гентрелл.

Казалось, она его не услышала.

– А потому у нас две персоны, – продолжала она, – похожие, словно сестры, с неизвестным прошлым, обладающие умениями, которые удивляют наших магов. В руках Империи находится только одна из них, но Внешняя Разведка не может ее исследовать.

Внешняя Разведка. Ну да. Он почти забыл, что Сука никогда не использует название Псарня.

– К тому же, – продолжала она, – фальшивую графиню сопровождала рота Горной Стражи, известная как Красные Шестерки, в тот момент, когда солдаты сняли с крюков Кей'лу Калевенх.

Креган-бер-Арленс поднял руку, и метресса имперских Гончих замолчала. Между этой парой словно искра проскочила, а Гентрелл вдруг уверился, что оба они знают нечто, что должно остаться тайной для него. Почувствовал дрожь. Пронизанное мрачным удовлетворением возбуждение. Тайна. Гончие и император обладали секретом, который прятали от Крысиной Норы.

Естественно, император имел на это право, а его слова явственно приказывали остановить войну с Внешней Разведкой. Они выполняют его. Но Крысы созданы, чтобы разносить, рыть и находить тайны. Иначе они не были бы Крысами.

Он нагнал на лицо выражение, среднее между нетерпением и возмущением.

– Все, что происходило в Олекадах, подлежит расследованию Норы. Это территория Империи.

– Как и Литеранская возвышенность? – Эвсевения послала ему улыбку, прелестную, словно нож у горла. – Я и не знала, что мы ее аннексировали. Официально мы все еще утверждаем, что верданно взбунтовались и, переходя Олекады, воспротивились воле императора. Мы все еще не установили формальных контактов ни с ним, ни с Совиненном Дирнихом, который – между нами говоря – шлет посла за послом и...

– И так оно и останется. – Креган-бер-Арленс обрезал ее на полуслове. Она замолчала, послушно, скромно потупя взор. Император не дал себя обмануть. – Так и будет, пока я не скажу, – подчеркнул он. – Пока что мы финансируем эту авантюру чужими деньгами, и я хочу, чтобы так и осталось. Мы передаем верданно золото, оружие и еду, но это мелочи в сравнении с тем, сколько они сами вложили в свое безумие. Но формальное признание бунтовщиков грозило бы втянуть нас в новую войну на востоке, поскольку Йавенир или его наследник могли бы решить, что мы желаем полного уничтожения се-кохландийцев. Я этого не хочу и намерен привести к стабилизации ситуации в Больших степях в ее нынешнем виде, с союзом между Фургонщиками и сахрендеями на севере, княжеством Совиненна Дирниха на западе Степей и се-кохландийцами – в их юго-восточной части. Три силы, взаимно блокирующие друг друга, обеспечат нам мир на годы. Но до того, как мы формально признаем царство Фургонщиков и государство бунтующего Дирниха, ситуация должна сделаться совершенно прозрачной. Мы должны знать, кто станет новым Отцом Войны, и вернет ли Отец Мира свое влияние, усилится ли Дирних достаточно, чтобы ему стоило помогать официально, и создадут ли верданно и сахрендеи что-то большее, чем неустойчивый союз. А потому мы станем ждать и тихонько помогать нашим потенциальным друзьям.

Эвсевения кивнула.

– Понимаю. Но это потребует немало золота, господин.

Император махнул рукой.

– В ближайшее время Фургонщики получают свои стада, а часть скота попадет к Дирниху, увеличивая его богатство. Я подозреваю, что этими животными или золотом, полученным от их продажи, он заплатит нам за оружие, железо и помощь наших наемных чаарданов. Верданно тоже получают больше животных, чем их вновь обретенная родина сможет прокормить, особенно если весны и лета будут оставаться настолько же жаркими, как и последнее.

– Непросто будет объяснить миру, каким образом мы считаем верданно бунтовщиками – и одновременно возвращаем им их скот.

– Меекхан не ворует скот и не грабит людей, даже если те злоупотребили его гостеприимством и заплатили неблагодарностью за хлеб, который у нас ели.

Гентрелл и Эвсевения глядели на Крегана-бер-Арленса, пытаясь прочесть по его лицу, в какой именно момент совещание превратилось в дружескую беседу с шуточками. Наконец император послал им кислую ухмылку.

– Вас я не обману, верно? Но такую фразу я уже приказал вписать нашим историкам и ученым в хроники Империи. Мы честная и гордая страна, болезненно задетая предательством верданно, но мы не ворует у бывших союзников. Через некоторое время, если они оправдают возложенные на них надежды и правда станут реальной угрозой для кочевников, мы выкажем понимание их желаниям вернуть отчизну и тогда простим их, восславим их отвагу и отчаянность. В хрониках все окажется чередой недоразумений и плохо истолкованными намерениями.

Они все еще молча смотрели на него, ожидая настоящего объяснения. Он вздохнул.

– Если бы мы конфисковали их стада, то эти полмиллиона голов скота разрушили бы рынок в северо-восточных провинциях. Мой камерарий утверждает, что он сам инвестировал миллион четыреста тысяч оргов в несколько десятков тамошних торговых компаний, которые занимаются доставкой армии и городам говядины. Это должно было оказаться верным делом, поскольку вот уже пятый год подряд у нас горячие весны, сухие лета и не слишком-то обильные дожди осенью. Мы надеялись, что цена на скотину в этом году подскочит на одну шестую, с десяти – десяти с половиной до двенадцати – двенадцати с половиной орга за голову. – Император приподнял брови в знакомой насмешливой гримасе. – Не смотрите так на меня. Управление Империей не слишком-то отличается от управления крестьянским хозяйством. Я должен знать такие вещи, особенно если идет речь о почти полутора миллионах из моей приватной

казны. Знаете, зависимость между ценой на товары и их доступностью и всякое такое. Если на рынок внезапно попал бы скот Фургонщиков, цена в северных провинциях упала бы до семи – семи с половиной оргов за голову. Мы бы потеряли немало золота, часть наших купцов пошла бы просить милостыню под храмами, а верданно и Дирних не получили бы ни монеты на войну с се-кохландийцами. И только крестьяне да городская беднота смогли бы позволить себе чуть чаще бросать в котел мясо. Это было бы неплохое решение, но – для спокойных времен. А скот Фургонщиков все равно в конце концов попадет к нам, но медленно, маленькими партиями, не подрывая цены в стране.

В его взгляде снова появилось то спокойствие, от которого холодела в жилах кровь.

– Мне что, прочитать вам лекцию о разнице между написанным в книгах и управлением Империей? Мы официально отдаем верданно скот, потому что не желаем иметь с ними ничего общего, а еще потому, что мы не похитители коров. Это честно и благородно. И такова истина хроник, которые мы напишем. Если это станет для проклятых кочевников причиной для нападения, то милости просим. Без Йавенира как вождя и с половиной сил, которые у них были еще в прошлом году?! Да сколько угодно! Император фыркнул, подошел к барельефу и решительным движением хлестнул по каменной равнине тростью, словно наносил первый удар в чаемой войне.

– Да. Я считаюсь с тем, что не все пойдет, как мы задумали. Что се-кохландийцы решат, что для них нет иного выхода, чем война. Что новым Отцом Войны станет кто-то, кто захочет подняться вровень с Йавениром. А потому я предпочел бы войну сейчас, когда большая часть нашей кавалерии все еще стоит на востоке, чаарданы точат сабли, а у наших новых соседей нет другого выхода, как только встать на бой и сражаться насмерть. Потому что ни Совиненн Дирних, ни Аменев Красный, ни верданно не могут рассчитывать на милость се-кохландийцев. И я хочу вести эту войну к востоку от Амерты, а не на наших землях. Но я бы предпочел другой путь, с несколькими странами, держащими друг друга за глотку, и с нами как гарантом мира. Потому, в свою очередь, я хочу знать о смерти Йавенира и об имени его наследника раньше, чем об этом узнают вожди кочевников. Я позволяю Псарне тратить немало денег на соответствующих магов, а потому лучше бы им не подвести.

Гентрелл радовался, что император не смотрит в его сторону, и невольно вспомнил, что точно так же выглядели советы после Ржавой Осени. Креган-бер-Арленс говорил, порой длинно и подробно, но всегда четко выражая свою волю. А те, кто слушал невнимательно, порой теряли положение и привилегии, а иной раз и жизнь.

У Суки тоже была хорошая память, потому что она лишь склонилась еще ниже – кажется, ниже, чем когда здоровалась.

– Понимаю, ваше величество.

– А если уж мы о войне на востоке...

Крыса почти скорчился, когда тяжелый взгляд императора остановился на нем. Словно на грудь наехала груженная камнями телега.

– Мой лучший командир кавалерии, генерал Генно Ласкольник – ты ведь слышал о нем, верно? Нет, не отвечай. Несколько лет назад я позволил ему поразвлечься в игры Крысиной Норы – кстати, именно ему в голову пришла идея послать верданно через горы. Безумец или гений. Можешь рассказать мне, где он сейчас?

Глава 3

Торин заржал и пошел боком, отказываясь слушаться. Прижал уши к черепу, а голову – к широкой груди, уперся и замер. Конец. Хочешь – слезай и сама туда иди.

Кха-дар подъехал к ним на кобылке в яблоках, наклонился в седле и похлопал жеребца по шее.

– Ну, все хорошо, хорошо. Прошло уже немало времени. Тут нет опасности.

Скакун вздрогнул, набрал воздуха, заржал, но успокоился. Кайлеан видела уже множество раз, как Ласкольник овладевает сознанием лошадей, как одним жестом устанавливает с ними связь, сплетение которой у хорошего всадника занимало порой полжизни. Генерал вынул из рукава льняной платок, вытер лоб и затылок.

– Дрянная жара. Постоянно кажется, что сидишь в сауне. – Он указал намокшим платком на долину перед городом. – На этом поле погибло немало коней. И скверно погибло. Некоторые животные это чувствуют.

– Что? Духи? – Бердеф не передавал ей никаких образов. С ее точки зрения, эта местность не отличалась от остальных. Где-то в стороне мелькнул дух небольшого, похожего на ласку создания, некоторые камни и куски дерева подрагивали и, казалось, меняли цвет.

Ничего необычного.

– Нет, Кайлеан. Кровь, говно, насыщенный болью и страхом пот. Вонь разложения. Это остается в воздухе и земле. Висит тут. А здесь было чрезвычайно скверно. Они показали помейцам, как умеет сражаться меекханская пехота.

Она не оглядывалась на город в полумиле отсюда. Помве все еще трясло от ужаса, и там достаточно было иметь непривычные по цвету волосы, например по-меекхански светлые, как у нее, чтобы любой пьяный от страха болван начал орать, что ты – шпион Кровавого Кахелле, и, прежде чем успеешь показать бумагу, обезумевшая толпа стянет тебя с коня и разорвет на куски. Потому-то они объехали город. Да и так навряд ли нашли бы там что интересное для осмотра.

Из всего чаардана они приехали сюда ввосьмером. Генно Ласкольник, Файлен, Нияр, Кошкодур, Дагена, Лея, Йанне Неварив и она. Остальных, как и отряд «наемников», который приплыл с ними, они оставили под караван-сараям у Белого Коноверина и приказали им ждать. Уехать на двести миль от столицы княжества прямо на территории, объятые восстанием, казалось неразумным, но было совершенно в духе Ласкольника. Не сидеть на заднице, а вскочить на коня и действовать. От Пальца, имперской Гончей, они получили двух местных проводников, с которыми говорили на ломаном меекхе, – а еще официальные письма, гласящие, что они наняты для охраны каравана из Вахези и едут на юг, чтобы присоединиться к своему работодателю. Во время восстания возрос спрос на вооруженные услуги, и даже не из-за армии рабов, но потому, что Белый Коноверин опустошил большую часть гарнизонов в юго-западной части страны, концентрируя армию около столицы, а на дорогах сделалось тесно от бандитов, грабителей и прочих любителей легкого заработка. Такие люди, скорее, не выйдут на дорогу перед десяткой вооруженных всадников, а если говорить об отряде бунтовщиков... что ж, чаардан ведь их и искал.

Говорили, что разведчики армии невольников сами охотились на бандитов и безжалостно вырезали их. Кайлеан надеялась, что до того, как в дело пойдут сабли, они успеют хотя бы крикнуть.

Рабы ненавидели своих бывших господ с лютой яростью, которая пугала даже того, кто рос на границе с Великими степями. Но, ради милости Великой Матери, у них были на это причины. А чем дольше длилось восстание – тем больше причин возникало.

Кайлеан невольно глянула в сторону стен города. И снова вздрогнула, сцепила зубы. Проводник, шедший с ними по поручению Гончей, скривил в ее сторону свое черное лицо и выставил знак, отгоняющий зло. Ее удивило, насколько такие жесты схожи в разных местах мира. Словно человек хватал что-то мерзкое и отбрасывал в сторону.

Но это зло плевало в лицо мира, и так просто его было не отогнать.

Потому что помвейцы, опасаясь, что живущие среди них невольники присоединятся к бунту и откроют ворота, отреагировали истерически.

Стены города оказались увешаны – а рвы завалены – телами пяти тысяч находившихся в Помве рабов. Совершенно неразумно, потому что город жил главным образом с прядильни, красильни и ткацких мастерских, а потому огромная часть здешних рабов были *аувини* – пепельными, хорошо обученными ремеслу и ценными своим профессионализмом. На стены попали также *амри* – домашние рабы, такие как учителя, музыканты, массажисты, лекари, а ведь среди них поддержка бунта была минимальной. Но для горожан это не имело значения. Город обезумел от страха и выбил невольников до последнего человека.

А позже, когда пришли вести, что Кахель-сав-Кирху идет на Помве мстить за эту резню, Помве стал молить местных командиров Соловьев и Буйволов о помощи, усилил их отряды наемниками и, увидев армию рабов, послал войско им навстречу.

В чаардане слышали о битве множество раз, но самую полную и достоверную информацию они получили от Пальца. В его рапорте армия рабов не насчитывала и тридцати тысяч человек – было там всего от восьми до десяти, а ей навстречу вышло вовсе не десять тысяч солдат Коноверина, а всего лишь четыре: по тысяче Соловьев и Буйволов, поддержанных двумя тысячами наемников, что обошлись в немалую сумму, – главным образом кавалерия из Вахези и Камбехии. Помве был богатым городом, мог позволить себе отдать такую кучу денег и к тому же рассчитывал, что если уничтожит бунтовщиков, то восстание вокруг города угаснет.

Помве, с темными стенами, обвешанными тысячами тел, недооценил армии рабов.

Кахелле. В местных легендах так называли демонов, которые приходят по ночам и наполняют человеческие сны таким ужасом, что несчастные спящие впадают в безумие. Кахель-сав-Кирху, один из командиров армии восставших, принял это прозвище в самом начале бунта, используя очевидную схожесть своего имени. А после битвы, в которой Помве пытался разбить его отряды, Кровавый Кахелле и вправду стал являться во снах обитателям города.

Кобыла Ласкольника фыркнула и нехотя пошла вперед. Ей тоже здесь не нравилось. Остальные кони двинулись следом. Высокая, в несколько футов, трава касалась лодыжек Кайлеан; когда бы та соскочила с коня и присела, зелень поглотила бы ее полностью.

– Кровавый Кахелле повторил здесь битву при броде через Сийю. – Генерал оглянулся на отряд через плечо и послал им усталую улыбку. – Я до сего момента не верил, что он на самом деле сделал что-то подобное.

Кошкодур стянул с головы потный платок, выжал, скривился и повязал тот снова.

– Думаешь, кха-дар? Там была серьезная резня. Ему удалось проделать это с бандой необученных рекрутов?

– Эти рекруты по большей части – солдаты. И у них было достаточно времени, чтобы подучить остальных. Он сделал это. Доклад не врал.

Дагена потянулась к фляжке, смочила губы.

– Кха-дар, мы не все родились, когда солнце было молодым, и не помним всех замшелых битв. Что сделал? Кто сделал? И почему моя задница все еще липнет к седлу?

Ласкольник молчал. Кошкодур бросил на Даг насмешливый взгляд и принял на себя тяжесть ответа.

– В бою при броде через Сийю Тридцать Четвертый полк остановил и разбил четыре тысячи убегающих кочевников, и половина из тех были Молниями. После битвы за Меекхан, когда солнце было еще молодым, а мир не страдал от излишка нахальных девиц, разбитая

армия Йавенира бежала, куда только могла. Это же был самый большой отряд, который постоянно уходил от нас. Мы сидели у них за гривками от города, четыре наших полка кавалерии и примерно две тысячи иррегуляров, но не могли догнать, они опережали нас на несколько часов. Мы прижали их к реке и гнали вдоль нее, Сийя была широкой и глубокой, а единственный брод на ней охранял Тридцать Четвертый. Причем – в неполном составе. Едва две тысячи человек. – Он скривился и снова выжал платок. – Уф-ф. Ты заставляешь меня болтать на такой жаре, девушка. Когда мы остановимся на ночлег, будешь должна мне ужин и массаж спины.

Даг пожала плечами.

– Да не проблема. В сумках у меня еще есть немного овса, и могу проехать по тебе конем – и даже дважды, если захочешь. А теперь, если уж ты начал, то закончи, а то я сделаю, что обещала, здесь и сейчас.

Кто-то, кажется Нияр, насмешливо фыркнул, но большинство приняли шутку молча. Они были слишком уставшими от вездесущей жары и духоты, чтобы смеяться. Кайлеан в сотый раз задумалась, что за несчастье подсказало ей выбраться с Ласкольником в это безумное путешествие, вместо того чтобы сидеть в караван-сараях, где она могла бы, по крайней мере, время от времени окунуться в бассейн, попивая холодное пиво.

Бердеф мелькнул на краю поля зрения и исчез в кустах, не шевельнув ни листиком. Ну да. Кха-дар взял с собой большую часть людей, одаренных талантами.

– Тридцать Четвертый должен был оседлать брод и останавливать все, что попытается через него перебраться. – Заместитель Ласкольника скривился, завязал платок на лбу и продолжил: – Но мы не предполагали, что столько се-кохландийцев направится в ту сторону. Мы гнались за ними два дня, полагая, что когда прибудем к броду – застанем разгромленный полк и вонь от кочевников. А когда подъехали на место, могли только забрать тысячу пленников и примерно пять сотен трофейных коней. Командир Тридцать Четвертого... э-э... как там его звали, кха-дар?

– Бенсер-сом-Эльгрис. Кажется. Или сом-Вельгрис. Не помню.

– Ага. Этот безумец принял битву у брода, а не за ним. Поставил полк в три четырехугольника по три роты, два – выдвинул вперед, а средний отвел шагов на двести-триста, артиллерии же приказал встать на флангах. Кочевники не могли охватить его, потому что с одной стороны был густой, как не знаю что, лес, а с другой – холмы, на которых он разместил лучников. Впрочем, они знали о погоне и понимали, что должны быстро перейти реку. Ударили... Кха-дар? Поможешь?

– Ударили в его правый фланг. Тот, что под лесом, чтобы не оказаться под огнем лучников с холма, а когда командир передвинул роту с центра, чтобы усилить ту сторону, главная атака пошла на ослабленный центр. Любой командир так бы атаковал. Любой.

Кайлеан обменялась взглядом с Дагеной и Леей. Любой? В голосе Ласкольника звучало нечто, что выдавало: он бы почувствовал ловушку. Потому что это наверняка была ловушка.

– Сом-Вельгрис поставил ловушку. Сын паршивой девки и старого козла. Когда я после смотрел на поле битвы, то не знал, ругать его или обнимать. Все пространство перед серединой строя, того, что было между выдвинутыми четырехугольниками пехоты, он уставил ловушками для лошадей.

– Дыры?

Меекханская пехота часто копала в земле ямы, в которых кони ломали ноги. Меекханская кавалерия, в большинстве своем состоявшая из людей, любящих лошадей, порой охотно закопала бы в тех дырах траханных пехотинцев.

Ласкольник хмыкнул.

– Не только, Кайлеан. Середина поля заросла высокой – по пояс – травой, как здесь. Он приказал изготовить сотни, тысячи низких козел, сколоченных против лошадей. Не выше трех футов, чтобы спрятать их в траве. Разбросал их так, – кха-дар показал две вертикальные

линии, сверху соединенные горизонтальной, – изготовив мешок для конницы. Впереди уложил их редко, а потом гуще и гуще. В пятидесяти ярдах перед рядами пехоты они лежали один рядом с другим. Он сделал это ночью, а к утру трава поднялась, скрывая ловушку. Одни козлы лошадь может перепрыгнуть, даже если всадник заметит их в последний миг, двое-трое – тоже, а потому кочевники, атакуя, прошли над первыми ловушками, но потом... когда атака достигла главной линии обороны... Кони перескакивали над первыми рядами козел и приземлялись посреди поля смерти, ранили, ломали ноги, опрокидывались и надевались на заостренные пики. А в атаку на центр пошла большая часть кавалерии, примерно три тысячи, в том числе и Молнии. Сотни лошадей пали сразу, остальные метались, пытаясь найти дорогу, не видя в траве козел, падая и погибая. А артиллерия с боков и лучники, которые сошли с холмов, лупили в них, словно прачка в мокрое белье. Прежде чем они собрались с силами, стоящие на флангах роты развернулись и сомкнулись, создав котел. Закончи, Кошкодур.

Тот пожал плечами. Что тут говорить?

– Когда мы добрались до брода, оказалось, что из ловушки ушло не более тысячи кочевников. Главным образом тех, кто атаковал правый фланг. Позже мы выловили их всех до единого. А те, что попали внутрь... Непросто оторваться от врага, когда ты въедешь в такой, как сказал кха-дар, мешок. Се-кохландийцы двинулись в атаку в тесном строю, всей массой, потому что хотели пробиться одним штурмом, а потом... уф-ф, что тут говорить... трудно вернуть коня, когда те, кто позади, не видят ловушку и лезут вперед. Я видел это в нескольких местах: три, четыре коня лежали один на другом. Представь себе пространство на четыреста шагов в длину и глубину, усеянное мертвыми и умирающими животными. Конями с поломанными ногами, надетыми на острые колья, с костями, разбитыми камнями катапульта, и телами, настигнутыми стрелами. Некоторые еще жили. Пехота ходила по полю и добивала их кирками и секирами, которые использовались при окапывании. Этот визг...

– Да, этот визг... – Ласкольник произнес слова так тихо, что они едва его услышали. – Тут сделали то же самое. Заманили их в ловушку. Шпионы Гончей говорили правду. Кахельсав-Кирху защитил свой левый фланг рекой...

Кайлеан уже видела Тос, самую большую реку княжества. Где-то в шестидесяти-семидесяти ярдах от них лениво текла грязная мутная вода, а берега, хотя и плоские, были болотистыми и топкими. Конница не могла обойти врага с той стороны.

– ...а правый – укрепил лагерем. Несколько сотен фургонов соединил цепями, и мы как раз почти у того места.

Было непросто понять, о чем говорит командир, когда бы они не миновали в этот миг линию, прочерченную неглубоким рвом, а трава за ним была ниже и словно бы реже. В этой проклятой стране все росло, как на дрожжах, но даже траве нужно немного времени, чтобы полностью прикрыть пространство, на котором останавливалась армия.

– Там, и там, и здесь, – кха-дар указывал на темные пятна, – это места от кострищ. Армия должна есть. Три ряда фургонов, а за ними – палатки, прокопанные улочки. Стража. Меекханская пехота, мать его, они и в Доме Сна станут разбивать лагерь. Если хорошенько поищем, наверняка найдем даже выгребные ямы.

Девушки натянули поводья и принялись внимательней всматриваться в землю впереди. Кошкодур насмешливо фыркнул.

– Их-то они закопали, дамочки.

– Ты уверен? – Лея недоверчиво глянула на траву.

– Воинский устав требует закапывать выгребные ямы, когда лагерь сворачивается. Параграф сто тридцать восьмой. Риск эпидемии. А ими командуют меекханские офицеры и сержанты.

Они не знали, шутит он или нет.

– Если ты надо мной смеешься и я въеду в яму с говном, то вычищу ноги Жемчужины твоей рубахой. – Дагена направилась за остальными. – Он поймал их в ловушку, кха-дар? Как наши – кочевников?

– Да. Тут в земле тоже было укрыто вот такое. – Ласкольник соскочил с лошади и осторожно вошел по пояс в траву за бывшим лагерем. – Вот такие штуки.

Он поднял с земли обломки. Колоду в два ярда длиной просверлили в нескольких местах и прокололи скрещенными бамбуковыми прутьями. Концы заострили и обожгли. Вся конструкция кое-где треснула, а торец колоды был разбит.

– Так выглядит половина колоды, на которой опрокинулся конь. – По лицу генерала было непросто что-либо прочесть, но Кайлеан не требовалось специальных умений, чтобы понять, что чувствует ее кха-дар. – А вот – местное изобретение.

Развел ладонями траву, показывая воткнутый горизонтально и заточенный колышек. Шириной в три пальца, был он высоким и гибким, а острый его кончик находился на несколько дюймов выше конского живота. Девушка представила, как на полном галопе проезжает над чем-то таким, спрятанным в траве. Кто-то за ее спиной – она не поняла, кто именно, – сплюнул, а Йанне вздохнул и обронил тяжелое слово.

Ласкольник вдруг улыбнулся – дико, но без особой злости.

– Потому-то я и приказал вам ехать шагом и внимательно смотреть на землю. И вижу, что через несколько минут вы станете сочувствовать местным, дети. Но будьте осторожны. Им, – он указал на место, где стоял лагерь невольничьей армии, – приходится справляться, как смогут. Меекханская сметка, фокусы и коварство. Гончая утверждает, что отряды Кахела-сав-Кирху пришли под город вечером, разбили лагерь, а после всю ночь оттуда слышались песни, смех и звуки разврата. Пылали костры, играла музыка. И потому...

– Никто не смотрел на равнину между лагерем и рекой.

– Да, Лея, именно так. Никто не смотрел, как они готовят засаду, втыкают колья, кладут козлы. Утром бо́льшая часть рабов вышла из-за фургонов и отправилась к реке, словно идя протрезветь и наполнить водой ведра. И тогда из города хлынула кавалерия, на раз-два сформировала строй и ударила. Для коноводов это должно было выглядеть так, словно они поймали повстанцев со спущенными штанами, с покинутым лагерем, с большинством пехоты над рекой и горстью лучников и пращников внутри – те, впрочем, увидев атакующую кавалерию, бросились наутек. Командир Соловьев подумал, что рабы паникуют, что он отрежет пехоту от фургонов, прижмет к реке и выбьет из луков или утопит, а потом спокойно зайдет в лагерь. Тем временем голытьба над рекой превратилась в четырехугольник, оцетинившийся копьями, пустое поле между ней и лагерем оказалось линией ловушек, за которой в траве прятались две тысячи наилучшим образом вооруженной пехоты, какая только была у Кровавого Кахелле. Лучники и пращники остановились за пехотинцами и принялись стрелять, на фургонах же лагеря встало множество бунтовщиков. Мешок для кавалерии сработал. Это не была точная копия битвы при броде на Сийе, но экзамен она сдала. Когда конница увязла в ловушках, утратила разгон, четырехугольник двинулся от реки, протыкая как людей, так и лошадей. Воцарился хаос, наемники, которые ожидали легкой победы и множества трофеев, пали духом, не откликаясь на команды, смешивали ряды Соловьев. Началась резня.

Нийяр покачал головой.

– Говоришь, словно все это видел, кха-дар.

Ласкольник легонько улыбнулся.

– Не видел, но читал рапорты Пальца. Его люди добрались до нескольких уцелевших в битве. У рабов оказалось немного конницы, может, голов двести, но, когда остатки атакующих бросились наутек, эта кавалерия села им на хвост и рубила, пока могла. Погибли почти все наемники, из Соловьев в Помве вернулась только сотня, тяжелая пехота, которая только-только вышла из города, даже не пыталась им помочь. Сомкнула строй и вернулась за стены. Кахель-

сав-Кирху получил то, за чем он сюда пришел. Броню, оружие, седла и конину. Много конины. Его людям нужно есть.

В Кайлеан отозвалось воспитание Фургонщиков, и на миг она почувствовала, как к горлу ее подкатывает желчь.

Уловила уголком глаза взгляд Дагены и успокаивающе отмахнулась. Нормально, справлюсь. Вдохнула поглубже.

– Хорошие боевые кони высоко ценятся... – Кошкодур выглядел не менее потрясенным, чем она.

– Верно. Но только в том случае, когда у тебя есть хорошие всадники или же ты можешь коней выгодно продать. А кроме того, в такой круговерти, как здесь, в бою против пехоты, прячущейся за козлами, ранятся и гибнут прежде всего лошади. А зачем терять мясо? А? Вам ведь известна эта меекханская практичность, правда? В той битве Кровавый Кахелле получил триста лошадей, а остальных убил и два дня, стоя под городом, солил их мясо в бочках. Это подтвержденная история, есть свидетели. Смотрел на это весь Помве. Над рекой невольники устроили бойню, вода, текущая к городу, сделалась красной, а гора костей была высотой с дом. Местные после сбросили их в воду.

Некоторое время царила тишина, прерываемая только навязчивым жужжанием насекомых. Кайлеан отгоняла картинки, подсовываемые ей воображением, и слабым голосом спросила:

– И зачем ты нам это рассказываешь, кха-дар?

– Потому что за десять дней перед битвой рабы ограбили торговые склады в северном Вахеци. Там не было ничего ценного, немного хлопковых тканей и приправ, но невольники прижгли пятки одному из пойманных купцов и под полами нашли четыреста бочек соли. И о чем это говорит? Палец, передавая мне перед нашим отъездом эту информацию, понятия не имел, что она означает. Я же, кажется, знаю.

Ласкольник с удивительной легкостью вскочил в седло, развернулся к ним, и вдруг до Кайлеан дошло, что в лице его изменилось. Он был сосредоточен, спокоен, он владел собой, но оставался странным образом взволнован. Словно мальчишка, который углядел шанс на неплохое развлечение.

– Мне требовалось увидеть город и поле битвы, Кайлеан. Потому что Кахель-сав-Кирху прибыл сюда не только с оружием, но также с бочками и солью. А значит, он знал, как закончится битва. Запланировал ее, мысленно провел, прежде чем первый конь выехал из города, и выиграл, прежде чем первая сабля покинула ножны. Проклятие... я должен был убедиться, имеет ли это восстание шанс на успех и может ли Империя ему реально помочь. Но если у рабов такие командиры... Белый Коноверин... нет, весь Дальний Юг – в беде. В большой беде.

* * *

Император молчал. Ни словом не прокомментировал информацию, что Генно Ласкольник находится на другом конце света, за добрых три тысячи миль от Града Городов. Даже не скривился, когда Третья Крыса назвал средства на доставку его туда вместе с несколькими сотнями старательно отобранных солдат и другой поддержкой. Только задумчиво смотрел на каменный барельеф – с таким лицом, словно выслушивал самый обычный рапорт, например о ценах на пшеницу. И только когда услышал, что на месте генерал вышел на контакт с агентом Псарни, чуть приподнял бровь и взглянул на Эвсевению. Гентрелл, однако, так и не дождался своего торжества. Даже если информация эта была для нее новостью, женщина ничем того не показала.

– Дальний Юг – это наша территория, ваше величество, – сказала только она.

Ох. Ошибка. Возможно, даже большая. Креган-бер-Арленс снова перевел взгляд на Безумие Эмбрела и прошептал:

– Ваша территория. Ваша?

Когда взглянул на нее снова, первая среди Гончих Империи согнулась в столь глубоком реверансе, словно рука гиганта прижала ее к полу.

– Я начинаю понимать, в чем состоит проблема, – продолжил император, – с вами и Крысами. Это все – результат неверной интерпретации определенных понятий. Крысы разнюхивают дома, Гончие – охотятся вне его. Как-то так оно говорится, верно? И Крысы решили, что дом принадлежит им, а Псы вбили себе в башку, будто то, что находится вне дома, – их собственность. Как если бы кто порезал мир на части и дал их вам на развлечение. Словно, – взгляд императора остановился на Гентрелле, и тот, прежде чем успел отдать себе отчет, согнулся в поклоне, вглядываясь в щели между плитами барельефа, – словно они действительно принадлежат вам. А одновременно вы воспринимаете все и всех как игрушки. Даже людей, которые ценны для Империи.

Голос, хотя и спокойный, ничего спокойного не обещал. Вдруг обычное совещание, которое должно было остаться серий докладов, превратилось в борьбу за жизнь. Гентрелл понял вдруг, что, когда он входил в портал, лишь двое из его людей знали, что он отправляется в столицу. И ни один – что предстоит беседа с императором. А Менанер – это защищенный замок, и подвалы тут наверняка очень глубокие.

– Генно Ласкольник, – голос императора начал смещаться, но Крыса не осмелился поднять взгляд, чтобы отслеживать передвижения, – стоит десяти кавалерийских полков. Стоит целой проклятушей конной армии. Солдаты пойдут за ними в огонь, а наши враги дрожат, когда слышат его имя. Я позволил вам найти для него занятие, потому что ему стало скучновато в столице, но я не давал согласия на то, чтобы отослать его на Дальний Юг. Отчего он там оказался?

От ответа на этот вопрос зависела его жизнь.

– На юге вспыхнуло восстание рабов, ваше величество. Меекханских рабов.

– Знаю. Псарня лает об этом, а наш дипломатический корпус заваливает меня докладами. Я знаю о большом восстании в Белом Коноверине и о меньших, в остальных княжествах. Я знаю, что в них сражаются главным образом наши люди. Я знаю, что в Белом Коноверине – новая владычица, какая-то иссарская дикарка, которая живой вышла из Ока Агара, а тамошний князь лежит, сраженный болезнью. Я только не знаю, отчего вы послали в этот котел моего лучшего командира кавалерии. Встань ровно, Крыса!

Гентрелл послушно выпрямился. Император стоял в двух шагах от него и смотрел на подчиненного как на настоящую крысу, которая неким чудом пробралась в его комнаты.

– Говори! Коротко и по делу!

– Ваше величество... Я... это не до конца зависело от меня. Генерал сам принял такое решение. На юге... и на западе – что-то происходило... все еще происходит.

– На западе тоже? В Понкее-Лаа?

Кивок стоил ему усилий больших, чем путь по раскаленному городу.

– Да. Мы не знаем как, но интенсивность событий, их последовательность и то, что их не удалось предотвратить, хотя мы вложили в это немало усилий...

– Вы нас подвели?

– Ваше величество... В городе кто-то сеял сплетни, что сподвижники Владыки Битв побили женщин, что возвращались из храма Великой Матери, или что матриархисты обесчестили *дурвон*, или что намеревались помешать процессии на Дороге Воителя. А все контрмеры Совета Города оказывались впустую. Мы тоже искали источники этих сплетен и тоже ничего не нашли. Ни малейшего следа денег, магии или людей. А потом появился рассказ о таинственном монахе или о жреце Великой Матери, который на глазах у толпы проклял верных Реаг-

вира и выжег им на коже *дурвоны*, – и тогда Понкее-Лаа взорвался. Мы бы и сами не сумели организовать это лучше.

Император смотрел. Спокойный, как сама смерть.

– Скажи мне то, чего я не знаю, Крыса.

Было еще немного сплетен, неподтвержденной информации, а Гентрелл не имел привычки такой пользоваться. Но на этот раз, пригвожденный взглядом Крегана-бер-Арленса, он сказал:

– Якобы в подземельях Храма Реагвира случилось столкновение Сил невероятного масштаба. В Понкее-Лаа среди чародеев у нас есть несколько шпионов, и все говорят, что все выглядело так, словно двое гигантов сошлись на кулаках. Тишина, спокойствие, а потом мир трясется. Так они это ощущали. А когда один из тех проиграл... Вопль сотряс ближайшие аспекты в радиусе многих миль. Но быстро, очень быстро стих. И сразу после этого бунт начал угасать.

– Господин Битв?

Такой вопрос задавало себе большинство шпионов в Норе. Те, кто был не так умен.

– Это слишком очевидно. И слишком неправдоподобно. Отчего бы богу, у которого тысячи храмов и миллионы верных в Империи и за ее границами, вмешиваться в нечто подобное? Бросить вызов самой Матери? Это глупость. Безумие. Кроме того, такая тонкость действия – не в его стиле.

– Может, даже боги чему-то учатся?

– Возможно, господин. Но мы проверили наш Храм Реагвира. Ни его архиерарх, ни жрецы ниже рангом понятия не имеют, что случилось в Понкее-Лаа. Реальность Большой Семьи удалена и труднодоступна для смертных, но вмешайся сам Реагвир – его жрецы обязательно что-то почувствовали бы. Но это не главный вопрос, ваше величество.

– Знаю. – Император кивнул и взглянул на все еще согнутую в поклоне женщину. – Ты тоже можешь выпрямиться.

Графиня медленно встала – с явным трудом.

– И как бы этот вопрос звучал по-твоему, Эвсевения Вамлесх, первая среди Гончих?

«Он нас проверяет», – дошло до Гентрелла, и осознание этого было словно удар молнии. Решения приняты, возможно, вот-вот начнется новая чистка, что изменит расклад сил в разведках, армии и боги знают где еще? Но почему? Владычица Милостивая, почему?

Эвсевения скромно опустила глаза, легонько присела.

– Вопросы было бы два, мой господин. Если в дело вмешался Владыка Битв, то кто встал против него? А если, как я думаю, это не был Реагвир, то какие силы оказались настолько мощны или наглы, чтобы провести схватку на принадлежащей ему земле? И если бы я могла...

– Нет. – Креган поднял ладонь. – Понкее-Лаа, Фииланд и Свободные Княжества – это Утраченные Провинции. Мы продолжаем считать их своей землей, и именно потому Нора имеет там первенство. Даже если и не справляется слишком хорошо. Говори дальше, Крыса. О Коноверине и Ласкольнике.

Гентрелл поклонился и продолжил:

– За восстанием рабов на Дальнем Юге тоже кто-то стоит – это мы знаем. Кто-то проследил, чтобы оно началось в нужный момент, потому что хотел отдать власть в Коноверине в руки князя Камбехии, из которого делали победителя рабов и спасителя Юга. Это должна была оказаться спланированная резня, после которой тамошние княжества снова соединятся, а власть над ними примет новая династия. Но... но это был лишь предлог, пыль, которая обязана заслонить истинные планы наших врагов. Я это чувствую... Знаю. Опыт говорит мне, что речь тут вовсе не о таком банальном деле, как смена власти, поскольку династию из Белого Коноверина представлял единственный, к тому же слепой князь. Не было нужды в такой замяти, чтобы свалить его и принять власть, – хватило бы и просто, как в случае с его братом, обычного

убийцы. Кроме того, события и там шли как в Понкее-Лаа: сплетни о новых тяготах, готовящихся рабам, сплетни о готовящемся ими восстании, растущее напряжение. И – бум! Одна искра подожгла Дальний Юг. И снова верные Великой Матери встали против одного из Семьи.

– Ласкольник, что там делает Ласкольник?

– Когда генерал отплывал, Деана д'Клеан еще не сделалась Пламенем Агара. Мы... надеялись, что Ласкольник будет от имени Меекхана вести переговоры с князем Лавенересом о более милостивом отношении к побежденным невольникам, а при случае – проверит, кто именно стоит за всем этим. Но когда ситуация изменилась, мы решили, что он может вести переговоры и с наследницей князя.

Взгляд императора не смягчился. Гентрелл чувствовал, что, несмотря на толстые стены и каменный пол, в зале жарко, словно в печи.

– Вести переговоры?

Глава 4

Она все не могла привыкнуть к тому, что ритм, в котором колыхнется паланкин на спине слона, действует настолько усыпляюще. И даже вой истерической толпы, бросавшей под ноги Маахира тысячи шелковых платков и шалей, не мог ее разбудить. Она лишь вздохнула и удобней устроилась на широкой лежанке, поставленной тут специально для нее. Варала настаивала – нет, Варала жаждала именно таких удобств для Госпожи Пламени. Во-первых, чтобы подчеркнуть, что Деана беременна, что дополнительно подогревало истерию ее почитателей, а во-вторых, в такой полулежачей позиции в тебя сложнее попасть.

Угроза покушения все еще стогняла всем сон с век, а потому Деане приходилось надевать под свободные одежды кафтан из двадцати слоев шелка-сырца. Тот якобы мог остановить стрелу, но был жарок, как сущее проклятье.

Ей хотелось спать, пить и мочиться. Одновременно.

Беременность, чтоб ее.

Брусчатку перед слоном устилал слой бесценных тканей толщиной в фут. Некоторые вытащили из домов разноцветные шелка, ковры, коврики, даже оконные шторы и белье, только бы животное, которое несет на спине Пламя Агара, поставило на них ногу. Такая реликвия была бы ценней золота.

Маахир шел медленно, осторожно, окруженный сотней всадников в желтых якках, наброшенных на кольчуги, и всадники эти конями и древками копий бесцеремонно прокладывали себе дорогу в толпе. Улица была узкой, люди, выталкиваемые в боковые переулки, кричали и ругались, но сразу же заполоняли ее снова, едва только княжеский слон миновал их, и принимались отчаянно бороться за затоптанные им платки, шали и ковры. Если бы не эскорт, многие из них бросились бы под ноги Маахира и погибли бы, втоптанные в землю. Соловьи стали ее личной гвардией, верной до безумия и готовой на все. Ну что ж, они пытались смыть грех предательства, которым считали негласную поддержку Обрара из Камбехии. А она не намеревалась им этого запрещать. Лояльные солдаты ценнее, чем вода в пустыне.

– Вот-вот въедем на площадь перед храмом, светлейшая госпожа.

Самий, говоря эти слова, не поворачивал к ней головы, но она не могла на него за это обижаться: в конце концов, он управлял колоссом весом в пятнадцать тысяч фунтов, который мог бы втоптать в землю рослого мужчину. Ее больше задело это «светлейшая госпожа». Два слова из уст мальчишки ранили не меньше, чем ядовитые клыки змеи.

– Ты можешь перестать дуться?

– Я не дуюсь, госпожа. Я только слуга, а слуги не имеют такой привилегии.

Она вздохнула. Самий – ее товарищ в странствии и товарищ в битве. Княжеский махаут, который вместе с ней и Лавенересом убегал через пустыню, когда они вырвались от бандитов, и который выдал ей тайну Варалы – наложницы и княжеской матери одновременно, из-за чего она почувствовала себя глупой девицей. А потом он исчез. Порой она почти жалела, что ей удалось его найти. Примерно месяц после событий в Оке она не знала, где он, будто мальчишка сквозь землю провалился; словно разговор, который они вели на пляже, воздвиг между ними стену. Потом Сухи донес ей, что мальчишка скрывается среди махаутов, обучающих слонов для войны, и она вытянула его оттуда за уши и заставила снова сесть на Маахира. Гигантский слон не хотел слушаться никого, кроме мальчишки, а поскольку был самым величественным животным в княжеских загонах, Деане приходилось ездить на нем, подчеркивая свой статус. «Можешь обижаться и фыркать на меня, – прорычала она найденному Самию в лицо, по-настоящему злая и разгневанная, – но ты мне нужен. Мне и ему тоже. Твоему князю. Не покидай его снова».

Это были недостойные, ранящие слова, но самое важное, что она наконец узнала, где мальчишка. Любила его, но не имела времени на деликатность. Восстание рабов с каждым днем разгоралось, и все указывало на то, что без битвы не обойдется. Маахир пойдет на близящуюся войну, но не станет принимать участия в битве, поскольку потеря княжеского слона была бы дурным знаком. А потому, сидя на его спине, Самий будет в безопасности.

В относительной безопасности.

Но теперь появилась еще одна проблема. Со времен событий в храме Самий вел себя так, словно считал, что она в чем-то перед ним провинилась, а потому последовательно принимал позу униженного, покорного слуги, что сперва ее даже развлекало, но теперь начинало раздражать.

Она решит эту проблему еще сегодня. Но после, сперва – обязанности.

Они, собственно, въезжали на большую площадь перед Храмом Огня. Сто тысяч глоток издали рык, после которого даже идеально вышколенный Маахир беспокойно взмахнул ушами. Деана привстала с лежанки, глядя, как толпа захлебывается криком.

– *Агарес ахи! Агарес ахи! Агарес а-а-ахи-и-и!!!*

Да. Пламя Агара – это я.

Ее снова толкнула страшная жуть этого утверждения.

Пламя Агара – это я...

Она махнула ладонью, а вопли толпы пульсировали экстазом в ритме ее движений.

* * *

– Самий.

– Слушаюсь, светлейшая госпожа.

Они возвращались во дворец, а Соловьи следили, чтобы Госпожа Пламени получила минутку передышки. Маахир ускорился, уже чувствуя запах загонов, свежего сена и воды.

– Ты мой *лаагха* и *лаагвара*. Мы странствовали и сражались вместе. Ты можешь быть на меня обижен, можешь даже «светлегоспожать» мне в каждой второй фразе, но я надеюсь, что заслужила столько-то твоего уважения, чтобы ты сказал мне, в чем дело. Я не могу извиниться перед тобой, если не знаю, за что именно.

Мальчишка сжался, пряча голову в ладонях. Его красный тюрбан печально заколыхался в ритме шагов слона.

– Тебе... не за что извиняться.

– Ага, понимаю: ты сбежал, спрятался и теперь ведешь себя, словно обиженная девица, потому что я поступила как следует?

Он покачал головой настолько бессильно, что ей даже сделалось его жаль.

– Это... непросто, – прошептал он.

Она тихо рассмеялась.

– Самий, я люблю тебя словно младшего брата, но слово «непросто» совершенно не описывает *мою* ситуацию. До этого времени все сложности я решала вот этим, – она хлопнула ладонью по рукояти *тальхера*, – а теперь я на месте того, кто сидит на быке, что несется во главе перепуганного стада, хотя этот кто-то надеялся, что сумеет... сумеет этим стадом править. Я только что стояла напротив стотысячной толпы, зная, что я для них всего лишь символ. Что, если я совершу ошибку, если не исполню их ожиданий, они обернутся против меня и разорвут в клочья, как разорвали людей Обрара.

Парень молчал. Так долго, что она поверила, что он больше не заговорит.

– Ты можешь сбежать, – сказал он тихо.

– Ага. Думаю об этом каждый день и каждую ночь. Оставить княжество, Сухи, Варалу, Эвикиата... Дом Женщин... даже тебя, маленький упрямый осел... Всех, с кем меня свела судьба, всех людей, которых я уважаю, а кого-то даже больше чем уважаю.

– И его, да? Его ты тоже не желаешь оставить.

Она улыбнулась под *экхааром*. Умненький негодник.

– Да. И его тоже. Я не оставила его... обоих вас в пустыне, а потому отчего ты думаешь, что я сбегу теперь? Даже если мне этого и хочется.

Он скорчился еще сильнее, уменьшился, словно у него отняли несколько лет.

– Это должен был быть я, – вдруг произнес дико и гневно. – Я должен...

Ну вот, снова похож на Самия, которого она помнила. По крайней мере, по голосу.

– Я... должен был взять Маахира и... и поехать в храм. Растоптать Буйволов, гвардию Обрара и спасти его.

– Тебя убили бы. Кроме того, ты сказал мне, что тебе нельзя, не помнишь?

Он резко развернулся в ее сторону, а в глазах его был огонь. Чувствуя настроение мах-ута, слон беспокойно махнул ушами.

– Полагаешь, что я врал? Что бросил Лавенереса и тебя из-за страха? Как другие? Которые теперь возвращаются во дворец и плачутся, чтобы им вернули их положение? Если бы я мог... если бы мне можно было...

Деана подняла ладонь, прервав его, прежде чем он расплачется. Потому что где-то за огнем в его глазах таилось отчаянье и бессилие, и она чувствовала, что он возненавидел бы ее, если бы она сейчас увидела его слезы.

Выпрямилась, потому что о некоторых вещах нельзя говорить, когда лежишь, а потом наклонилась к нему и произнесла решительно:

– Самий, если бы хотя б на минуту, на один удар сердца я подозревала, что ты струсил, то никогда больше не назвала бы тебя *лаагваром* и не позволила бы вести княжеского слона. Я клялась на воде, которую мы делили в пустыне. Если ты не мог броситься тогда в бой, значит, ты был связан силами, которым не можешь противостоять. Я знаю об этом. Так случается.

Две полосы влаги блеснули на его щеках, но теперь слезы были уместны. Эти слезы он сумел бы ей простить.

– Я должен... – он сглотнул, – должен был пойти с тобой.

– А какую бы ты заплатил цену?

Его взгляд, даже затуманенный слезами, сделался жестким.

– Она того стоила бы. Знаешь, как я чувствовал себя на пляже, когда рассказывал тебе историю Варалы и послал во дворец? Я не сомневался, что ты погибнешь. Что я обрек тебя на смерть. И я не мог ничего изменить, потому что должен был... оказаться в другом месте.

Она не спросила, где именно и что он должен был там делать. Если он не сказал об этом до сих пор – то не скажет и сейчас. Может, когда-нибудь, когда придут дни поспокойней.

– Ты должен был?

– Да.

– Значит – все в порядке.

Он покачал головой.

– Нет. Не в порядке.

– Почему?

– Потому что я не могу... не могу войти в Дом Женщин. Я пытался, но эти служанки с оружием меня прогнали.

Вот ведь. Она об этом не подумала. Как же он себя чувствовал, когда ему запретили входить в комнаты, в которые он как личный махаут имел право наведываться без малейших проблем? Думал ли, что это потому, что его считают трусом и предателем?

– Значит, потому-то ты и спрятался среди других махаутов?

– Да.

– Но ты ведь знаешь, что Дом Женщин закрыт для мужчин?

– Так говорили те служанки.

Ну, теперь она могла отыгаться за «светлейшую госпожу».

– Знаешь, – начала она невинно. – У меня есть мысль. Мы переоденем тебя девочкой и проведем контрабандой.

Он мило покраснел.

– Ну, не румянься. У тебя милое личико, красивые ресницы, я тебе уже говорила, что завидую твоим ресницам? Ну, значит, говорю сейчас. А за такие губы... э-э-эй! Внимательней, а не то мы кого-нибудь растопчем, – засмеялась она, хватаясь за лежанку.

А Маахир, почувствовав, что его махаут утратил сосредоточенность, совершенно спокойно направился к загонам, отчаянно трубя. Другие слоны сразу же ему ответили, и на некоторое время воздух наполнился звуками приветствий серых гигантов.

* * *

– Вести переговоры?

– А что мы могли сделать?

Отвечать императору вопросом на вопрос – верх глупости, но, проклятие, ему уже было все равно. Его карьера, похоже, в любом случае закончилась: если уж император планировал очередную чистку, то не начнет с самого верха, не обратится против Первой и Второй Крысы.

– Что мы могли сделать, ваше величество? – повторил Гентрелл, вытягиваясь в струнку еще сильнее. – У нас ограниченные средства. Половина армии стережет восточный рубеж, дивизии на юго-западе нужно держать в готовности на случай, если ухудшится ситуация в Понкее-Лаа. Я писал об этом в рапортах: их сил может не хватить, и нужна мобилизация еще тридцати тысяч солдат. На севере Горная Стража держится, но Рог, долина Гевенах все еще воткнут в тело Винде'канна, а тамошние почитатели Быка отнюдь не стали любить нас сильнее. Всего лишь притихли. Несбордийские длинные ладьи все смелее входят в Ваннавен и Плорию, пока что они главным образом торгуют, но куда доплывет один корабль, доплывет и флот. Поэтому мы не в силах обеспечить серьезную военную экспедицию через пустыню, чтобы вывозить наших родичей из рабства на Дальнем Юге. У нас нет флота, чтобы отослать туда армию морем, а даже и будь таковой, – у нас все равно нет армии, которая могла бы на нем поплыть. Мы можем только вести переговоры. Если бы разошлась весть, что Империя позволила перебить этих людей и ничего не сделала, все – Совет Первых, храмы, купеческие цеха или гильдии магов – все использовали бы это, чтобы ослабить императорскую власть. Даже те, кто в последние годы и пальцем не шевельнул, чтобы выкупить земляков из неволи, примутся вопить. К тому же добавляется религиозный элемент. Агар-от-Пламени не имеет слишком большого числа верных в Империи, но даже малая религиозная война хуже плохого мира. А теперь мы можем сказать: мы отослали туда Генно Ласкольника, нашего славнейшего генерала. Впрочем, я уже говорил, что он сам не мог усидеть на месте. А если бы ему удалось привезти с собой хотя бы пару сотен спасенных...

Крысе не пришлось говорить больше, не здесь, не перед этой парочкой. Несколько сотен спасенных, которых можно показывать на улицах городов, перевесили бы несколько тысяч трупов, которых никто не видел.

– Но ситуация изменилась, господин. Теперь генерал будет вести переговоры с новой владычицей Белого Коноверина, которая вроде бы не спешит с кровавой расправой, а потому есть шанс, что восстание не закончится резней. Мы пообещаем ей новый мир, открытие торгового пути через Белое море, золото. Устье Амерты аж просится, чтобы построить порт, а теперь, когда восточный ее берег в руках наших союзников, эта река может стать для восточ-

ных провинций тем же, чем Эльхаран является для южных. У нас для Деаны д'Кллеан множество аргументов, круглых и блестящих, а она может использовать их, чтобы погасить восстание мирно. Провозгласить амнистию, отменить рабство – хотя бы частично, – позволить тем, кто захочет, вернуться на родину. Она может это сделать, используя свою позицию той, что вышла из Ока Агара, и деньги, которые она заработает на торговле с нами. А при случае генерал может проверить, до сих пор ли активны те силы, что подталкивали к резне на Дальнем Юге, и имеют ли они что-то общее с действовавшими в Понкее-Лаа.

Несколько ударов сердца, тянувшихся целую вечность, Креган-бер-Арленс молча глядел на кан-Овара. Потом лицо императора смягчилось, на нем появилась даже легкая улыбка.

– Вольно.

Гентрелл понял, что уже некоторое время стоит по стойке смирно.

– Видишь, дружище, на самом деле главное – это намерения. Когда бы вы послали Ласкольника на юг без явной причины, просто так, чтобы показать, какой властью вы наделены, я бы и вправду несколько рассердился. И как Ласкольник должен был бы проверить эти таинственные силы?

– Ваше величество, я... – Информация, что у первого кавалериста Империи талант, неприемлемый для Великого Кодекса, была тайной из тех, ради сохранения которых Нора выпускала убийц. Инстинкт Крысы, приказывавший собирать и хранить информацию, поскольку она ценнее всего золота мира, заставил его закрыть рот.

Император вздохнул и отвернулся.

– Генно – Говорящий-с-Лошадами, – пробормотал он, а Гентрелл едва не застонал, раздавленный. Ведь Сука все слышала! – Я знал об этом, прежде чем повысил одного молодого Крысу до секретаря Пондерса-онд-Вельруса. Он рассказал мне об этом в первый же вечер, когда вломился в мои комнаты и спросил, стану ли я сидеть на жопе или мы попытаемся спасти Меекхан. Потом показал мне, что может сделать с конем, с целым табуном коней, и представил свою стратегию, а я поверил, что нашел нужного человека и что у нас есть шанс выиграть эту войну. Так что я об этом знаю. Эвсевения тоже знает, с того момента, как наемники, посланные Псарней, попытались схватить генерала.

Графиня опустила взгляд и закусила губу.

– Я вызвал ее тогда на личную аудиенцию, а она поручилась головой, что такая ситуация больше не повторится. Я принял ее поручительство и все еще ему доверяю.

Император обернулся к Гентреллу.

– Генно контактировал со мной в последние годы, – продолжил он, – но как это делал – наш секрет. Описал мне свой поиск людей с талантами, за которые еще сто лет назад посылали на костер. Принял их в чаардан и оберегал. И как я понимаю, вместе с ними поплыл на юг.

– Да, ваше величество.

– Зачем?

Крыса заморгал.

– Ваше величество?

– Генно мог настаивать, желать и яриться, но отчего вы сперва не послали туда кого-нибудь из простых магов? Или даже нескольких? У вас в Норе их достаточно. А у многих других – долги перед вами... – Император сделал многозначительную паузу.

– Господин, Белый Коноверин – под влиянием Ока Агара. Мы не до конца понимаем, что такое это Око, но обычные чародеи мало на что там способны. Не могут дотягиваться до собственных аспектов, у них проблемы с концентрацией и сном, их чары слабы и неуверенны, словно...

– Словно вблизи от Урочищ, верно? Словно вблизи от Глеввен-Он, того малого сельца, где мы потеряли четыреста человек и нескольких боевых магов. Не странно ли это, что места, благословенные богами и проклятые ими же, одинаково влияют на разумы живых?

И к чему же император вел? Гентрелл впервые за многие годы чувствовал себя как некто, кого посадили за игру, правил которой он не знает и теперь должен их выдумать на основании ходов и разговоров противников. Причем противников, говорящих на чужом языке.

Он позволил себе быстрый взгляд в сторону Эвсевии. У Суки было такое лицо, словно император беседовал с ними о погоде.

– В Глевен-Он мы столкнулись с существами, о существовании которых и понятия не имели, верно, Крыса? Ох, у нас есть для них названия – демоны, темные силы, силы хаоса... Не только слова. Существа эти истекали кровью и умирали, хотя их было не просто убить. Возможно, мы совершили ошибку, когда запретили в Великом Кодексе исследовать Урочища? Мы трусливо решили, что если станем их игнорировать, то они исчезнут сами по себе. А теперь мы не знаем, что в них скрыто. Ищем сведений о них за границами Империи, в странах, где за Урочищами наблюдают, охотятся за созданиями, которые там появляются, и даже ловят их и приставляют к работе. По крайней мере тех, что могут выжить вне проклятой земли. Гончие неплохо справляются, выкрадывая секреты у гильдий магов в Понкее-Лаа, Ар-Миттаре или у шаманов кочевников, но секреты из вторых, а порой и третьих рук часто ничего не стоят. Потому Нора сейчас тоже организовала группу для исследования этих феноменов, а особенно Вендерладского болота. Неофициально, но при нашей полной поддержке.

Гентреллу снова показалось, что в игре, которую ему необходимо раскусить, слишком многое происходит за раз. Он был, чтоб ему паршивый зад трепаной кобылы, Третьей Крысой Норы. Третьей! Занимался самыми важными секретами Империи, хранил их и оберегал, а тут – здрасте-пожалуйста – он узнает, что Суке известна тайна Ласкольника, а император игнорирует Великий Кодекс и организует группу для исследования Вендерладского болота. Причем – с помощью Норы!

Вдруг до него дошло, что он как раз узнаёт тайны, которые делают его либо наиболее доверенным человеком императора – либо трупом, закопанным глубже прочих.

По императорскому указу нарушался Великий Кодекс! Множество людей в Совете Первых, среди жрецов, руководителей торговых компаний и мастеров магических братств отдали бы за такую информацию половину своего состояния. А сколько можно было бы получить за одну угрозу распространения ее среди людей! Какие привилегии и какую власть! Великий Кодекс, возможно, и был регулярно нарушаем в пограничье, но в центральных провинциях Меекхана он служил фундаментом, основой общественного порядка. С точки зрения всех, он отделял людей от хаоса, таящегося за Мраком.

Но почему болото?

Это Урочище, расположенное в сотне миль на северо-запад от Старого Меекхана, было самым большим на территории Империи. Имея почти четырнадцать миль по периметру, к счастью, оно лежало в глубокой долине у подножья Кремневых гор, вдалеке от торговых путей или ценных земель. Из того, что помнил Гентрелл, владевшие этой территорией Сестры Войны во времена, когда Меекхан был не больше, чем средней величины городом-государством, платящим им регулярный налог, окружили Урочище земляным валом и держали на нем стражу. Но стражники исчезли, а вал давно уже уменьшился до небольшого горба. Вендерладское болото было спокойным Урочищем. Его не наполняли отравленные испарения, и там не рождались твари, охочие до человеческого мяса. Оно было мокрым пятном на лице Империи, котловиной, полной мутной воды и карликовых деревьев. Когда бы не то, что люди, чувствительные к Силе, видели поблизости от него кошмары, а чародеи имели проблемы с аспектами, можно было бы подумать, что это обычная мокрая долина.

– Кто... кто этим занимается?

– Салури.

Вторая Крыса? Вторая?

– Почему он? Месяц назад болото взорвалось. Буквально. Вода подступила под линию старых валов Сестер Войны и даже перешла через них. В окрестных селах люди просыпались с криком, собаки выли, а несколько женщин сбросили плод. Живущие там сбежали. В самом центре Империи у нас нет уже спокойного, спящего Урочища – есть Урочище дикое и неспокойное. Другие тоже активизировались. Рапорты из Понкее-Лаа говорят, что на Багряных холмах за последние пару месяцев исчезло больше людей, чем за предыдущие пять лет. Появились – вроде бы – чудовища, которых ранее там не видывали. Но мало кто возбудился от этого факта, потому что в то же самое время в городе матриархисты и реагвиристы принялись ставить баррикады и поджигать дома.

Император подошел к каменной карте с запада и дотронулся до нее в нескольких дюймах от устья Эльхарана.

– Видишь? Здесь – Багряные холмы, между Конаверами и Понкее-Лаа. – Он вдруг вошел на барельеф и несколькими широкими шагами приблизился к центру. – Здесь – Вендерладское болото. Наше собственное, большое Урочище.

Гентрелл с открытым ртом глядел на самого важного человека Империи, топчущего одно из величайших ее сокровищ. Тем временем Креган-бер-Арленс прошел наискось Великие степи и остановился за северо-восточным концом Литеранской возвышенности.

– А тут Леннетр Оверт, Падение Оверта. Урочище малоизвестное, потому что даже секохландийские жереберы неохотно забираются в его окрестности. Но оно настолько же велико, как и два предыдущих. А может, даже больше. В этот момент оно находится на границах земель сахрендеев. Мы не знаем еще, наблюдались ли рядом с ним странные события, хотя, – император скривился, словно у него разболелся зуб, – идентификация странных событий вблизи от Урочища может быть сложной. Гентрелл, ты займешься этим. Твой человек, Эккенхард, уже ведь на месте.

Оба они одновременно глянули на Суку, но Эвсевения только кивнула, словно бы только что не ограничивали ее компетенцию.

– В свою очередь, здесь, – трость, которую держал император, снова стукнула в плоскогорье Фургонщиков, – наверняка происходили странные вещи. Собрание племенных духов, до которого никогда бы не дошло на наших землях, хотя бы потому, что мы скорее перебили бы сахрендеев, чем позволили бы им тянуть за собой такую армию душ. Поражение Йавенира. Якобы проявление воли Лааль Сероволосой, о котором наши жрецы, опять же, ничего не знают. И наконец, Кей'ла Калевенх, дочка Анд'эверса Калевенха, чье чудесное спасение изменило расклад сил в Великих степях. Я хочу знать, где она находится и что делает. Или точнее – в чьих она оказалась руках и кто может использовать ее в собственных целях. Потому что в то, что она умерла, я не верю.

Глава 5

Два Пальца вскинул нижние ладони вверх, но Пледик был быстрее. Как всегда. Хлопнул его большие лапищи своими ладошками, обычной и другой, вооруженной убийственной конструкцией из проводов и колец, прежде чем великан успел отдернуть свои. Зато Кей'ле удалось избежать атаки верхних рук великана.

Они засмеялись, все трое, а Два Пальца, хотя проиграл в четвертый раз, смеялся громче всех. Она помнила, как ее испугал этот смех, когда она услышала его впервые: басовитое гудение, металлическое и лязгающее, словно жаба вызывает о помощи из глубины медного котелка.

Однако за последние дни без солнца и ночи, без звезд на небе, она полюбила этот звук, поскольку он напоминал ей о безопасности и спокойствии. Когда Два Пальца смеялся, все было в порядке, мир становился менее чужим и пугающим. Когда Два Пальца смеялся, смеялась даже земля под его ногами.

Пледик смеялся по-своему. Взмахивал ладонями, будто хлопал ими, но соприкасался только кончиками пальцев. Скрежешущий звук, когда живое тело касалось металлических наперстков, что заканчивались когтями, мог пробуждать беспокойство, если бы при этом глаза мальчишки не блестели радостно. Это она тоже любила. Те минуты, когда его лицо утрачивало свое обычное дикое, напряженное выражение и становилось веселым.

Тогда почти можно было забыть, кто он такой.

Мгновение-другое она раздумывала, что бы сказала ее семья, увидь сейчас их троицу. Кей'лу, опирающуюся спиной о камень, на котором устроился полуголый мальчишка с копной темных волос, связанных на макушке в растрепанный хвост, и сидящего перед ними на корточках гиганта, каждая из четырех рук которого была толщиной с ее ногу. Гиганта со странным лицом – плоский нос, широко расставленные желтые глаза и мощные челюсти: во рту его, когда он смеялся, блестели мощные зубы. Гиганта, в котором более восьми футов роста, что не бросалось в глаза, когда он сидел на корточках и играл с ними в «цапки», честно, четыре руки на четыре, но когда он вставал, то выглядел рядом с ними гигантом из легенд, стоящим между карликами. Он вовсе не был худым и сутулым, как многие высокие люди, о, нет: плечи его были шире, чем у ее отца, и узлы мышц на обнаженных руках указывали на невероятную силу.

Бросились бы ее отец и братья на него с топорами и саблями? Наверняка. Причем раньше, чем она успела бы крикнуть, чтобы они спрятали оружие. Что это не чудовище и не создание Мрака, а просто *вайхир*. Она – человек, Пледик – тоже, по крайней мере для нее, – а Два Пальца был *вайхиром*. Ничего странного тут, под небом, которое не меняло цвета, на земле, полной черных, блестящих скал.

Здесь ее давно уже ничего не удивляло.

Спаслась она благодаря Пледику. Только ему известным способом он перенес Кей'лу сюда, забрав из пылающего фургона, где духи мучили ее картинами резни с поля битвы. Потом, когда миновало первое ошеломление, она плакала, рыдала – долго и отчаянно, изливая со слезами боль и чувство несправедливости. Она же вернулась к семье! Солдаты сняли ее с крюков, а та странная женщина, которая оказалась одним из притворно убитых детей-заложников Фургонщиков, привезла ее прямо в лагерь. Она помнила прикосновение отцовских рук, неловких от нежности, когда он держал и прижимал ее так, словно она стеклянная. Не так все должно было закончиться! Совершенно не так! Она отогнала от себя духов, которые жались к ней со всех сторон, но не хотела оставаться в этом странном и ужасном месте.

Парень с черными волосами не реагировал на ее плач, но и не подгонял. Позволил, чтобы вместе со слезами из нее вытекло чувство обиды, сожаление и страх. А когда она закончила всхлипывать, когда снова проснулась в ней темная, упрямая верданнская гордость, он обнял ее и похлопал по спине, словно желал сказать, что все будет хорошо.

Она почти ему поверила.

Позже он заботился о ней и опекал. Находил воду среди черных скал и места, где можно было поспать, а когда приходил к ней жар – он сильнее прижимался к ней. Потому она и назвала его Пледиком. Но он не умел или не мог добыть еду, а потому со времени, как они сюда прибыли, им пришлось голодать, а раны ее набрякли и болели все сильнее.

Два Пальца перестал смеяться и встал. словно над ними нависла гора.

– Пойдем, Одна Слабая. Пора двигаться.

Одна Слабая. Такое ей дали имя, потому что любое существо должно иметь имя, которое его описывает. Причем имя, состоящее из двух слов, потому что одним словом называют вещи, животных или других созданий. Кей'ла? Даже она не знала, что это значит. Зато значение нового ее имени казалось очевидным: она была слабой, никто против этого не возразит, и была одной, когда ее нашли. По крайней мере, с точки зрения *вайхилов*. Потому что Пледик за личность не считался. Когда бы не обстоятельства, в каких они повстречались, они наверняка бы убили его не задумываясь, узнав в паучьей перчатке, которую они называли *а'санвер*, и сером мече, которым он сражался, признаки принадлежности к кому-то, кого они называли Королевой Добрых Господ.

А у Добрых Господ не было друзей среди *вайхилов*.

Но они познакомились в бою, в коротком, безумном столкновении, когда несколько четвероруких оказались атакованы отрядом из двадцати воинов в сером. Она сразу узнала нападавших: по лицам, словно вырезанным из камня, по серым волосам, серым бровям и серым взглядам. Точно такие же пытались убить ее в горах много месяцев назад.

Бой был коротким и жестоким. Кей'ла наблюдала, спрятавшись за камнем, потому что жизнь на пограничье научила ее, что, когда в воздухе мелькает сталь, маленькие девочки должны прятаться, где сумеют, а кроме того, она была слишком слаба и изранена, чтобы сделать хоть что-то. И хотя не знала, кому должна желать победы, а четверорукие пугали ее не менее, чем Серые, она сразу знала, что именно у них – проблемы. В первой атаке пало двое из них, а оставшаяся четверка не сумела даже встать спина к спине друг с другом. Каждый сражался сам – по крайней мере, с пятью нападавшими.

Однажды она видела, как в Лифрев приехала группа бродячих комедиантов, а главным развлечением должна была стать травля медведя. Старый медведь не мог ни танцевать, ни ходить на бочке, а потому актеры решили дать последнее представление с его участием. Наняли свору боевых собак, огородили поле за селением для «большого зрелища». Смотреть на бой приехало даже несколько местных дворян. Она помнила, как сидела на плечах у отца и смотрела, как уставший, седой зверь последний раз встает на задние лапы и отбивается от быстрых, разъяренных запахом крови собак. Было ей так жаль медведя, что большую часть представления она просидела с закрытыми глазами.

Именно так они и выглядели. Эти огромные создания, чье название она тогда даже не знала. Как медведи, окруженные сворой гончих.

Сражались умело, двумя, тремя, а то и четырьмя клинками, но хотя всякий из них был на фут или два выше нападавших – проигрывали. Потому что Серые были быстрее, ловчее и наглее. И сражались, словно псы. Подскакивали и рвали, пытались зайти к жертве сзади, ранили, едва только это удавалось. Использовали копы с клинками серого металла, длинные мечи и ножи. Рубили и кололи оборонявшихся в ноги, пытались перерезать сухожилия и повалить на землю.

Как свора, атакующая медведя.

Когда первый из оставшейся четверки гигантов упал на колени, Кей'ла указала Пледик на сражающихся и сказала:

– Помоги им.

До сегодняшнего дня она была благодарна Владычице Лошадей, что он понял, о каких именно «них» шла речь. А может, он просто помнил Серых с гор?

Неважно.

Напал на тех, на кого должен был напасть.

Прыгнул к сражающимся, на подмогу упавшему великану, а его серый клинок и когти окрасились красным, прежде чем девочка успела моргнуть.

Едва успевала следить за ним.

Он стал бледной смертью, что кружила по полю битвы, а там, где он проходил, серые тела валились на землю. Двоих первых он убил одновременно, ударив одного когтистой ладонью в хребет, а второму отрубив обе руки, державшие копье. И тем самым копьем, перехваченным не пойми как и когда, убил следующего Серого, третьего, нет, четвертого, потому что третий уже падал, получив коротким мечом, который мальчишка оставил в его кишках.

Древко копья все еще сжимали отрубленные руки.

Последний из пятерки атакующих погиб от удара чего-то похожего на металлическую дубину, которую *вайхир* держал в двух правых руках. После того удара упавший на колени четверорукий гигант сразу же поднялся, а на его зверино-человеческом лице замерло выражение удивления.

Так они познакомились с Двумя Пальцами.

После схватки пошла быстро. Два Пальца и Пледик атаковали оставшихся Серых, связанных боем с остальными гигантами. Убили двоих, потом еще двоих, прежде чем остальные успели осознать, что фортуна развернулась к ним другим боком. Вдруг стало уже четверо четвероруких *вайхилов* и молчаливая, темноволосая смерть против менее чем дюжины нападающих.

Последняя схватка стоила жизни еще одному гиганту, потому что Серые, повинаясь отданному свистящим голосом приказу, все кинулись на одного из *вайхилов*. Хотели просто убить, и им удалось, поскольку самый малый из гигантов погиб, прежде чем его товарищи перебили остальных нападавших.

Вся схватка шла в тишине. За исключением того последнего приказа, ни Серые, ни четырехрукие не издавали никаких звуков. Никаких проклятий, стонов, криков боли, просьб или боевых воплей. Только глухой лязг оружия и ускоренное дыхание.

Пледик идеально подходил к этому полю боя.

Окружили его после схватки. Трое великанов со слишком большим числом рук встали подле худого парня, который каждому из них доставал едва до живота. Словно три медведя над лаской.

Колебались, а нечто в том, как они держали оружие и смотрели вниз, говорило ей, что хотят его убить. Но были удивлены, а может, даже растеряны и благодаря растерянности этой не напали сразу.

Без Пледика она не имела ни малейшего шанса выжить. Потому она вышла из-за камней и двинулась, покачиваясь, в их сторону, и ей было все равно: убьют их обоих или спасут. Только бы не оставаться тут одной до смерти.

Кажется, ее вид удивил их сильнее чем вид Пледика. Самый ближайший великан заморгал и обнажил зубы, она только позже научилась распознавать это выражение как выражение величайшей растерянности, а потом махнул в ее сторону широкой саблей.

Пледик оказался между ними раньше, чем она успела открыть рот. Она же вздохнула, подошла к парню сзади и сильно его обняла.

– Хватит, Пледик. Хватит. Мы не станем с ними сражаться. Я уже видела достаточно убийств на один день. Убийств я видела достаточно и для одной своей жизни.

Под ее прикосновением он обмяк, расслабился, его слипшиеся от крови когти опустились к земле. Она обернула его ласково лицом к себе, обняла.

– Закрой глаза, – попросила Кей'ла, все еще не зная, понимает ли он ее. – Закрой, как я.

Прошла добрая минута, прежде чем она почувствовала аккуратное прикосновение к своему лицу. Палец толщиной с три ее некоторое время водил по ее лбу, тронул нос и щеки. Тот самый палец приподнял ее верхнюю губу, проехался по зубам. Она почувствовала теплое дыхание, кто-то обнюхал ее волосы, потом – руки.

Удар все не наступал. Она испугалась, что, когда откроет глаза, гигантов не будет, что они бросят ее на голодную смерть.

– Слабая. Слабая смотреть.

Меекх. Язык Империи, в которой она выросла. Удивление перебороло страх, а потому она открыла глаза, встретив взгляд глаз других: звериных и желтых, замерших в нескольких дюймах от ее лица.

– Слабая понимает? Понимает меня?

– Да. Понимаю.

Создание улыбнулось. Очень по-человечески и очень жутко.

– Слабая понимает, – подтвердило оно.

А потом дотронулось до своего лба.

– Я Омули-рех. Два Пальца по твоему. Ты?

– Кей'ла... Я Кей'ла.

– Что это значит?

Удивил ее. В первый, но не в последний раз.

– Ничего. Это просто имя.

Он кивнул, кажется, развеселенный.

– Имя должно что-то значить. Оно не может быть звуком, как камень или палка. Иначе бог не найдет тебя, когда освободится. Подумает, что камень и ты – одно и то же, и возьмет себе камень. – Он напряженно всматривался в нее. – Ты одна. Ты слабая. Ты – Одна Слабая. По нашему это будет Саури-нои. Одна Слабая.

Так она получила новое имя. *Вайнхирь* таким образом решали все дела. Быстро и без лишних церемоний. Два Пальца, Черный Белый, Кубок Воды, Одна Слабая. Пледик не получил настоящего имени по причинам, которые она не до конца понимала, но его также и не убили, за что она чувствовала благодарность. Четырехрукие решили, что он каким-то образом с ней связан, а если так, то лишь бы он держался поблизости от Кей'лы, и тогда ему позволят жить.

Их прагматизм был близок к тому, какой она узнала и научилась ценить при жизни на пограничье.

По крайней мере, так она думала в первые дни совместного пути с *вайхирами*.

Она легко научилась их различать. Два Пальца был самым низким, зато самым широким в плечах, к тому же он единственный использовал оружие, напоминающее железные прутья, утыканные шипами. Его волосы были цвета темного меда, а глаза напоминали пожелтец, ее любимый цветок. Черный Белый носил в соответствии со своим именем только эти цвета, даже клинки его четырех сабель были подобраны парами, правая верхняя и левая нижняя контрастировали белизной со своими черными сестрами. Также он был величайшим ворчуном, совершенно игнорировал ее, а на Пледика поглядывал так, словно у него руки чесались. У последнего из *вайхиров*, Кубка Воды, были самые странные глаза, которые девочке только доводилось видеть: янтарные по краям и переходящие в темную зелень около зрачков. В схватке его ранили в обе нижние руки, и он теперь носил их забинтованными и на перевязи – и казался удивительно неловким, когда ему приходилось управляться только с одной парой рук. Однако он искренне смеялся, глядя, как они играют в «цапки» с Двумя Пальцами, помогал ей раскладывать постель – вернее, она помогала ему – и, похоже, ничего не имел против Пледика.

Этого ей хватило.

Их накормили кусочками чего-то, что выглядело и было на вкус как высушенное и приправленное травами мясо, а еще маленькими плоскими лепешками из темной муки, кото-

рые раз в несколько дней они пекли на жестянке. Откуда у них мясо и зерно в этой стране серо-стального неба и черных скал, где не росло ничего и не было ни дня, ни ночи, не падал дождь и не дул ветер, Кей'ла не знала и, сказать честно, немного боялась спросить. Дрова они довольно часто находили в пещерах, в трещинах в скалах, в дырах в земле. Один раз показали ей нечто, что походило на погреб, наполненный сломанными досками из странного белого дерева. Дерево горело синеватым пламенем, а дым, встающий над ним, вонял протухшими яйцами. Если дров не было, их диета состояла только из сушеного мяса.

Она не жаловалась. Они очистили ее раны и намазали их некоей бесцветной и пахнущей румянами мазью, а когда у нее начался такой жар, что она не могла даже идти, Два Пальца нес ее три дня на собственной спине. Дни. Так она называла циклы странствия и сна, которыми руководствовались *вайхиры*. Кроме того, они умели находить воду куда чище, чем получалось у Пледика, а потому у нее уже не болел живот. И чувствовала она себя в безопасности.

Много, много циклов странствия и сна, которые она привыкла называть днями.

Интерлюдия

Ветер снаружи пещеры выл, словно раненый зверь. Мрачные, пронзительные звуки могли бы, продлись они дольше, довести слабого духом человека до мысли о самоубийстве. Впрочем, порой именно так и происходило.

Мужчина, греющий ладони у маленького костерка, знал, что местные называют такой ветер «зовом висельника», потому что именно после таких вихрей в удаленных от людей хатах чаще всего и находили трупы с затянутыми на шее петлями. Говорили, что духи самоубийц присоединяются к легионам своих предшественников и несутся по миру, мрачно воя и призывая очередных отчаявшихся присоединиться к ним. При таких ветрах лучше было бы не проводить время наедине с собой, потому люди из окрестных сел шли в корчмы, навещали семьи и соседей, заглушали мрачный вой музыкой, пьяными криками или рассказами у огня.

Или же, подталкиваемые странной лютостью, находили себе другие занятия.

Мужчине, которые грел ладони у малого костерка, вой не мешал. Вообще. Ветер – это ветер, массы воздуха, текущие из одного места в другое. Такая себе... река без воды. Ничего опасного. Он не верил в истории о духах, что мечутся в хватке вихря и тоскуют по компании. Нет... вера не имела с этим ничего общего. Он знал, что это никакие не духи.

Но нынче его знание не имело никакого значения. Он ждал. Просто ждал тех, кто все еще пытался найти в себе смелость.

Местные... Местные были немного похожи на живущих чуть дальше к востоку вессирцев: худошавые, темноволосые и светлоглазые, но говорили по-своему, языком, сложным для понимания и жестким, словно скрежещущие на зубах камни. Их язык не представлял для него проблемы, но он предпочитал, чтобы они не знали, насколько хорошо он им владеет. Люди выдают куда больше секретов, если полагают, что слушатель не имеет понятия, о чем они говорят. Потому в селе он пользовался хромым диалектом, мешая несбордийские и меекханские слова. Но он достаточно хорошо договаривался с местными, чтобы те поняли: он ищет Пещеру Спящих. Правда, одно упоминание о ней заставляло их молча отворачиваться и уходить.

Они не почитали никакого конкретного божества – в селе он нашел часовенку Близнецов и алтарики, посвященные Сетрену-Быку и Дресс, – но уважали жрецов, ворожеев и магов или, скорее, боялись их. А он ведь выглядел как один из этой банды: бородатый, с тяжелым дубовым посохом в руках, в длинных одеяниях, которые некогда могли быть рясой. Странствуя по горам, он убедился, что такая одежда обеспечивает больше спокойствия, чем кольчуга и топор за поясом. Убогого монаха-жреца не ограбишь, а к чему рисковать мстью неизвестного бога, которому тот может служить?

И правда: только страх оберегал его от ножа, перерезающего глотку, или от палицы, разбивающей череп. По крайней мере, до нынешнего момента.

Он улыбнулся. Как низко мы пали. Как уподобились зверям, которыми кое-кто нас считал... и считает. Но, в конце концов, тут, на северо-западном крае континента, где Лохарры заглядывают в Авийское море, не билось сердце цивилизованного мира. Местные не были даже жуткими несбордийцами, купцами-пиратами, чьи длинные ладьи становятся вестниками неплохой торговли или смерти и огня. Тут, в позабытых даже Андай'ей долинах, жили недобитки народов, оттесненных с более плодородных земель светловолосыми пришлецами на узких кораблях.

Плория, Тембория и прочие острова Авийского моря не могли уже вместить воинственных мореходов, а потому те вот уже сотню лет колонизировали побережье, отбирая у местных землю, леса и пастбища. Всегда так было, и всегда так будет: лучше организованные и вооруженные, более голодные выживают из плодороднейших мест тех, кто слабее и не такой боевитый. В этом не было и не будет ничего странного, пока зайцы не научатся охотиться на волков.

Снаружи пещеры раздалися шаги трех... нет, четырех людей. Они приблизились, стихли а потом начали отдаляться. Мужчина фыркнул. Он сделал все, чтобы облегчить им задание. В селе в долине расспрашивал об этой пещере, натываясь, как и ожидал, на стену молчания, потом вышел в горы среди белого дня, игнорируя мрачные взгляды и ладони, сжатые на топоры и рукоятях. Не затирал следов, оставил за собой тропу обломанных веток и стоптанной травы, словно сопровождало его стадо коров. А теперь он разжег костер сразу у входа в пещеру, зная, что свет его будет виден за много сотен ярдов.

И ничего.

Местные, те, кто должен был найти в себе достаточно отваги – а может, ярости и гнева, – чтобы направиться за ним следом, никак не могли переломить страх. Эта пещера все еще оставалась для них табу, проклятой и запретной землей.

Если они не явятся сами, ему придется пойти к ним, дать одному по голове и затащить сюда лично.

Он встал, вынул из мешка наполненную тюленьим жиром лампадку и зажег ее от угасающего костра. Огонек квели танцевал на фитиле, гибкий и легкий, словно дыхание спящего младенца. Не слишком-то свет разгонял темноту, но это не имело значения, он был не нужен мужчине. Он зажег лампадку лишь для того, чтобы те, снаружи не сомнвались, что чужак идет внутрь пещеры, бесчестя величайшую их святыню.

Он затоптал остатки костра и двинулся в глубь горы, обходя кучи камней, которые некогда загорали дорогу.

Ловушка. Хитрость. Все, что он делал последние дни, было именно этим. Ему не требовалось расспрашивать местных о дороге в пещеру, он и сам прекрасно ее знал. Память о ней была в его костях и мышцах, словно он родился и рос в этих местах и словно многие годы ходил в Пещеру Спящих с ежемесячной жертвой. Он получил это знание в подарок, но кроме этого – не получил ничего. Не знал, что застанет внутри, кто такие Спящие и чем они окажутся для него.

Оум, сраный ты кусок деревяшки, чтоб тебя мор побил!

Он услышал шорох у входа в пещеру. Ну наконец-то они решились отреагировать.

Коридор вгрызался во внутренности горы, но по мере того, как Альтсин шел, постепенно утрачивал естественный вид. Стены выглаживались, потолок поднимался, на полу появились первые каменные плиты. Отчего бы и нет? В конце концов, он подсознательно чего-то такого и ожидал.

Но все равно был пойман врасплох.

Потому что в конце коридора его не встретил подземный комплекс храмов или кладбище. Нет. Ничего настолько простого. Вместо этого огонек лампадки осветил небольшую дыру в

скале, пустоту размером самое большее в тридцать футов – и примерно два десятка тел, лежащих на голом полу.

Мужчины, женщины, подростки, дети. Все с закрытыми глазами и с выражением необычайного спокойствия на лицах. Пещера Спящих. Он и сам бы не выдумал названия лучше.

И только через миг, когда дрожащее пламя перестало сбивать зрение, он заметил подробности. Коричневую кожу, запавшие глаза, сложенные на груди руки с пальцами, словно палочки, обтянутые пергаментом. Мумии. Двадцать мумий. Сколько же лет они тут «спали»? Сколько веков или тысячелетий? Пещера была сухой, холодной и многие века – закрытой. Лишь двести лет назад подземное сотрясение уничтожило блокирующую вход стену из умело выложенных камней и открыло тайну. Альтсин знал об этом, как знал и то, как сюда добраться. Из воспоминаний, которые он получил в дар.

Или которые оказались проклятием.

Ведь ему был известен ответ на вопрос, сколько лет «спящие» находятся здесь. Собственно, он мог назвать дату с точностью до нескольких месяцев.

Он поднял взгляд. Стену напротив входа украшал барельеф, изображающий разлапистое дерево. Вернее – Древо. Гигантское в сравнении с несколькими человеческими фигурами, вырезанными внизу для контраста, переданное в мельчайших подробностях, с каждой трещинкой на коре и каждым из тысяч листков, венчающих крону. Он не сомневался, что это не местные создали этот шедевр. Статуя Сетрена-Быка, находящаяся в поселении, напоминала коровью лепешку на четырех ногах. Когда бы не два рога, торчащие с одной стороны, оставалось бы неясным, где у него голова, а где зад.

Пещера Спящих под Древом. Так следовало называть это место, это всплыло из глубин его памяти вместе со знанием, сколько усилий некогда было приложено, чтобы уничтожить все такие места. Стереть с лица мира.

Он и сам отдавал приказы.

Нет. Он тряхнул головой. «Не я. Я – Альтсин Авендех. Вор, мошенник, странник. Тот, кто Объял кусочек души бога, вместо того чтобы самому уступить Объятию. Но сейчас его воспоминания стали моими, и я научился отделять их от собственных лишь так: если в тех больше, чем пять трупов за раз, – это наверняка не мои воспоминания».

Он ухмыльнулся, легко изогнув губы. Это неправда. Альтсин вот уже некоторое время не существовал. Не таким образом, как ранее. Объять душу Кулака Битв – не то же самое, что надеть шелковые одежды и притвориться дворянином. Он обладал воспоминаниями *авендери* Владыки Битв. Всеми воспоминаниями. Когда бы часть из них ни навевалась к нему раньше, он наверняка сошел бы с ума сразу после того, как Объял душу бога. Потому что это меняло человека сильнее, чем любые собственные грехи. Альтсин отчасти оставался самим собой, но кем стала остальная его часть? Этого он не знал. Пока не знал.

Он подошел к Древу, осторожно ступая между лежащими мумиями. Среди корней барельефа вилаась, вырезанная мелкими буквами, надпись. Он мог ее прочесть, потому что Кулак Битв некогда изучал этот язык.

«Мы были мечтой, сном, бредом. Веткой, отрезанной от ствола. Взгляни на нас, гость, и восплачь».

Он знал, кем они были. Если наполнить эти тела жизнью, кожа у них стала бы золотой, словно небо на восходе солнца, высокие скулы, узкие подбородки и миндалевидные глаза. Серые, как туманное утро. Но теперь смерть и мумификация в холодном, сухом воздухе сделали их схожими с...

Истина, которую открыл ему Оум, истина, которую он нашел в воспоминаниях Кулака Битв, истина, от которой он пытался сбежать, смотрела теперь на него высохшими глазами этих мумий.

Он сжал зубы. И кулаки.

Услышал за спиной шорох. У входа стоял один из местных, жилистый парень, вооруженный копьем с мерзко широким наконечником, а на лице его гуляла настолько же мерзкая усмешка.

– Ты не должен был приходить сюда, чужак, – прошептал он холодным голосом. – Это святое место. Место духов.

– Вижу. Это для них?

Альтсин указал на лежащие под барельефом ожерелья из разноцветных камешков, браслеты, ножи с костяными рукоятками, мелкие монетки, высохшие букетики цветов. Типичные подношения, складываемые в любой сельской часовенке.

– Это добрые духи. – Парень чуть склонил голову. – Они присматривают за нами.

– Ты прав. Они были добрыми. Не хотели ничего, кроме спокойствия. – Альтсин двинулся к селянину, проигнорировав шевельнувшееся оружие. – Но им не позволили его обрести. Даже после смерти. Другие искали места их упокоения и уничтожали одно за другим. Чтобы стереть малейший след от них. Чтобы их объяла полная, – он поднял лампадку и задул огонек, – тьма.

Испуганный местный охнул и ударил копьем перед собой, вслепую, но некая сила вырвала у него оружие из рук, а его самого бросила в стену. Парень почувствовал боль в груди, пылающую, резкую. И запах горелого мяса. Пытался крикнуть, чтобы позвать на помощь, и тогда чья-то ладонь передала его горло, перехватывая крик.

– Ш-ш-ш. Ты не умрешь. Обещаю. Но будет больно. Поверь, будет ужасно больно.

Страдание разлилось в теле мужчины неудержимой волной, словно кто-то наполнил его вены жидким свинцом. Прежде чем его поглотила милосердная тьма, он еще услышал:

– Заботьтесь о них. Уважайте. И плачьте время от времени над тем, что сделано.

Глава 6

В тишине, что установилась после фразы императора, Гентреллу-кан-Овару, Третьей Крысе Империи, казалось, что все слышат, как в голове его возникает огромная дыра, засасывающая внутрь себя вещи, в истинности которых он, казалось, был уверен. Кей'ла Калевенх жива? Та самая Кей'ла, в честь которой племена Фургонщиков строили огромный курган? Дочка Анд'эверса? Ее смерть Крыса считал подтвержденной. Если она жива...

Шестеренки его разума – то есть того, что некоторые считали сильнейшим его оружием, – начали вставать на свои места.

Тот, кто получит ее в руки, обретет влияние и на самого Анд'эверса. Нет, не так. Кей'ла для верданно – это Избранная Лааль Сероволосой. Той самой Лааль, ради которой они сотни лет отказывались садиться на лошадей. Если Кей'ла Калевенх встанет теперь перед ними, то тот, кто сделает ее своей марионеткой, получит возможность направить Фургонщиков куда пожелает. Даже в союз с Йавениром, снова против меекханцев.

«Мы или никто», – решил он.

Этот ребенок слишком важен, чтобы позволить ему свободно ходить по миру. Если не удастся ее контролировать... Он мысленно сверил список самых умелых дружин убийц, которые были у него на востоке. Восемь, может десять. Три в поле, два отдыхают и лечат раны, по крайней мере одна готовится к делу против Гончих. Отозвать. Они будут готовы в любой момент.

Все это продлилось два или три удара сердца. Когда же он поднял взгляд, встретился с двумя внимательными, взвешивающими парами глаз. В глубине одной плясала улыбкой.

– Именно это меня всегда в нем и удивляло, графиня. Он принял факты и принял решение о том, что следует поймать или убить эту девочку, за время куда короче, чем большинству людей понадобилось бы, чтобы спросить с глупым выражением: «Но как же так?»

Улыбка императора исчезла.

– Она должна остаться в живых. Это не обсуждается. Если Первая Крыса не ошибается, Кей'ла может оказаться важнейшей персоной этого столетия. Впрочем, Люво должен уже быть здесь...

Двери беззвучно раскрылись, и лакей объявил:

– Граф Люво-асв-Нодарес, глава внутренней разведки.

Оба, и Сука, и Первая Крыса, носили графские титулы, что серьезно упрощало им связи в иерархическом мире меекханской аристократии. Оба титула принадлежали старым, но малоизвестным родам, доживающим где-то на окраинах Империи, и даже если кто и помнил, что Люво-асв-Нодарес родился сыном мелкого купца, то сотня аутентично выглядящих пергаментов доказала бы, что память ошибается. Гентрелл также мог спроворить себе подобные документы, однако роль Третьего не требовала таких больших жертв. Он предпочитал носить свой настоящий дворянский титул, хотя уже долгие годы не светил никому в глаза монограммами на манжетах.

Первая Крыса вошел в зал быстрыми, мелкими шажками. Одет он был в черное, причем в наряд приталенный, что дополнительно подчеркивал его худую фигуру. Гладко выбритый, с мохнатыми бровями, будто кустики травы под зачесанными назад волосами, и с острым носом, на котором торчали два стеклышка, из-за чего глаза его казались большими черными шариками, он напоминал настоящую крысу.

Чувство юмора Люво-асв-Нодареса уходило корнями в регионы, недоступные для разума простого смертного.

– Ваше величество. – Но первый поклон был направлен чуть влево от императора. – Графиня, как всегда, прекрасна. – Второй поклон миновал Эвсевению справа. – Гентрелл,

мальчик мой. – Ему должно было хватить приятельственного кивка. – Сколько лет, сколько зим.

Собственно, они разговаривали лицом к лицу пару месяцев назад, когда Первый обсуждал с ним возможную кампанию против Понкее-Лаа, но Гентрелл знал, что эта рассеянность – всего лишь элемент игры в отношении Суки.

Он отметил также, что шеф Крыс не слишком удивился при виде пола, покрытого Безумием Эмбрела. Знал об этом – или же полагал несущественной деталью? Но не это было важнее всего. Император упомянул об асв-Нодаресе – и через несколько минут тот стоял в дверях. Было ли так запланировано? К тому же это утверждение: мол, если Первый не ошибается? В чем?

– Люво, сними это с лица. Выглядишь глуповато.

– Правда, ваше величество? – Стеклышки были завернуты в платок и исчезли за паузой Крысы. – Должны исправлять зрение старикам. Такая простая научная штукавина вместо дорогого лечения магией, которое не всегда срабатывает и у которого могут оказаться непредсказуемые последствия, – к тому же на нее не у многих хватит денег. Удивительно, что другие стекла помогают тем, кто плохо видит вдаль.

Восхищение наукой, инженерными проблемами и механическими игрушками было одной из немногих слабостей Первой Крысы. Если можно говорить о слабости того, кто, глядя на работу рычага на стройке, конструирует беззвучный механизм натяжения арбалета, который и ребенок может взвести одной рукой. Дружины убийц Крысиной Норы называли это улучшение люварком.

Эвсевения глядела на Первого с тем особым выражением лица, с которым смотрят на мужчин, что надоедают всем на приемах рассказами о своих успехах в постельных делах. Гентрелл не дал себя обмануть. Она настолько же выражала неприязнь, насколько Люво-асв-Нодарес был рассеян. Оба они так сильно пытались скрыть свои истинные лица, что, если бы увидели себя в зеркале без маски, небось содрогнулись бы от ужаса.

Однако император слегка заинтересовался. А может, просто хорошо знал, что Первый ничего не делает без причины.

– Интересная игрушка. Практичная?

– Цех шлифовальщиков немало преуспел в производстве этих стеклышек. И хотя продает их довольно дорого, интерес к ним велик. Даже среднесостоятельный ремесленник немало заплатит, чтобы иметь возможность видеть и продолжать работать... – Начальник Норы сделал паузу.

Креган-бер-Арленс взглянул на нечто выпирающее из-за пояса Крысы.

– Новый налог?

Нет ничего лучше, чем найти вещь, которая станет настолько необходимой для людей, что они вскоре не сумеют без нее обойтись.

– Небольшой. Может, десятая доля цены для начала. На шлифовальщиков. И, может, не сразу, а только через несколько лет, когда цех втянется в производство этих стеклышек, а люди захотят покупать их больше. Я рекомендую эту информацию вниманию вашего величества.

Император небрежно кивнул, а Гентрелл мог без труда представить себе большую книгу в его голове, в которой появилась соответствующая заметка с примечанием: «важно – через пять лет». Сукин сын ничего не забывал.

– Вернемся же к нашим делам. – Император сел на стуле свободней, положил ногу на ногу. – Кей'ла Калевенх, граф. Что мы о ней знаем?

– Ну да, Кей'ла. Младшая в семье. Дочка Анд'эверса Калевенха, кузнеца из Лифрева. Это такой небольшой городок в двадцати милях от Амерты, от тысячи пятисот до двух тысяч душ, зависит от того, сколько пастухов и членов свободных чаарданов остается там зимовать. К югу от городка находится Урочище, небольшое, без названия, преимущественно неактивное и...

– Ближе к делу, – нетерпеливо оборвала его на полуслове Эвсевения. – Нам нет нужды знать, какую скотину разводят в тех краях.

– Сахрийских длинноногих и низинных из Ольве. Обе породы хорошо переносят тяжелые зимы и могут долго протянуть даже на дурном корме, хотя и не дают столько молока, как северная бурая скотина, или столько мяса, как асуверы. Асуверские быки весят по три тысячи фунтов. Но восточная скотина любит странствия, а потому идеально подходит для выпаса в Степях. Впрочем, сахрийские перешли к нам как раз от кочевников. – Люво-асв-Нодарес выдержал яростный взгляд Суки с таким выражением лица, словно она сама попросила его об этой лекции. – А утверждение руководительницы Псарни, что она может чего-то и не знать, пробуждает мое серьезное опасение. Гончая, которая потеряла интерес к тому, чтобы искать следы, должна прекратить ходить на охоту.

Воцарилась тишина, даже император задержал дыхание.

– Всякая вещь, о которой я говорил или стану говорить, имеет значение, – продолжил Первая Крыса, словно ничего не случилось. – Каждую нужно запомнить и проанализировать. Мы должны знать, что случилось при Лассе на поле битвы между Фургонщиками и се-кохландийцами, а это требует полного понимания ситуации.

Куда-то пропал смешной худой человечек с идиотскими стекляшками на носу. Появился командующий внутренней разведки, шеф организации Империи, пробуждающей серьезнейший страх и уважение.

– Кей'ла Калевенх родилась около десяти лет назад, точная дата нам неизвестна, Фургонщики не признают Баэльта'Матран, наши жрецы Лааль Сероволосой считают верданно отщепенцами из-за этой их одержимости лошадьми, а потому рождение ее не было отмечено ни в одной из храмовых книг. Об отце мы тоже знаем немного. Хороший кузнец, один из лучших в тех местах, имел прекрасные контакты с армией и Ласкольников. Четверть века назад он был *Эн'лейдом* одного из самых больших караванов во время Кровавого Марша, когда Фургонщики убегали со своей земли, уничтожаемые се-кохландийцами. *Эн'лейд*, или же Око Змеи, означает командира во время военного марша. В нашей армии было бы звание как минимум старшего полковника, хотя в этом случае – скорее, полного генерала. О матери мы не знаем почти ничего, хотя и подозреваем, что именно с ее стороны Кей'ла унаследовала талант.

Гентрелл уголком глаза заметил, как император согласно кивает. Эта информация не была для него новостью. Эвсевения только смотрела. Так спокойно, словно наблюдала за тестом, растущим в квашне. Первая Крыса продолжал:

– Я о магическом таланте, несомненно. Мы не знаем, оказалась ли она умелой во владении аспектами или же, скорее, в какой-то разновидности племенной магии, но многое указывает на то, что раньше или позже ее талант расцвел бы и оказался замеченным. Однако она воспитывалась не в одном из лагерей Фургонщиков, где кто-то из чародеев мог бы быстро обратить на нее внимание, она родилась и росла в небольшом городке, в котором есть лишь один маг. А Пансе Вейльхорн не узнал бы талантливую ребенка, даже если бы вокруг того принялись летать свиньи. Это всего лишь обычный сельский чародей. Кроме того, – одновременно с поднятым пальцем Крыса вздернул брови, – во-первых, такие вещи случаются преимущественно в период созревания, а потому Кей'ла была слишком молода, чтобы выдать себя чем-то существенным. Во-вторых же, Урочище подле города и само по себе мутит аспекты: слегка, но этого достаточно, чтобы скрыть присутствие девочки.

Люво-асв-Нодарес послал Суке широкую улыбку.

– Я не даю несущественной информации, графиня. Естественно, все это только спекуляции, но многое указывает на то, что на се-кохландийских крюках, на поле кровавой битвы, в сопровождении племенных духов сахрендеев и сотен, а после и тысяч душ, насильно вырванных из тел, повис ребенок, способный тянуться за Силой. Как я уже сказал, ее талант не был замечен ранее, но это совершенно не имеет значения. Все мы знаем, что временами талант к

магии пробуждается слишком резко, мгновенно, часто во время неких интенсивных переживаний. Духи пришли к ней, заинтересованные и разгневанные – или ищущие нового тела. А она, подходя все ближе к смерти, стала открываться. Наверняка видела нечто, что посчитала бредом, началом безумия, может, даже пыталась с этими духами разговаривать... Не знаю. Однако знаю другое: весь процесс был прерван отрядом Горной Стражи под командованием лейтенанта Кеннета-лив-Даравита из Шестой роты Шестого полка из Белендена. Одной из тех, которые по просьбе Восточной дивизии отослали в Олекады с целью поддержать тамошние отряды.

Эвсевения прищурилась.

– Та самая рота, что проводила верданно через горы?

– Естественно, нет. Фургонщики-верданно взбунтовались и сами нашли проход, а наша рота в нескольких десятков солдат не имела ни шанса их остановить.

Последние две фразы были произнесены настолько снисходительным тоном, что ими удалось бы унижить половину жителей среднего размера городка. Но Первая среди имперских Гончих не дала себя спровоцировать.

– Значит, это именно они. Те самые, которые передали в руки Крыс... станем и дальше называть ее Лайвой-сон-Барен, близнеца таинственной невольницы, благодаря которой Йавенир восстановил силы и сумел вести войска против Фургонщиков. А мы не можем допросить эту женщину.

Гентрелл почти улыбнулся. Сука никогда не отступала. Никогда.

Люво кивнул:

– Верно. Ту самую персону, связанную каким-то образом с парнем, который, согласно признаниям стражей, обладал умением проходить между нашим миром и Мраком. Как, впрочем, и группки странных убийц, ответственных за смерти в Олекадах. Это мы тоже знаем со слов лейтенанта Шестой роты и его людей и считаем эту информацию вместе с данными, полученными от фальшивой графини и нескольких других персон, исключительно вероятной. Увы, руководство Горной Стражи отказало в допросе этих солдат на постоянной основе. А приказы его величества относительно армии были совершенно ясны.

– И таковыми останутся. Эта рота достаточно прославлена, а вы не станете делать ничего, что может ослабить лояльность солдат. Особенно vessirцев. И, между нами, дорогая графиня, – император энергично встал со стула, и, хотя не принадлежал к высоким мужчинам, в комнате вдруг сделалось исключительно тесно, – вам не бросается в глаза некоторая закономерность? Происходящие из другого места Всевещности убийцы из Олекадов, которых нечто соединяло с загадочной графиней, чья сестра-близнец лечила самого Йавенира. Таинственный парень, который может открывать проход во Мрак, также связанный с этой Лайвой, о котором мы знаем только то, что он сражался и убивал убийц с гор. И который близок с Кей'лой Калевенх, хотя, милостью Великой Госпожи клянусь, мы понятия не имеем, каким образом он сумел с ней связаться.

Люво кашлянул.

– Ваше величество позволит? Онелия Умбра. Такое имя назвала фальшивая графиня как собственное... так вот, Онелия Умбра рассказала нам, что этот мальчик – ее брат. Не родной, а сводный, у них один отец. Оба они принадлежат к одному *vesure*'х, это название, полагаю, описывает род или большее сообщество, из которого они происходят. Он должен был оставаться ее охранником и защитником. *Каналоо*, такое название она использовала, и если мы верно понимаем отношения между ними, то связь, которая соединяет ее с парнем, должна оказаться сильнее смерти. Но, во-первых, она бросила его несколько лет назад, прежде чем он закончил тренинг – или, скорее, дрессуру, – а во-вторых, она пыталась его убить.

– Это должно было разорвать любую связь.

– Вероятно, господин. Мы допускаем, хотя это лишь домыслы, что Кей'ла встретила его раненого в горах и по каким-то непонятным причинам присматривала за ним.

Непонятным? Гентрелл едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Порой в этой работе забываешь, что мир – это не только заговоры каналов, одержимых жаждой власти и денег. Не одна только ложь, двойные агенты, ножи в спину и яд в каждом бокале. Живут в нем еще и люди, которые берут домой раненых птиц – не чтобы их съесть, а чтобы вылечить им крылья.

Император тоже смотрел на Люво-асв-Нодареса, словно не понимал, не издевается ли тот над ним. Наконец махнул рукой и развернулся к Эвсевени.

– Видите, госпожа графиня: если пойдем этим следом, то попадем напрямик в узел, от которого расходятся новые следы. А от них – еще новые. Пока не получим вот это.

Нарисовал в воздухе несколько линий.

– Паутину. Сеть связей. Убийцы с гор, фальшивая графиня, мальчишка, умеющий убивать голыми руками, таинственная невольница Йавенира. И все они располагают умениями, которые заставляют нервничать лучших из наших магов. Проходят сквозь Мрак, меняют людям память, возвращают жизнь полумертвым старикам. А посередине этой паутины, между Олекадами и Великими степями, разыгрывается битва, во время которой один ребенок едва не становится *ана'богом*. Для того мы, чтоб его, и вводили Великий Кодекс, для того и запрещали использование любой магии, кроме аспектированной, чтобы минимизировать риски таких событий. По крайней мере, вблизи наших границ. Кроме того, бессмертные тоже следят, чтобы такого не случилось, поскольку невозможно жить в мире, где каждое мгновение появляется новое божество.

Третья Крыса Империи уже прекрасно понимал, отчего встреча происходит в этом замке. Толстые внешние стены, в которых точно не скрыты тайные переходы и укромные местечки для подслушивания, стражники и слуги, подобранные среди наиболее доверенных... Во всем Меекхане было, возможно, не больше пары дюжин людей, которые знали или догадывались, что Великий Кодекс оберегает не только от хаоса, связанного с неаспектированной магией, демонами и одержимостью, но также и от постоянного появления новых полубожественных существ. Гентрелл сам узнал об этом только пять лет назад, когда началась вся эта история с Глеввен-Он. Он все еще помнил первую мысль, которая проклюнулась тогда в его голове. «Для богов Великий Кодекс настолько же полезен, как и для людей. Благодаря ему бессмертные не должны каждую минуту сражаться с новыми претендентами на их троны».

Люво откашлялся.

– Со всем уважением, ваше величество. Онелия Умбра утверждает, что действия убийц с гор не имели ничего общего с верданно и битвой над Лассой. Дело там было лишь в том, чтобы достать ее и прочих беглецов.

– А ты бы ей поверил?

– Мы допрашивали ее месяц. Благодаря ее указаниям найдены и схвачены восемь человек из тех, на кого охотились убийцы из Олекадов и кто сумел выжить. Пока что. Все они подтвердили ее рассказ. Это беглецы из места, которое, скорее всего, находится за Мраком. Чтобы сюда добраться, они использовали отвратительную магию, в результате чего погибло немало наших людей. Позже они пытались скрыться в Олекадах. Разойтись и исчезнуть. Но этого оказалось недостаточно. Кто-то приказал выследить их и перебить...

– Я ознакомился с докладами, – прервал император Первого нетерпеливым жестом, а Гентрелл почувствовал себя голодной крысой, у которой прямо из-под носа убрали большой кусок сочной ветчины. Информация. Секреты. Знание. Он невольно облизнулся. Проклятие, зачем его сюда пригласили? Чтобы пытать?

– Мы отклонились от темы, Люво. Кей'ла Калевенх скорее всего выжила. На золе сожженной повозки не нашли никаких останков – ни ее, ни того парня, с которым она была. А искали

– хотя бы для реликвий. Напоминаю, что парень смог перебросить за границу Мрака половину роты пехоты. Мне кажется, он забрал девочку именно туда.

– Соглашусь, господин. Я даже приказал провести соответствующий эксперимент. В фургон, груженный древесиной и сосудами с маслом, мы положили двоих детей и подожгли. В пепле остались кости. Удалось даже идентифицировать, какие принадлежали девочке...

Люво-асв-Нодарес замолчал под тяжестью трех взглядов.

– Ох, милость Госпожи! Это были мертвые дети каких-то бедняков. У нас доступ к городским мертвецким, куда попадают трупы, которые после хоронят за счет государства. Неважно. Полагая, что Кей'ла и ее опекун попали в Мрак, мы предприняли действия, чтобы достать их оттуда.

Гентрелл кашлянул.

– Даже если они туда попали, прошло немало времени. Я читал доклады о путешествии Шестой роты. Отсутствие укрытий, труднодоступная вода и никакой еды.

– Госпожа Умбра уверена, что *каналоо* сумеет справиться во Мраке. Уверяет нас, что для того-то он и был создан. Возможно, он не смог бы отыскать воды и еды для нескольких десятков людей, но для двоих, полагаю, справился бы. Ее... родичи знают Мрак лучше нашего. Часто заходят туда. Онелия уверяла, что это не настолько мертвый мир, как можно подумать, основываясь на рапорте солдат. Шестая просто попала на территории, уничтоженные большим катаклизмом. Если Кей'ла не столкнулась ни с чем дурным, есть шанс, что она выживет.

Эвсевения сделала движение, словно хотела подойти к Первой Крысе и сильно его встряхнуть. Остановилась, однако, на полушаге и спросила равнодушным голосом:

– Действия? Какие же действия вы предприняли?

Люво взглянул на Суку с такой усмешкой, что Гентрелл понял: то, что он сейчас скажет, крепко ему не понравится.

– Онелия Умбра была послана с дружиной Норы на встречу с Шестой ротой. Да, той самой, о которой мы говорили, – послана, чтобы отправиться вместе с солдатами во Мрак. Утверждает, что смогла бы дотронуться до места, которое называет *савхорен*. Туда-то она и пыталась проникнуть при нападении на замок графа. Только она может активировать переход, а потому необходима в этой миссии, а люди лейтенанта лив-Даравита единственные что-то знают о Мраке: странствовали сквозь него, а кроме того, приятель нашей потери их знает и, кажется, доверяет им.

Она не оправдала ожидания Крысы. Не закричала, не выплонула проклятия, не начала рвать волосы на голове. Конечно, на самом деле никто такого от нее не ожидал, она не стала бы первой на Псарне, если бы имела склонность к истерии и чрезмерной эмоциональности. Но могла хотя бы скривиться.

Вместо этого она только кивнула и произнесла:

– Понимаю.

Улыбка Крысы погасла. Если хотя бы часть сплетен о Суке была истинной, она ему отплатит. Если не сегодня, то через пять лет. Или через десять. Приказы императора будут выполнены, война между разведками погаснет и будет только тлеть, как все последние годы, но Эвсевения Вамлехс не забудет, что шеф Норы не только не допустил ее к величайшей своей добыче, но и легкомысленно отослал ту за край мира.

– Мне не нужно говорить, что руководство Горной Стражи приняло нашу просьбу о передаче тех людей под наше командование, пусть и временно, без энтузиазма. – Люво подошел к барельефу и встал на его краю. – Шестую роту чуть раньше выслали в место, куда Стража обычно не заходит. Вот сюда примерно.

Шпион присел и коснулся пальцем одного из перевалов на Большом хребте.

– К счастью, императорские приказы были ясными. Последний рапорт от наших людей, который я получил пару дней назад, говорил, что они отыскали солдат и скоро установят с ними контакт. Наверняка они уже на обратном пути.

Император встал над Первой Крысой и взглянул на барельеф, словно и правда мог на неровной, запыленной поверхности увидеть маленькие человеческие фигурки.

– Ты уверен? Это же вессирцы.

Глава 7

Ветер подхватил вихрь белых дробинок, закрутил и бросил им в лицо, секущие, словно горизонтально падающий град. После чего вихрь вдруг утих. Кеннет шире раскрыл прищуренные несколько часов глаза и похлопал Малаве по плечу. Солдат коротко свистнул и натянул вожжи. Сани остановились.

Трое других из числа их безумной экспедиции встали сразу позади, скрипнув полозьями и подняв тучи замороженного снега. Псы моментально легли, дыша так, что языки их почти примерзли ко льду. Псов они не щадили. За половину дня преодолели пятьдесят миль. Пятьдесят миль на север, туда, где в эту пору года должен бы шуметь Ледовитый океан. Пятьдесят миль в поисках ответа на вопрос, отчего весна все еще не пришла на земли к северу от Большого хребта и что это может значить для людей, обитающих к югу от него.

Приказы, подтвержденные письмом командира Шестого полка, были ясны. Они должны прервать «контроль» за Свистулькой Дресс и отправиться назад на восток как официальный эскорт девицы Онелии Умбры, которая упрямо просила называть себя Нел, и ее прихлебал из Крысиной Норы. Назад в Олекады, откуда они едва только возвратились. Будто они были каким-то проклятым маятником, который летает туда-назад по всей Империи. Очередные два месяца пути, а в конце наверняка окажется, что все странствие предпринято слишком поздно и бессмысленно, а они только обдерут себе до крови стопы и вытопчут несколько новых путей на лице гор.

Когда он в экономно выцеженных словах выразил свои сомнения, услышал только, что приказы идут из самой столицы, а потому не стоит подвергать их сомнению, да и внутренняя разведка позаботится изрядно сократить им путь. Ближайший магический телепорт ждет их в тридцати милях от места постоя, а колдуны уже разогреваются, чтобы наложить соответствующее заклинание.

Кеннет знал, что маг обычно телепортировался сам, переносил вести или мешочек драгоценностей, когда был необходим быстрый трансфер наличности. Чем большую тяжесть необходимо доставить, тем сильнее сокращалось расстояние, на которое удавалось создать магический переход. За всю свою жизнь он не слышал, чтобы таким образом перебросили несколько десятков людей на тысячу миль. Но Олаг-хес-Бренд, Крыса третьего класса, который, кажется, считался командиром всей этой идиотской экспедиции, утверждал, что Кеннет всего лишь лейтенант из забытого богами и людьми края Империи, который командует стаей бандитов, изборажающих солдат, а потому наверняка на небе и земле есть масса вещей, о которых лив-Даравит просто не знает. А потому – должен мигом собираться, потому что хватит уже терять время.

Если кто-то полагал, что рассердить vessirских горцев – хороший способ найти приключение на свою задницу, то он наверняка был прав, а дружина чернобородого Крысы стала бы не первой группой, которая расшибла себе голову о Горную Стражу. Кеннет вежливо – действительно вежливо – напомнил, что Олаг-хес-Бренд мог установить с ними контакт и раньше, вместо того чтобы играть в дурацкие подкрадывания, словно клиент борделя с больным хреном. Что когда бы не предусмотрительность и самоконтроль его бандитов, то на перевале уже наверняка лежало бы с десяток трупов, к тому же Стража должна заботиться прежде всего о безопасности обитателей гор, а сразу за перевалом в этот момент кочует самая большая армия ахеров, какую ему только приходилось видеть. Это не слишком-то хорошие новости для селений за Большим хребтом. Для Нового Ревендата и других провинций – тоже, поскольку ахеры – это племена, которые до сих пор не воевали с людьми. А ему очень хочется сохранять уверенность, что это не изменится. И если Крыса потерял половину дня на глупые развлечения, значит, поход на восток не настолько необходим, а потому они потеряют и вторую половину этого дня, чтобы разобраться, в чем тут дело.

Не прошло и часа, и лейтенант сильно пожалел о своем упрямстве.

Кеннет отряхнул меховые штаны и куртку от снега и потянулся к поясу с мечом. Они взяли с собой только то, что необходимо. Еду для людей и собак, оружие и панцири, палатки, мешки с запасной одеждой. Но во время пути все это ехало на санях. Если, несясь по ледяным пустошам на собачьей упряжке, наденешь на стеганку не толстую меховую куртку с капюшоном, а кольчугу, весящую добрых тридцать фунтов, то железо высосет из тебя все тепло. Как и стальной шлем, даже если под ним будет стеганный чепец. Андай'я с радостью принимала в ледяные объятия всех, кто оказывался слишком глуп, чтобы считать ее истинной властительницей Севера.

И все же кто-то бросил Владычице Льда вызов в самом сердце ее царства. В результате этой схватки племена ахеров, обитающие на краю мира, оказались перед выбором: перебраться за Большой хребет, на территории своих воинственных кузенов, и сражаться рядом с ними против людей – или вымереть от голода.

У Борехеда было странное выражение лица, когда он об этом рассказывал.

Потому что именно этот проклятуший шаман оказался непосредственной причиной того, что Шестая рота и сопровождавшая ее дружина Крыс оказались здесь, в пятидесяти милях за Большим хребтом. В тот миг, когда Прутик сообщил, кто приближается, Кеннет понял, что все приказы Норы или командования утратили значение. Лейтенант видел, как этот сукин сын с большими зубами прикончил одержимого демонами колдуна, а такое сделать мог бы только некто со способностями боевого мага. Если Борехед хочет «поговорить» – им придется выслушать, а если хочет «кое-что показать» – придется выполнить его просьбу.

Или сражаться с боги знают сколькими ахерскими воинами, поддержанными самым сильным шаманом в этой части гор.

Он осмотрелся, застегивая пояс с мечом. На первых четырех санях приехало девять человек и сам Борехед. Ярдах в двадцати позади остановились еще две дюжины саней с остальной ротой и дружиной Крыс. Все же ему пришлось – безо всякой охоты – признать, что их командир, Олаг-хес-Бренд, быстро просчитывал варианты и что наверняка имя шамана было ему известно, поскольку он не возражал, когда Борехед озвучивал свое предложение.

Они поедут с ним проверить, кто же так разозлил Владычицу Льда, что она использовала всю свою силу, чтобы придавить пришельца. А гнев ее проявился отбирающими дыхание морозами и ветрами, что дули непрерывно последние два месяца. Ледяной покров, сковывавший океан, не растаял, как это бывало каждый год, воды не наполнились креветками, рыбы – а за ними пингвины, тюлени, касатки и киты – не приплыли, чтобы тут пастись. Племена ахеров, вот уже тысячелетия зависимые от естественного цикла, в котором побережья пульсировали жизнью, оказались на краю голодной смерти. Запасы с прошлой осени были исчерпаны, охотники, отправлявшиеся на десятки миль вглубь ледяных полей в поисках тюленей и моржей, встречали только таких же, как они, изголодавшихся белых медведей, и даже если в схватке удача оставалась на стороне ахеров, животные оказывались настолько худыми, что толку от их туш было немного. Большинство племен съели уже почти всех собак, а деды и бабки все чаще выходили ночью из ледовых домов и исчезали в метели, чтобы молодым осталось больше пищи.

Но жертвы Владычице Льда не помогали. Ахеры никогда не были ее верными почитателями, предпочитали своих духов-опекунов и мудрость шаманов, хотя и относились к Андай'е с надлежащим уважением. Но она теперь вела себя так, словно хотела заморозить до смерти все свое царство.

Наконец отчаянье подтолкнуло северные племена к пути на единственный перевал, через который они могли перейти Большой хребет. Обменялись посланцами с обитающими по ту сторону кузенами, которые – хотя порой и торговали с обитателями северной части гор – не слишком-то спешили на помощь. Остатки земель, которые еще не отобрали у них люди, едва могли прокормить отдельные племена ахеров. Охота, выращивание овса на каменистых пятач-

ках, разведение коз и грабительские походы не могли дать достаточное количество еды, чтобы насытить тысячи новых ртов, которые к тому же не могли принести пользы. Особенно учитывая, что пришельцы знать не знали слова «война». Обитая на краю света, где каждый день был борьбой за выживание, они научились, что лишь в сотрудничестве и единстве – сила, а насилие приводит к быстрой смерти. Вожди таких племен, как Красные Пояса, издевались: к чему им охотники, которые не умеют охотиться на двуногого зверя?

И тогда появился он. Борехед. Прошелся от одного вождя к другому, а когда выходил из их шатров, шалашей или пещер, насмешки и смешки стихали. Потом он открыл проход тропой духов прямо к разросшемуся сверх всякой меры лагерю у подножья гор, послушал плач внутри ледяных домов, взглянул на худых детей и еще более высушенных собак и сказал:

– В пятидесяти милях отсюда находится то, что так взбесило Владычицу Льда. Я должен увидеть, что это. Мне нужна сотня воинов с собачьими запряжками.

Союзники отказали ему – возможно, впервые в жизни. Не в воинах и собачьих упряжках, но в том, чтобы отправиться в сторону места, навлекшего на себя ярость Владычицы Льда. Знали о нем, о туче, что навалилась на лед и которую не в силах были развеять сильнейшие из ветров. Несколько племен проходило так близко от нее, что сны их шаманов наполнились видениями, от которых часть из них сошли с ума.

Борехед не рассердился и не стал грозиться. Ему хватило и того, что он увидел в глазах одного из тех обезумевших колдунов. Осколок битвы, которую вела Андай'я с пришельцем, почти вырвала несчастному душу из тела.

Однако Борехеду были нужны те, кто оказался бы достаточно безумен, чтобы отправиться с ним, поскольку одинокое странствие стало бы самоубийством.

И тогда он узнал, что на перевале вот уже долгое время стоит лагерь группа людей. Это не была армия, разведчики утверждали, что их столько, сколько шесть раз пальцев на руках и еще трое. Обитали они в палатках, прячась в них во время метелей, словно песцы в выкопанных в снегу норах. У них было много острого железа, а командовал ими мужчина с волосами и бородой, словно свежесохшая кровь.

Разведчики, кажется, так и не поняли, отчего старый шаман засмеялся, услышав эти вести. Коротким, лишенным радости смешком. А потом, несмотря на предупреждения и советы, в одиночку отправился на перевал.

Кеннет перехватил его в нескольких десятках шагов за лагерь. Борехед выглядел так, словно со времени их последней встречи, когда шаман уплывал по озеру в кожаной лодке, а лейтенант раздумывал, поблагодарить его за помощь или приказать застрелить, постарел лет на двадцать. Глаза его провалились еще сильнее на исчерканном морщинами лице, челюсти же выдвинулись вперед, нижние клыки пожелтели, а один явно со щербиной. Кожа колдуна была натянута и нездорово блестела, зато на лбу появилась новая татуировка, изображавшая многоглазое чудовище, пожирающее маленькую человекообразную фигурку.

Лейтенант предпочел не спрашивать, какие события в жизни Борехеда изображает этот рисунок.

Они обменялись приветствиями, завязали Узел Воды, на что Кеннет мысленно и рассчитывал, и только тогда в глазах шамана блеснула тень усмешки.

– Третий раз встречаю тебя, Красноволосый, и третий раз духи говорят мне, что я не должен тебя убивать. Может, пора бы мне поменять духов?

Кеннет кисло улыбнулся.

– Третий раз встречаю тебя, Мясник, и третий раз говорю своим людям, чтобы те не стреляли. Может, пора бы им поменять себе командира?

Шаман кивнул.

– У тебя все еще острый язык, лейтенант. Но я не хочу трепать собственным. У меня есть предложение. Ты выслушаешь меня и примешь его – или выслушаешь меня, и мы станем сражаться. Но я полагаю, что ты его примешь.

– Отчего же?

– Потому что и для тебя, и для меня важно, чтобы этот лагерь, – Борехед указал за спину, – исчез. Я ведь прав?

Он был прав. И в этом заключалась главная причина, по которой они сюда попали. Миссия Норы могла подождать день-другой: самое большее, колдуны Норы поглубже погрузятся в свои аспекты, но Кеннет не мог вот так просто отвернуться и уйти, даже если бы Борехед не угрожал ему схваткой. Он был офицером Горной Стражи, присягал прежде всего защищать жителей гор, а если бы эта орда перешла перевал и навалилась на южные племена, война была бы неминуемой. Естественно, Империя выиграла бы ее, и даже, возможно, в хрониках о ней не сказали бы ни слова, кроме сухого упоминания о «непокое» на северной границе. Но этой непокой означал бы для vessirских горцев сожженные дома, похищенные стада, кровь, пожары и смерть.

Он тяжело вздохнул.

– Чего ты хочешь? – спросил лейтенант.

– Вы поедете со мной на север. Примерно в пятидесяти милях отсюда есть место, которое я хотел бы проверить. Они, – снова кивок в сторону лагеря, бессильный кивок, – слишком боятся. А я не отправлюсь туда сам.

– Потому что слишком боишься?

Провоцировать ахерского шамана, у которого за спиной боги знают сколько тысяч воинов, не было умно, но лейтенант просто не мог сдержаться. Для одного дня ему уже хватило людей, которые говорили ему, что он должен сделать.

Борехед, однако, его удивил, потому что только кивнул и пробормотал:

– Да. Я слишком боюсь. Я отослал туда дюжину своих духов. Не вернулся ни один.

Лейтенант кисло скривился. Это объясняло вид шамана.

– Ну, ты напугал и меня. Если я соглашусь, хочу оставить тут половину людей.

– Нет. Возьмешь всех. Даже тех новых, которые воняют крысиными какашками.

– Почему?

– Не знаю, что там, а потому половины может и не хватить. Кроме того, я не хочу, чтобы кто-то отправился на юг и сообщил остальной Страже.

– Откуда знаешь, что я этого еще не сделал?

– Потому что до сих пор я не слышал об армии, что марширует на перевал.

Он был прав. Местность эта в одинаковой мере принадлежала как Горной Страже, так и ахерским племенам. Потому Кеннет не отважился послать сообщение в Беленден: для безопасности пришлось бы отправить половину роты. Потому он ждал, пока командование пришлет обещанное подкрепление, а проход закрывали несколько десятков стражников.

Он быстро подсчитал. У них было две дюжины собак и четверо саней, Крысы прибыли еще на семи санях, но на легких, таких, на которых поместятся только двое.

– У меня не хватит животных и саней.

– Мы дадим и одно, и второе.

– Твои кузены голодают и отдадут своих собак?

В глазах шамана что-то блеснуло: глубоко, на самом дне.

– Да. По крайней мере, столько-то они мне точно должны, – заявил он спокойно.

Кеннет сделал вид, что думает. Собственно, выбора не было: его рота не удержала бы перевал и четверть часа, да и не для того их сюда послали. Но, прежде чем он согласился с предложением Борехеда, решил проверить, насколько сильно отчаялся ахерский колдун. Стянул рукавицу с левой руки и приложил кончик ножа к пальцу.

– Узел Крови, шаман. Дам тебе два дня. Если окажется, что наших сил мало, чтобы решить твою проблему, мы отступаем, а ты нам не мешаешь. Ни ты и ни один из прочих вождей, которым ты можешь приказывать.

Узел Крови был как братство. Верили, что нарушить его – значит обречь себя на проклятие и смерть. Среди ахеров не заключали более могущественных, чем этот, союзов.

Шаман прищурился, выдвинув челюсть. Ему не понравилась идея.

– Я не приказываю нашим вождям. Я только советую.

– Не делай из меня дурака. Узел Крови – или можешь убедиться, сумеют ли твои вооруженные костяными и роговыми копьями воины справиться с нами достаточно быстро. Я тоже кое-что слышал о племенах, что живут по ту сторону. Это охотники и рыбаки, не убийцы, как те, что по другую сторону гор.

– А ты видел, как их дети умирают с голоду?

Кеннет пожал плечами.

– Не сомневаюсь, что они будут сражаться хорошо. Вопрос в другом: достаточно ли хорошо. Я оставлю здесь половину людей, а остальных посажу на сани и направлю на юг. Кто-то да сумеет уйти от тебя и передать весточку командованию. И тогда ты увидишь тут армию быстрее, чем моча успеет замерзнуть в воздухе. Узел Крови – или сражаемся.

Узел Крови. Борехед смотрел на него несколько ударов сердца, а потом кивнул и вынул собственный нож.

– Три дня. Два дня на решение моего дела и один – чтобы вы могли уйти так, чтобы я не чувствовал соблазна, Красноволосяй. Три дня, три капли крови.

Это случилось утром. Примерно через час после прибытия Крыс. А теперь, ближе к вечеру, рота находилась на севере дальше, чем любой отряд, о котором лейтенанту доводилось слышать. Позади осталось несколько десятков миль пути по ледяной равнине, впереди... Кеннет взглянул на то, что заслоняло горизонт, снова пытаясь убедить разум, что это не бред.

Сплетения тумана оседали на льду примерно в миле впереди. Туча была высотой в несколько сотен футов, шириной... в две, может, в две с половиной мили. Отсутствие в пределах видимости чего-то, что дало бы перспективу, затрудняло оценку размеров этого феномена.

Туман.

Так далеко на севере, при морозе, что превращал слюну на лету в комки льда, под пронзительным вихрем, валившим людей с ног. Теперь ветер стих, но не потому, что Андай'я устала. Они просто оказались с подветренной стороны.

С подветренной стороны тучи, которую не могла разогнать даже ярость Ледяной Госпожи.

Лейтенант осторожно вдохнул. Почувствовал, как защипало у него в носу, дерануло в глотке. Холодно. Просто холодно. Он шевельнул руками, поднял ладони над головой. Ничего. Никаких странных запахов, никакого свербеза или царапанья там, где не должно, никаких странных цветов на краю зрения. Многие чувствовали находившуюся недалеко от них магию как нарушение привычных чувств: зрения, обоняния, вкуса или прикосновения.

Он глянул на псов, уставших, но спокойных – а ведь животные чувствуют Силу даже сильнее, чем люди. Кто бы или что бы не скрывалось в том тумане, использовало оно магию иную, чем та, с которой Кеннет и его солдаты когда-либо имели дело.

– Фенлю!

Кряжистый десятник подошел к нему, широко размахивая руками. Отдал салют и продолжил хлопывать себя.

– Замерз?

– Да, господин лейтенант. Зато тут тишина и спокойствие. Если поставить лагерь, можно погреться на солнышке.

– Не сегодня. Впрочем, я надеюсь, что нам не придется тут ночевать.

– Лучше уж тут, чем если бы ночь застала нас на половине пути. Ночью выдует из нас тепло в два раза быстрее.

– Согласен. Но я не об этом. Ты присмотрелся к Борехеду?

Фенло Нур единственный из роты обладал чем-то, что можно было назвать магическим талантом. Умел видеть или чувствовать души, выходящие из тела, и даже их задержать. Поскольку Крысы не признавались, есть ли у них в дружине маг, Кеннету приходилось полагаться на десятника.

Нур помрачнел.

– Я как-то видел труп рыбака, который свалился в озеро. Когда его вытянули, он весь был опутан сетями и водорослями. Вот он выглядел точно так же. Как труп, опутанный веревками. В шрамах и татуировках он держит духов. Много духов. Чувствую их, хотя и не вижу. Но кажется, что каждый из них обертывается вокруг него петлей – и сжимает ее.

– Сумеешь заметить, когда он их освободит?

– Если захочет поколдовать? Сумею. Я уже видел их шаманов в бою. Знаю, куда смотреть.

– Следи за ним. Не позволяй ему сделать что-то глупое.

– Несмотря на Узел Крови?

– Ты ведь видел лагерь?

Десятник замер. Лагерь. Они прошли с краю, в месте, где шаман каким-то чудом собрал несколько десятков худых собак, у которых все еще оставалось немного силы, но размер лагеря производил впечатление. Несколько тысяч шатров и снежных домов. Тридцать или сорок тысяч почти до смерти оголодавших ахеров. Может, и больше. Несколько десятков тысяч созданий, у которых не было другого пути спасения, кроме как бежать за Большой хребет.

Он помнил взгляды, какими собравшиеся провожали своих последних собак. В них не было лютой ненависти, приглушенной только демонстративным презрением, которое обычно горело в глазах их родственников с южной части гор. Только отчаянье, боль и усталость.

И голод.

Всюду, куда бы они ни взглянули, виделись следы этого голода. меховые одежды висели на обитателях лагеря словно на сколоченных из жердей чучелах, недостаток еды отпечатался на их лицах даже сильнее, чем годы жизни в тяжелых условиях, темная кожа приобрела восковой отблеск, а глаза глубоко ввалились. Характерные для этой расы клыки, хотя и поменьше, чем у ахеров с юга, имели отвратительный желтоватый оттенок. По дороге через лагерь Кеннет насчитал лишь две дюжины детей, причем тех, что постарше, а ведь их должно было оказаться сотни. И еще – ни одного старика. Ни единого.

Он не стал спрашивать, потому что – зачем бы?

Запомнил еще ахерскую женщину, уже немолодую, которая, видя, как стражники подкармливают отданных им собак – потому что животным нужны были силы на путь туда и обратно, – сделала такое движение, словно собиралась броситься к ним и сражаться за обрезки полумороженного жира.

Тогда он решил, что Узел Крови или нет – но он станет присматривать за Борехедом. Тот, кто взвалил на плечи такую тяжесть, может сломаться несмотря ни на какие клятвы.

– Я видел, господин лейтенант. Вы правы.

Борехед подошел к ним беззвучно и, похоже, услышал последнюю фразу.

– И что же ты видел, человек с холодным сердцем?

– Я видел, – нагло ответил Фенло, – как твои люди смотрели на наших собак.

– У вас толстые псы. Семья кормилась бы каждым из них добрый десяток дней.

– У Стражи не хватит собак, чтобы прокормить всех в лагере.

Шаман кивнул.

– Верно. Они сейчас должны бы есть тюленьё мясо, запивая жиром, вытопленным из сала моржей, и закусывая толстыми рыбинами. А жуют куски старой кожи. Потому лучше бы нам побыстрее проверить, что так разгневало Андай’ю.

– А мы недостаточно близко, чтобы ты сделал это своими чарами?

Нур порой умел задавать точные вопросы. Борехед вдруг улыбнулся зло и широко.

– И обратить на нас внимание какой-то из тамошних сил? Ты этого хочешь, человек? Чтобы Владычица Льда решила, что мы слишком любопытные мухи, и сощелкнула нас холодным пальцем? Или лучше того – чтобы ударила по нам всей своей злостью, кулаком? Смотри.

Шаман закатал рукав и сунул им под нос свое левое предплечье. Один из его многочисленных шрамов, казалось, лопнул изнутри. Свежая рана уже затянулась, но красная полоса выглядела отвратительно.

– Духи, которых я туда послал, исчезли. Не погибли и не были захвачены, но просто исчезли. Словно я бросил горсть праха в огонь. Цепи, которыми я приковал их к себе, вырвали – а уж поверь, это было настолько же болезненно, как и при заключении с ними уговора. И думаю, что на них никто не напал, их просто мимоходом убрали. Случайно. И поверь, это были по-настоящему сильные духи. Остальных я держу близко и использую, для того чтобы и меня не постигла такая же судьба. Мы таимся, прячемся, заметаем следы нашего присутствия. Нам нужно стать сусликами, подкрадывающимся к сражающимся медведям. Мы должны подкрасться, увидеть все и сбежать. Никакой магии.

Кеннет взглянул на Борехеда. Шаман был ниже его на голову и худым, словно волк, которому много дней не везло на охоте, но когда он поднял глаза и вперил в лейтенанта темный взгляд, офицер понял, что тут не место для споров. Здесь ахерский колдун был у себя дома в буквальном смысле – а также в смысле духовном. Здесь командовал он.

– Хорошо. Нур!

– Слушаюсь, господин лейтенант.

– Пробеги к остальным и дай парням знать, чтобы они что-то съели, а потом приготовили оружие. – Кеннет глянул на стену тумана. – Вевки, крюки для подьема и чеканы пусть возьмут тоже. Остальным десятникам скажи, что через четверть часа я дам короткое объяснение. Как только поговорю с командиром Крыс и девицей Онелией.

– Слушаюсь.

Кряжистый офицер побежал трусцой в сторону саней, что стояли в нескольких десятках ярдов, провожаемый насмешливым взглядом шамана.

– Глядите-ка. Хорошо обученный человек. Сядь, говори, не двигайся. Наверное, такими просто командовать. Наши воины рядом с ними – словно стая волков рядом с собаками.

Кеннет проигнорировал чуть скандальный тон, вынул из саней кольчугу и плащ, надел их и только тогда взглянул на Борехеда.

– И потому волки голодают в горах, жрут камни и шишки, а тебе приходится обращаться за помощь к нам.

Шаман широко ощерился.

– Хе-хе. Значит, ты тоже чувствуешь раздражение, человек. Этот вон, – ткнул он в Нура, – еще недавно кусал тебя за руку и ссал в воду, которую ты пил, а теперь прыгает настолько высоко, насколько ты ему приказываешь.

Офицер пожал плечами. Борехед или был очень догадлив, или выстрелил наугад. Неважно.

– Дисциплина. Терпение. Мое личное очарование. Выбери, что захочешь. Но ты ведь притащил нас сюда не затем, чтобы поболтать о том, как мы решаем такие вещи в Страже, правда? – Он перевел взгляд на стену тумана за спиной шамана. – Вон там твоя проблема.

Он отвернулся, игнорируя ироническое фырканье ахера, и двинулся к остальным саням, в очередной раз отгоняя от себя неприятные мысли, мучившие его вот уже несколько часов.

Они находились в пятидесяти милях от гор, как минимум – в тридцати от берега. Посреди моря, которое в эту пору года должно быть освобождено от белого панциря. Насколько толстый лед под ними? Десять футов? Пять? Три? Меньше? Владычица Льда могла остановить приход весны на эти территории, но была ли она достаточно сильна, чтобы удержать Близнецов Моря? Эта пара Бессмертных не имела в горах излишка верных, но рассказы о силе их гнева добирались и до вессирцев. Наверняка то, что их доминион не был вовремя освобожден из-под власти Андай'и, их оскорбило. Неужели его люди вмешиваются в конфликт между богами?

Он еще раз окинул взглядом лежащую на льду тучу. Это явно было неестественно. Чтоб его! Если бы дураки-Крысы не развлекались глупыми подкрадываниями, Шестая свернула бы лагерь и ушла с перевала раньше, чем Борехед сделал им свое предложение, от которого они не могли отказаться.

Лейтенант ухмыльнулся себе под нос. Ну, по крайней мере, понятно, кто ответственен за то дерьмо, куда они влезли.

Тень этой усмешки, похоже, оставалась на его лице, когда он подходил к поставленным чуть в стороне саням, на которых приехала дружина Крыс, потому что Олаг-хес-Бренд заговорил первым:

– Это не моя вина. Я не знал, как обстоят дела по ту сторону перевала. Как не знал и того, что проклятуший шаман заставит нас сюда приехать.

Кеннет отмахнулся.

– Ты мог прибыть на рассвете и передать нам приказы, но ты желал прокрасться в лагерь и сделать из стражников дураков, верно? А потому ждал, пока мы вылезем из нор, начнем готовить завтрак и вообще – пока не воцарится общее замешательство. На это ты потратил как минимум два часа. И именно из-за тебя мы тут. Впрочем, – пожал он плечами, – я не стану тратить время на поиски виноватых. Но не кивай на Борехеда, потому что, насколько мне известно, Нора не прощает своим людям недостаток знания. Постарайся придумать отговорку получше, Крыса. Мы въедем в этот туман, проверим, что там находится, и вернемся домой. Таков нынешний план. Естественно, все изменения потребуют импровизации, но это не в новинку для нас. Как и для вас, верно?

Крысы слушали, сбившись в мрачную группку. Двенадцать пар глаз всматривались в него каменными взглядами, и только в глазах Онелии Умбры лейтенант заметил что-то, что мог бы посчитать крупницей веселья или интереса. Проигнорировал это. Девушку с Шестой ротой соединяло безумное странствие по Мраку, которое закончилось выходом из него прямо посреди поля битвы. Из того, что он помнил, помощи от нее тогда было немного. Ее участие ограничивалось бессмысленным взглядом в пространство да бормотанием, а потому он надеялся, что она хотя бы сумеет позаботиться о себе сейчас. Но больше его занимали Крысы.

Лейтенант попытался оценить, кто есть кто в его группе. Наиболее охраняемые секреты Норы – то есть те, о которых все знали, – гласили, что боевые дружины Крыс состоят из убийц, обучавшихся с самого детства в местах настолько тайных, что и самому императору не известно, где они находятся; еще – из колдунов, владеющих аспектами столь специфическими, что те ни для чего более, как для убийства, не подходили; но и такими мерзкими, что даже армия отказывалась их использовать; и, наконец, из осужденных, снятых напрямую с виселицы, связанных с Норой мощными заклятиями. Ну и из одержимых жадой убийства головорезов, тронутых Мраком, слабо отличающихся от Пометников, – тех, кто мог на этой службе реализовать свои самые темные желания.

В принципе, и о его людях говорили лишь немногим лучше.

Оба командования, и Стражи, и Норы, ценили такие рассказы: из-за них враг потел от одной мысли о том, с кем ему придется иметь дело.

Из того, что Кеннет знал наверняка, в дружине Крыс всегда имелся маг, не обязательно боевой, а также в этой дюжине наверняка должны быть двое-трое настоящих убийц, то есть

людей, тренированных использовать яды, ставить ловушки, подкрадываться и тайно убивать. Это была основа каждой крысиной дружины – убийцы, которые отправляли своих жертв в объятия Матери тихо и без шума. Остальные обеспечивали им поддержку – наверняка старые солдаты, наемники, головорезы или преступники, поскольку Нора старалась, чтобы в ее боевых дружинах оказывались люди самых разных талантов.

Кеннет мысленно улыбнулся. Это ему тоже кое-что напоминало.

Но сейчас, глядя на дюжину укутанных в меховые одежды фигур, он видел проблему. Любой – исключая, естественно, ее светлость Онелию – мог выполнять всякую из этих функций. Вон тот высокий плечистый мужчина с лицом, исчерканным старыми шрамами, – это чародей или хладнокровный убийца? Или вон те двое, что выглядят как близнецы-недоросли, что неподвижно стоят за своим командиром. Кто они? Чего от них можно ожидать? А эта коротко стриженная блондинка с губами, сложенными в хмурую гримасу? Женщина в дружине Норы. Пользуется магией или арбалетом?

Крысы еще не вооружились – а это могло бы облегчить ему распознавание, кто есть кто. Абсолютно как если бы их командир считал, что все это дело их не касается.

Приходилось растолковывать им их ошибку.

– Где ваш маг?

– У нас нет мага.

Ответ хес-Бренд дал так быстро, что Кеннет лишь улыбнулся.

– Давай договоримся, Крыса третьего класса. У меня пятьдесят человек, а у тебя – одиннадцать и... дама, о которой ты должен заботиться. Я знаю местность, я связал себя Узлом Крови с ахерским шаманом, и есть малая надежда, что у нас получится уйти отсюда живыми. А потому командую тут – я. Нет! – рявкнул столь резко, что Олаг почти со стуком закрыл рот. – Это не игра в демонстрацию того, у кого яйца крепче. Или я буду знать, чего можно ожидать от вашей дружины, или я вообще о вас забуду. И тогда мы не стоим лагерем вместе, не держим общих стражей и не сражаемся плечом к плечу. Вы справляетесь со всем в одиночку. До самого возвращения за Большой хребет.

– Ты полагаешь, что мы не справимся?

– Если у вас нет мага – то нет. Борехед не единственный шаман в этом лагере.

Блондинка подняла руку, сделала медленный жест рукой, а Кеннет почувствовал вкус желчи на языке, и на миг все вокруг сделалось затуманенным, будто он смотрел на мир сквозь кусочек закопченного стекла. Он моргнул.

– Я – маг. Моиива Самрех. Мой аспект – Жгучая Игла. Новый. Слабо исследованный.

– Что ты умеешь?

Она заколебалась, поглядывая на своего командира. Тот неохотно кивнул.

– Могу почувствовать, не наблюдает ли кто за нами и какие у него намерения. И с каким он оружием, то есть... для ближнего или дальнего боя. Еще умею распознавать, не врет ли кто сознательно. – Она бледно улыбнулась. – Неплохо стреляю из арбалета и хорошо управляюсь с мечом.

Лейтенант взглянул на нее внимательней. Это она при встрече на перевале почувствовала, что часть роты ждет в засаде. А ее аспект, новый и мало исследованный, и правда не слишком-то мог пригодиться где-то, кроме как в армии или разведке. Порой судьба к одаренным Талантом была исключительно злобной сукой.

– За нами сейчас кто-нибудь наблюдает?

Она покачала головой.

– Никто, кто обращал бы на нас какое-то особенное внимание. Кроме того, аспекты в этом месте... Я едва ощущаю собственный.

Кеннет взглянул на Олага-хес-Бренда. У Крысы лицо было равнодушным, словно его кто заморозил. Если он такой плохой актер, то не удивительно, что Нора приставила его к боевой дружине. С настоящей шпионской работой он бы наверняка не справился.

– Кто еще? Ты ведь не станешь утверждать, что тебя послали со столь важной миссией в сопровождении мага, – он даже не старался, чтобы это не прозвучало саркастически, – который в силах лишь раскрыть засаду и узнать, не врет ли кто. То есть который умеет ровно то же, что и вышколенный разведчик и любая теща.

Блондинка спрятала лицо под капюшоном и тихонько заворчала. Кеннет только улыбнулся. В нем росла мрачная, упорная злость, и ему было совершенно по хрен, ранит ли он что-то нежные чувства.

Крыса третьего класса смотрел на него хмуро, с вызовом, а лейтенант вдруг понял, что они уперлись в стену. На этот раз шпион не сломается, и офицер в миг просветления понял, отчего так. Неаспектированная магия. Колдун, которого Нора должна была сдать храмовым инквизиторам или запереть где-нибудь в башне на остаток его жизни, чтобы тот был среди каменных стен. Но Крысы порой воспринимали Великий Кодекс собранием условных советов, которые можно интерпретировать как захочешь. И, похоже, они скорее дождутся тут весны, чем чернобородый шпион выдаст нечто подобное офицеру Стражи.

В принципе, пока что не было и необходимости дожимать.

И тогда началось.

Чародейка охнула, заворчала громче, потом вдруг подошла к лейтенанту и ухватила его за плечо. Даже через кольчугу и стеганую куртку тот почувствовал эту хватку. Словно кто-то сжал его руку в тисках.

– Смо-о-о-о-о... – начала она, будто что-то перехватывало ей горло. – Смо-о-о-о-отрит...

Глаза ее были большими, полубезумными, зрачки превратились в черные точки, что на лице, от которого отлила вся кровь, придавало ей вид исключительно жуткой ледяной статуи. А еще она вся тряслась.

Из носа ее потекла кровь. А потом – из уголков глаз. Словно бы что-то выжимало ее изнутри.

Кеннет подхватил девушку, прежде чем она упала, Олаг и мощный верзила в шрамах помогли, они вместе положили мага на ближайшие сани.

– Что это значит? Крыса, что она имела в виду?! Что...

Кеннета прервал окрик из-за спины. Борехед бежал в их сторону, словно кто-то натравил на него дюжину псов Стражи.

И в этот миг раздался оглушительный шум. Врезался в уши и резонировал в костях. Словно какое-то гигантское чудовище размером с гору заскрежетало зубами – а они как раз стояли на его языке.

Земля задвигалась.

Нет. Не земля.

Кеннет заорал:

– К саням! Все к саням! Валим отсюда!!!

Лед начал трескаться.

Глава 8

– Оставим это, – сказал император с тяжелым вздохом. Гентреллу вздох крайне не понравился. Звучала в нем нотка разочарования, а если некто вроде Крегана-бер-Арленса чувствует себя разочарованным теми, кому он доверял, то утратившие доверие вскоре теряют и все остальное.

Вместе с собственной жизнью.

Исчезновение кого-то из Совета Первых, убийство великого мастера ремесленного цеха или купеческой гильдии – не говоря уже о членах магических братств или о важных жрецах – вызвали бы немалое замешательство. Люди с узнаваемыми лицами, с лицами, переносимыми на полотна известными мастерами, высекаемыми из мрамора и отливаемыми в бронзе, были в безопасности благодаря самой своей известности. Порой их ненавидели, часто им приходилось дышать воздухом, пропитанным завистью, фальшью и обманом, но они всегда были соединены с важными персонами сетью взаимных интересов, услуг и контактов. Их не удавалось убрать без того, чтобы не вызвать замешательство и ответные действия. Кан-Овер видел такое много раз: порой, чувствуя общую угрозу, объединялись даже ненавидящие друг друга силы.

Во время войны было проще. На фоне ужаса, который вызывали приносимые с востока вести о жестокости кочевой орды, власть императора – а тем самым и власть его доверенных людей – оставалась вне любых сомнений. Даже самые сильные из Совета Первых, такие как князь вер-Ахасир, знали, что довольно будет императору указать на них пальцами и крикнуть «предатели!», чтобы разъяренная толпа сделала свое. Потому они молчали и поддерживали любой императорский эдикт. Но теперь многое изменилось, и Норе приходилось действовать куда тоньше, чем ранее.

Однако это не касалось их самих. Они, люди без лица, такой охраны не имели. Сам Гентрелл был известен большинству соседей как не слишком богатый, хотя и неплохо справляющийся дворянин из западного Босханда, неженатый и бездетный, что порой становилось причиной забавных посещений его местными свахами. У него не было родственников, мать его умерла до войны, за отцом присматривала за немалую плату одна из дальних родственниц. Если бы сейчас, в этот момент, в комнату зашли несколько человек и уволокли его в казематы – а то и на виселицу, – никто из соседей или немногочисленных его знакомых не поднял бы тревоги. Благородный Гентрелл-кан-Овар отправился в столицу провинции по делам, но, увы, в одном из трактиров подавился костью и умер. Имущество примут верители и дальние родственники.

Обе разведки были сильны, но их короны украшали хрупкие драгоценности.

Он поискал взглядом Первого. Люво вынул свои шлифованные стеклышки и присматривался к ним с таким вниманием, словно держал их в руке впервые. Почувствовал ли и он эту угрозу? Собственную смертность?

– Оставим это, – повторил император. – Малышка Кей'ла только одна из костей, что катятся по столу. Крысы и эта рота Горной Стражи должны ее найти и доставить в столицу. Живой. Я не приму поражения в этом деле, не проглочу объяснений, что ее якобы не удалось отыскать или что она заболела и умерла по дороге. Если утверждаете, что она жива, я хочу увидеть ее живой и здоровой. Если уж вы самостоятельно принимаете решения в таких важных делах, то примите на свои плечи и груз неудачи. Я говорю тебе, Люво. Это твоя личная ответственность. Понимаешь?

– Да, ваше величество.

Шпион кивнул, выпрямился и почти отдал честь. Стеклышки куда-то исчезли из его руки, а лицо утратило рассеянный, рассредоточенный вид. Гентрелл знал, что, едва лишь он покинет эту комнату, вся сила Крысиной Норы, собранная на севере, будет направлена на тот

перевал и на тех солдат. Если понадобится, Первый вышлет за ними во Мрак не одну, но пятьдесят боевых дружин и всех магов, какие у него есть. А может, даже несколько армейских полков.

Личная ответственность. Эти слова резали жизнь шпиона напополам. С одной стороны – награда и почести, с другой – холодная яма. Никаких полутонов и нюансов.

Креган-бер-Арленс отвернулся к южному концу барельефа.

– Теперь юг. Дальний Юг. Нора отослала туда Ласкольника без консультаций со мной. Это плохо, но так уж случилось. На всякий случай приготовьте ему пути к отступлению. Сколько магов нужно, чтобы перебросить его через пустыню? Так быстро, как только получится.

Вопрос завис в воздухе, потому что никто не знал, к кому он обращен. Губы императора изогнулись в легкой улыбке.

– Мы договорились, что на такие вопросы станет отвечать Третий. У него репутация Крысы со счетными камешками в голове. Говори.

Гентрелл уже подсчитывал.

– Между южной границей Империи и Магархами, которые отделяют Белый Коноверин от пустыни, примерно тысяча триста миль. Увы, нет точных карт тех земель. Лучшие чародеи умеют открыть портал для одного человека на расстояние примерно в сотню миль. Безопасный портал, ясное дело. Но оазисы и источники не расположены в пустыне на прямой линии, а расстояния между ними не одинаковы. Две дюжины магов, если нужно перебросить генерала за один день. Трасса должна дублироваться в самых опасных местах.

– Понимаю. – Улыбка императора исчезла. – И сколько людей всего будет необходимо вовлечь?

– Охрана для каждого мага – это минимум боевая дружина. В некоторых местах – даже две или три. Мы можем частично использовать уже существующую сеть шпионов, которые находятся в оазисах, но все равно... Вместе – примерно четыреста человек. Тридцать дружин.

– Ох. Может, в таком случае ты сумеешь дать нам и приблизительные расходы на это предприятие? Сколько?

Тон. Великая Мать, каким же тоном был задан этот вопрос. Гентрелл прикрыл глаза. Считал. Две дюжины магов, пользующихся популярными, востребованными аспектами. Два Цветка, Щель-в-Стене, Пустая Бочка, Струна и несколько других. Каждый возьмет как минимум двести оргов за месяц только за то, что ему прикажут некоторое время провести в пустыне... и это довольно дешево, даже учитывая, что у Норы были средства сбить цену. Почти пять тысяч. Тридцать боевых дружин, каждой тоже некоторая сумма на содержание. По двести на дружину, вместе с магами – это уже одиннадцать тысяч. Наем места в оазисах, подкуп хорошего отношения местных вождей...

Император кашлянул. Тихонько, но со значением.

– Итак?

– Четырнадцать... нет, даже пятнадцать тысяч оргов, ваше величество. Плюс непредвиденные расходы вроде взяток местным вождям, наемники, питание...

– В год?

– Нет. В месяц.

Гентрелл не открывал глаз. Тишина в комнате была словно зыбучие пески.

– Если продлим путешествие до трех дней, то сумеем отказаться от удержания магов в опасных местностях и средства уменьшатся до восьми тысяч, – добавил он быстро.

Тихое фырканье разбило тишину. Третья Крыса заморгал. Император остановился у южного края карты, но не казался разгневанным. Казался... позабавленным?

– Остановимся на пятнадцати тысячах. Подготовьте эту дорогу. Если ситуация заставит меня вызвать Ласкольника, то, когда я сделаю это перед завтраком, хочу, чтобы Генно смог со мной поужинать. Пятнадцать тысяч... За такие деньги выставить хоругвь копейщиков. Или две

– панцирных. За год соберется на два кавалерийских полка. Чудесно. А я удивляюсь, отчего золото вытекает из казны быстрее, чем мы его туда приносим. Эвсевения?

– Ваше величество?

– Я читал рапорты с Дальнего Юга. Восстание вспыхнуло, сотни тысяч рабов – главным образом происходящих из Империи – взялись за оружие. Знаю. Мы уже говорили об этом. Но чего не было в рапортах? Сразу предупреждаю, что если ты скажешь, что там было все, что нужно знать император, твоего заместителя ожидает немало сложных дней и ночей. А тебя – очень долгий отдых за мой счет. Ну так что?

Сука смотрела на бер-Арленса три-четыре удара сердца. Отважная женщина.

– Мы не знаем, отчего Деана д'Кллеан сделалась Пламенем Агара. Известно, как это случилось, рапорты не оставляют никаких сомнений: она вошла в Око, убила претендующего на трон Обрара из Камбехии, а после была вознесена на трон охваченной истерикой толпой и фанатиками из Родов Войны. Но отчего она выжила? Уже сотни лет никто, в ком не было достаточно много крови *авендери* Агара, не выходил из Ока живым.

Император слегка наклонил голову и прищурился.

– И что же, по-твоему, такое Око Агара? – спросил.

– Хм... жрецы Владыки Огня утверждают, что это место, где его доминион соприкасается с нашим миром. Фрагмент царства бога на земле. Но, возможно, это просто сверхмощный Источник Силы, аспектированной огнем.

– Это не объясняло бы феномена... выживания тех, кто несет в себе кровь *авендери* Агара, ведь так?

– Да, ваше величество.

– Знаю, моя дорогая, тебя раздражает мысль о Бессмертных, которые вмешиваются в наши дела, и что ты охотно бы замуровала ворота в их царства и ограничила бы контакты исключительно молитвами в храмах. Но я бы предпочел, – в голосе императора появилось нечто вроде ласкового напоминания, – чтобы ты высказывалась куда более откровенно. Боги существуют, и, хотя вот уже столетия они сохраняют нейтралитет, они не настолько бессильны, как нам бы того хотелось. Понимаешь?

– Да, господин. – Эвсевения нахмурилась. – Но я также знаю, что жрецы часто используют естественные магические феномены...

– Знаю. Но, готовясь сегодня к нашей небольшой встрече, я проштудировал немало книг. Око Агара открылось тысячу лет назад, во время, когда культ Владыки Огня в южных царствах начал угасать. Его появление сопровождалось бунтом, ликвидацией тогдашней династии и полной сменой расстановки сил в тамошних религиях. Тогда Великая Мать была главной богиней Юга, но Агар силой отобрал у нее верховенство и отодвинул на роль второстепенной богини.

– Он имел поддержку в армиях солдат-рабов, чьим патроном он был. – Сука тоже читала исторические трактаты. – Или, скорее, его жрецы получили поддержку этой армии.

– Верно, однако это не объясняет, отчего в Оке не горят потомки его *авендери*. Сумеешь это объяснить?

Она покачала головой:

– Нет.

– Тогда давай примем, что это и правда проявление божественной силы.

– В таком случае Деана д'Кллеан не должна была выжить.

– Ты сама написала: она беременна. Это подтвержденная информация.

– Но беременность не могла ее хранить. В случае беременности у ее ребенка лишь половина княжеской крови. Мы знаем как минимум десять случаев, когда вброшенные в Око женщины в ее состоянии не выжили.

– В ее состоянии?

– Это странно, но тамошним князьям часто случалось думать неверной частью тела. – Первая среди Гончих повела по залу ироничным взглядом. – А молодым служанкам – беременеть. Обычно их отсылали из дворца, хорошо выдавая замуж, а их детей записывали в книгах Великой Библиотеки. Но случалось, когда такие служанки оказывались злонамеренны, а князья бывали очарованы до той степени, чтобы начать говорить о женитьбе. Тогда женщин подвергали испытанию Оком. Такая уж традиция. И никто не выжил. Соответственно, возникает вопрос, кто такая Деана д'Кллеан и что объединяет ее с последним князем коноверинской династии?

* * *

Мужчина тихо, тихонечко вздохнул – словно ребенок, спящий в объятиях матери, и сделался неподвижен. Только его веки, что были тоньше пергамента, веки, покрытые сетью голубоватых жилок, дрогнули. Видел ли он сны? Отравитель говорил, что – не исключено. Знал ли он, что Деана дежурит подле него? Вполне возможно. Якобы порой люди приходят в себя через месяцы, а то и годы спячки и рассказывают о своих снах и о том, что чувствовали при отсутствии близких.

Лавенерес не был полностью оторван от мира, мог съедать несколько ложек густого бульона, мог выпить несколько глотков разведенного вина, порой даже поднимал веки, чтобы повести вокруг глазами бледными, словно две маленьких луны. Деана ненавидела эти мгновения. Всякий раз она надеялась, что теперь, сейчас, именно в этот момент ее князь возвратится к ней, но он только обводил мир взглядом более слепым, чем когда-либо ранее, а потом смыкал ресницы и уплывал в одному ему известном направлении.

Сухи говорил, что слепота – одна из причин состояния Лавенереса. Что если бы князь видел, то уже после первого отверзания век его разум вернулся бы в мир живых.

С того момента Деана проклинала слепоту Лавенереса в каждой молитве.

Она окунула льняную тряпочку в миску и аккуратно обмыла лицо лежащему. Тот даже не шевельнулся. Вены бежали под бледной и тонкой кожей, словно паучья сеть. У него был жар, большую часть времени он, казалось, горел, но Сухи не позволял охлаждать его купелью или компрессами. «Князь ослаблен, и если подхватит даже насморк, то скорее всего умрет, – утверждал он. – А жар не опасен».

Деана доверяла его мнению, потому что, слезы Великой Матери, кому-то же нужно было доверять.

А кроме того, ведь правда – и эту правду знало, кроме нее и отравителя, всего несколько человек, – что именно она подала Лавенересу *цманею*, лекарство, сгущающее кровь и тормозящее сердцебиение. Она знала, что претендент на трон Коноверина, Обрар, сражается саблей, а от сабли большая часть ран – порезы. Она рассчитывала на то, что высокомерный князь Камбехии захочет похвастаться, медленно кромсая противника, а лекарство не позволяло Лавенересу истечь кровью до смерти раньше, чем она бросит вызов узурпатору. Или – сгорит, входя в Око. И это она, отмеряя дюжину капель густого темного отвара, послала своего мужчину в до сих пор продолжающийся сон.

И вот уже два месяца она ежедневно приходила сюда молиться, просить о прощении и рассчитывать на чудо.

Ее вина была бесспорной. Тридцать Первый Закон Харуды гласил, что человек, подающий гостю воду из дурного источника, виновен, если гость заболит или умрет. То есть добрые намерения несколько не оправдывают наши ошибки. Мы ведь затем и получили разум, чтобы предвидеть последствия своих решений, – гласила простейшая интерпретация этого закона, – а сердце нам досталось в дар, чтобы возлагать на него камни наших ошибок.

А на ее сердце лежала целая телега камней.

Деана встала и подошла к окну. К Белому Коноверину подкрадывались сумерки. Город окунулся в свет закатного солнца. Огненный шар окрасил багрянцем крыши, стены, башни и улицы. Даже отвратительный Дом Огня – храм приземистый, словно пригнутая годами к земле старуха, – в этом свете, казалось, румянился. Находящееся там Око Агара, закрытое бесчисленными шелковыми драпировками, все равно ощущалось отсюда пульсирующей силой. Или даже Силой. Удары сердца Владыки Огня.

Именно это она и чувствовала. С каждым днем все сильнее и сильнее. Это был один из камней, что лежал на ее сердце. Знай кто об этом и осмелся спросить, каково это, – пусть даже тех, кто осмелился бы нынче задавать ей вопросы, можно было пересчитать по пальцам одной руки, – она не сумела бы ответить. Словно внутри, там, где пылал в ней *сани*, лежал свинцовый шар, каждый раз скатывающийся в сторону Ока. Сильнее, слабее, сильнее, сильнее, слабее, слабее, слабее... Словно этот шар висел на пружине, которую чья-то рука колебала в неясном ритме.

Деана чувствовала его все время, даже когда тренировалась, спала, купалась. И она бы с этим справилась, однако это сопровождалось и другими неудобствами. Порой, когда Око становилось слишком активным, ей казалось, словно с ее чувствами что-то происходит. Ощущала странные вкусы, запахи, цвета обретали глубину – или, напротив, они бледнели до пастельных теней. И все это – в ритме, навязываемом лежащим посередине Дома Огня кругом выжженного пола.

Именно так она и ответила бы на вопрос, что с ней происходит, но это была бы слабая попытка облачить в слова нечто, чего, как она подозревала, никто, кроме нее самой, не может ощутить.

Она почти сходила от такого с ума.

И почти тосковала по тем минутам, когда Маахир возил ее вокруг Храма Огня, а истерическая толпа вопила в честь Пламени Агара. Ее рык забивал эти странные ощущения, приглушал их, хотя Око тогда было от нее на расстоянии вытянутой руки. Однако Эвикиат не согласится, чтобы парады в честь Госпожи Пламени происходили каждый день, а кроме того, ей пришлось бы открыть ему, отчего она об этом просит.

А она не была уверена, что раскроет это даже Лавенересу.

Она отвернулась и взглянула на лежащего без сознания мужчину. Ее мужчину. Как бы он отреагировал на то, что с ней происходит? В нем были мудрость и честность, редко встречаемые среди людей его происхождения. Но хватило бы этого, чтобы принять без сопротивления ее эмоции и чувства?

Она была Певницей Памяти, а потому знала, что большинство людей и животных ощущает внезапные изменения в потенциале Силы, аспектированной или нет, а сложно найти место, больше пульсирующее силой, чем Око. Она все еще помнила момент, когда перед схваткой с Обраром вошла внутрь. Она словно в один миг сгорела, став горсточкой пепла, а в следующий – ее воссоздали из этого пепла в мельчайших подробностях. Но проблема состояла в том, что на нынешние феномены не обращал внимания никто кроме нее. Она видела это множество раз: когда сила Владыки Огня безумствовала, а ей казалось, что в любой момент что-то вырвется из ее груди и полетит в сторону покрытого куполом круга, когда цвета блекли, а рот наполнялся вкусом жженного миндаля, все вокруг вели себя так, словно ничего не происходило. Люди не обращали внимания на Дом Огня, кони, проходящие по площади вокруг храма, не пугались, стаи голубей как ни в чем ни бывало сидели на полукруглой крыше, а беспризорный пес бежал по площади, занятый своими делами.

Более того – и эта мысль леденила ее, – все чаще ей казалось, что Агар говорит не столько с ней, сколько с растущим в ее лоне ребенком.

Она не хотела такого, а потому снова неслышно вознесла молитву. О Владычица, Мать всех нас, поговори со своим сыном, пусть Агар-от-Огня снимет свое прикосновение с этой

души, пусть отведет от нее взгляд. Я сделала что должно, сыграла в его игру, спасла княжество для здешней династии, отобрала жизнь Обрара, князя Камбехии, стала Пламенем Агара, который очистил Белый Коноверин от грязи и гнили, а потому прошу тебя, верни мне мою обычную жизнь. Чтобы я сумела родить и воспитать ребенка в спокойствии.

Уже заканчивая, она улыбнулась, развеселенная наивностью этой молитвы.

Обычная жизнь. Надо же. Обычная жизнь закончилась, когда совет селения приказал ей выйти замуж за последнего сына Ленганы х'Леннс. Нет. Обычная жизнь закончилась, когда ее брат вернулся в родную *афраагру*. Его возвращение покрыло тренировочную площадку пятнами крови, а он сам... ушел. А потом вернулся, спасая ей жизнь за сотни миль от родных сторон. Она видела там его глаза. Колодцы, наполненные пустотой и отчаянием. Тогда Деана совершила ошибку: едва лишь придя в сознание, она должна была бросить Белый Коноверин и отправиться на поиски той скорлупы, которой стал Йатех, чтобы вернуть ему спокойствие.

Она вздохнула. Чтобы заняться этим, время еще придет. Пока же она была беременна, а это состояние освобождало женщину иссарам от большей части обязанностей, кроме базовых, записанных в Законах. Мечь, долг, принесение покоя лишенному души могут и подождать. Кроме того, нынче она могла использовать для поисков брата всю силу Белого Коноверина, золото, шпионов, чародеев. И сделает это, когда покончит с беременностью, политикой, восстанием рабов и тем, что Лавенерес все еще лежит без сознания. Правда, если бы там, в пустыне, она сразу отправилась на поиски Йатека, эти проблемы прошли бы мимо нее... но тогда бы у нее не было этого.

Она прикоснулась к животу. Тот еще не слишком вырос – сказать честно, свободные одежды скрывали ее состояние, но она чувствовала, как изменяется ее тело. Несмотря на тренировки, она прибавила несколько фунтов, особенно в заднице, а еще у нее выросла грудь – пока что едва-едва, но Варала, которая сделалась удивительно частой гостьей в ее комнатах, бесцеремонно ощупывала их уже несколько раз и утверждала, что у Деаны будет порядком молока и что это хорошо для ребенка. В такие моменты она чувствовала себя кобылой и искренне жалела, что при первой встрече с этой женщиной не использовала саблю.

Но – лишь на миг.

И никогда не всерьез, потому что Варала на самом-то деле не проявляла ни покровительства, ни высокомерия, а просто таким вот довольно бесцеремонным образом была заботлива и внимательна. Беременность изменяла не только тело Деаны. Ее мысли перепрыгивали с темы на тему, у нее возникали проблемы с концентрацией на обычных делах, на молитве, тренировках, медитации. Безо всякой причины она впадала в злость или в печаль. Когда бы не годы, посвященные тренировкам: обучению памяти, чтобы содержать в ней историю племени, и вышколу тела, чтобы суметь охранить этот дар Матери от превратностей судьбы, – она могла бы сойти с ума.

Благословенное состояние.

Наверняка это определение выдумал какой-то мужчина.

Когда Деана, не подумав, рассказала о своих эмоциях Варале, та только улыбнулась уголком рта и заявила, что это только начало четвертого месяца, а самое интересное у Деаны еще впереди, поскольку первый триместр обычно вспоминается с ностальгией. А потом спросила мимоходом, не отдаст ли Пламя Агара, владычица Белого Коноверина свои *тальхеры* на сохранение. Прежде чем кого-нибудь ими зарежет.

Но это даже не обсуждалось.

Сухи объяснил ей все довольно внятно. В Коноверине беременных женщин окружало нечто между любовью и повсеместным стыдом. Всяческие «женские» дела, месячные, беременность, роды не имели права демонстрироваться в публичном пространстве. В некоторых районах Дальнего Юга, особенно в провинции, существовали правила, что когда живот становится настолько велик, что его уже нельзя спрятать под одеждой, женщина исчезает из жизни,

не выходит из дому, не принимает гостей; иногда даже у беременной отбирали имя, обращаясь к ней *эувагария*, что означало «сосуд Агара». Впрочем, зачем далеко ходить: в самом княжеском роду женщин использовали как стельных самок. Они прибывали во дворец с закрытыми лицами, чтобы князя «благословили» их своим семенем, а потом, если рожали дочку, возвращались с ней в семью, а если имели несчастье родить сына, то ребенка у них отбирали, а их самих отсылали домой.

Варварские обычаи варварской страны.

Но она не могла идти дорогой обычной женщины. Деана была Пламенем Агара, а потому ей приходилось пробираться узкой тропой между обычаем и собственным, странным и, сказать честно, неустойчивым путем.

Неустойчивым, словно танец на клинке кинжала. Ей приходилось искать себя в болоте местных традиций – и одновременно она все еще должна была подчеркивать свой статус непокорной «горной львицы». А оружие – даже если придется расширять пояса *тальхеров*, чтобы те могли обнять ее растущий живот, – оказалось одним из элементов, которые должны были выделить ее среди остальных беременных.

Деана улыбнулась без тени радости. На самом деле она еще никому не выпустила кишки, но это легко могло измениться, если кому-то придет в голову, что сразу после рождения ребенка она должна будет отдать того и исчезнуть, как и прочие матери. Потому-то, даже если она будет благословенна девочкой, наверняка найдутся те, кто посчитает, что она не может ту оставить. Нет, если речь о таком ребенке.

Сумеет ли она тогда воспротивиться тысячелетней традиции, поддержанной политическими махинациями? И интересами государства? Какими бы там те ни были?

У нее защипало глаза, кровь ударила в голову, а улыбка перешла в кислую гримасу. Она снова позволила мыслям уплыть, дрейфуя вслед за ними, – и в один момент ее спокойствие распалось, словно песчаный замок, подмытый морской волной.

Беременность. Благословенное состояние.

Что бы ни принесло будущее, она достойно встретит его, а сейчас нет смысла уступать страху и истерике.

Она наклонила голову и проговорила короткую молитву против страха.

*Мой старейший враг – со мной,
Владычица, держи меня за руку.
Мой старейший враг надо мной,
Владычица, да не убоюсь я зла.
Мой старейший враг передо мной,
Владычица, сердце разделяю с тобою.
Мой старейший враг во мне,
Владычица, смерть нашим врагам.*

Простенький ритм детской молитвы, которой в *афрааграх* учили всех мальчиков и девочек, когда вручали им первое настоящее оружие, все еще обладал силой.

Она села на краю постели и вновь отерла Лавенересу лицо. Его веки дрогнули, а по покрытому двухдневной щетиной лицу промелькнула легкая гримаса. Завтра снова нужно будет его побрить. Деана делала это лично, потому что от мысли, что кто-то другой будет прикладывать лезвие к горлу ее мужчины, у нее скручивался желудок. Кроме того, когда он наконец проснется и спросит о коллекции царапин и порезов на шее, лучше, чтобы не пришлось объясняться кому-то из слуг.

Ей был необходим он, ее князь, даже если Варала утверждала, что Деана прекрасно справляется.

Потому что Варала из Омера – официально первая наложница, а на самом деле мать правящего Лавенереса, спутанная столь же крепко, как и Деана, сетью обычаев, традиций и законов, – в последние дни сделалась одной из наиболее доверенных ее подруг.

Это она встала во главе Дома Женщин, который после убийства Овии, предыдущей здешней начальницы, в панике оказался на грани распада. Вместе с Овией погибли и девушки, приготовленные на роль княжеских любовниц, часть наложниц, служанок и даже дворцовых евнухов. Слухи гласили, что убийцы прикончили бы всех, когда бы не она, Деана д'Кллеан, пустынная львица, которая, чувствуя на себе благословение Агара, прошла по дворцу в святом гневе, посылая в Дом Сна каждого из встреченных убийц. Деана сама неохотно возвращалась к этим минутам. Помнила только, что сражалась во дворце, умерщвляя убийц, которых позже опознали как Тростников, а потом – отправилась к Оку, из которого уже вышла как Пламень Агара.

Варала использовала эту историю, чтобы добавить в легенду, что росла вокруг ее неофициальной «невестки», еще несколько строф. В рассказах наложницы Деана победила двадцать убийц и спасла жизнь большей части служанок во дворце. Ее гнев был святым, а поступки – безгрешны, даже когда она выпускала внутренности и перерезала глотки. Огоньки свечей танцевали в ритме ударов ее сабель, а огонь в каминах и свет ламп самостоятельно разгорались, чтобы указывать избраннице Владыки Огня места, где скрывались подлые, трусливые убийцы. Чудеса и благословения шли вслед за ней.

Деана не имела ни сил, ни желания опровергать эти рассказы. Тем более что чем сильнее она пыталась, тем чаще их повторяли.

В эту минуту Дом Женщин напоминал государство в государстве, запертое на все засовы, охраняемое отрядами женщин и девиц со странной смесью наступательного и оборонительного оружия. Несколько дней назад Деана наблюдала, как служанка лет пятнадцати стирает пыль, волоча за собой что-то вроде гвизармы, вытянутой Великая Мать знает откуда. Вид был забавным и беспокоящим одновременно, потому что пробуждал мерзкие вопросы: «Когда я стала той, за кого люди готовы сражаться и умирать? Почему я должна взваливать на себя эту ответственность?»

Деана попыталась вмешаться, поскольку спотыкающаяся о древко девочка не производила впечатления кого-то, кто сумел бы защитить даже самого себя, не говоря уже о других, но Варала обрезала дискуссию коротко и решительно. «Один раз уже кастраты и дворцовая стража подвели, – ответила. – Оттого я всех их отправила отсюда. Если мы сами не позаботимся о собственной безопасности, то кто это сделает? Особенно сейчас, когда ты поставила Тростников вне закона. Помнишь? Это шпионы и убийцы, но, слава Агару, они не принимали в свои ряды женщин, а потому им будет непросто проникнуть в эти комнаты. Потому стражники останутся вовне Дома Женщин, а внутри каждый мужчина будет пришельцем. Ну, быть может, за исключением отравителя и Эвиката. Да и кроме того, – первая наложница перешла на шепот, – я сама проверила этих девиц. Они верят».

– Во что? – Деана спросила это, слегка раздосадованная очередной лекцией.

– В тебя, – услышала она. – В женщину, которая сама владеет собственной судьбой, сражается лучше любого из мужчин и которую Владыка Огня выбрал своим голосом. Верь им. Они серьезно тренируются.

У нее тогда не хватило слов, острый ответ так и не пожелал появиться, да и что бы это дало? В Доме Женщин царили свои законы, даже если эти законы и изменились в последнее время.

Деана уступила, но на следующий день провела караван-сарай за городом. Естественно, по сравнению с ее предыдущим визитом это выглядело как приезд небольшой армии. Ей пришлось взять с собой сотню одетых в желтые шелка воинов в полном вооружении, а на границе обиталища купцов встали тысяча вооруженных Буйволов и вдвое больше Соловьев. Ее визит

вызвал немалое замешательство, если не панику, но Деана не слишком переживала по этому поводу. Ну и – решила дело, по которому сюда пришла.

Вера творит чудеса, но реже, чем хорошо обученный рубака.

Глава 9

Император хмыкнул, прерывая нарастающую тишину.

– И какие же выводы вы сделали из событий на Дальнем Юге?

– Разведка – не для того, чтобы делать выводы, она только чтобы доставлять информацию, ваше величество.

Гентрелл пересмотрел свое решение. Сука была не отважной – она была безумной.

Креган-бер-Арленс повернулся к ним спиной, в сторону южной стены комнаты. Если бы размеры помещения позволяли, а Безумие Эмбрела охватывало больший кусок мира, взгляд императора теперь блуждал бы по окрестностям вырезанного из мрамора подобия Белого Коноверина и других земель, лежащих за Травахен.

– Вывод таков, что Бессмертные тоже ведут свою игру. Потому что это некая игра, моя дорогая. На севере, на Литеранской возвышенности, почти пробудилось существо, которое могло внести изрядную сумятицу в пантеон. *Ана'бог*. Силы, какой не бывало за несколько последних тысяч лет. А в нескольких других местах мира почти одновременно случились нападения на матриархистов, причем не просто движения фанатиков, но без малого религиозные войны. Мы все еще не знаем, какие силы столкнулись в Понкее-Лаа, кто против кого сражался, кто выиграл, а кто проиграл. Но полагаю, мы можем исключить Владыку Битв как зачинщика тех событий.

Сука заморгала, нахмурилась.

– Ваше величество, я не думаю...

– Если разведка не для того, чтобы делать выводы, дорогая графиня, то они и не для думанья. О чем бы то ни было. Я прав?

Впервые лицо Эвсевении Вамлесх покрылось густым румянцем. Гентрелл не послал ей торжествующей улыбки, но и не стал отводить взгляда от ее лица.

– Это не Реагвир стоял за бунтами в Понкее-Лаа, – продолжал император. – Наши Бессмертные связаны собственными прозвищами сильнее, чем мы могли бы думать. Владыка Битв – это воин, солдат. Он не проиграл бы сражения в самом сердце своего величайшего храма во втором по размерам городе континента – разве что город и храм лежали бы в руинах, понимаешь?

– В таком случае он выиграл. – Сука не отступала.

– Возможно. Но ведь бунт погас. Значит, если Реагвир вмешался, то лишь чтобы остановить религиозных фанатиков. Своих почитателей. А значит, не он ими управлял. А если Реагвир не принимал в этом участия, то другие силы пытались втянуть его Храм в конфликт с почитателями Матери. А тем самым – с Империей. Такова логика событий в Понкее-Лаа. А на Дальнем Юге это заметно еще отчетливей. Кто-то пытался превратить восстание рабов в религиозную войну, что закончилась бы резней, масштабов которой мы не видавали со времен, когда наши города пылали во время войн культов. Но – не удалось. Обрар Пламенный не сел на трон и не разжег тысячи костров для взбунтовавшихся меекханских рабов. И нет, мы бы не отправили туда армию; как верно заметил Гентрелл, у нас недостаточно сил. Но нам пришлось бы сильно ограничить торговые контакты. Мы посылаем на юг сталь, фарфор, стекло, соль, медь, цинк и наши славные вина. Получаем взамен специи, шелк, жемчуг и золото. И обкладываем податями купцов. Без торговли пострадала бы наша казна. Но камбехийский князь погиб в Оке от рук Деаны д'Кллан. И только вмешательство Агара могло спасти иссарскую дикарку от огня.

– Бог нарушил собственный закон? – Эвсевения уже стала нормального цвета.

– Есть истина писанных на заказ книг – и прочие истины. Не так ли? – Император повернулся к ним и насмешливо, без злости в глазах, улыбнулся. – Разве мы не передаем верданно

их скот, несмотря на то что как собственность бунтовщиков он должен быть конфискован? Но мы руководствуемся честью Империи, даже если нас оскорбили. Нарушаем ли мы собственные законы – это уже второй вопрос. А законы Агара? В Оке не сгорит только тот, в ком достаточно крови *авендери*. Так гласят тамошние святые книги. Но сколько это – «достаточно»? Кто знает? Только Владыка Огня. Мне кажется, истина, – улыбка владыки исчезла, – выглядит так, что Агару, как и Владыке Битв, брошен вызов. Его пытались заставить сделать нечто, чего он делать не желал, а он ответил, признайтесь, на такое довольно странным образом. Сделал своим Пламенем иссарку. Последовательницу Великой Матери. Не будь это настолько пугающим – было бы даже забавным.

Император уселся на стуле, вытянул ноги, вздохнул.

– Итак, имеем двух сильных богов, которых некто пытался втянуть в конфликт с Баэльта'Матран. То есть, на самом деле, кто-то пытался втянуть Меекхан в сражение с Реагвиром и Агаром. И это в тот момент, когда Восток выглядит как разваленный дом и неизвестно, выстроим ли мы из этих руин нечто постоянное, или все там запылает. К счастью для нас, оба Бессмертных оказались... рассудительными. Гентрелл, сколько, собственно, храмов Владыки Огня в Империи?

Этот вопрос застиг его врасплох. Пришлось несколько напрячь память.

– Около трехсот, господин.

– Так много?

– Это, по сути, не слишком-то и много, ваше величество. У нас более десяти тысяч храмов Матери и вдвое больше пристанищ прочих богов. Не считая монастырей, орденов и прочих мест культа. А самый большой Храм Огня размером с крупную конюшню. Он не слишком популярный бог в наших землях.

– А его жрецы лояльны?

– Чем меньше религия, тем меньше с ней проблем, господин. Мы считаем Агара одним из Великой Семьи, его жрецы официально признают первенство Баэльта'Матран.

– Хорошо. Свяжись с их иерархом и передай ему от моего имени сумму в размере трех... нет, двух тысяч оргов. И восемь тысяч для Храма Реагвира.

– Какова будет причина взноса, ваше величество?

Креган-бер-Арленс улыбнулся, а Третья Крыса понял, что ему совершенно не понравится то, что он сейчас услышит.

– Для Реагвира – без пояснений. Просто моя симпатия. Но жрецы Агара пусть возносят молитвы о мире на Дальнем Юге. Пусть молятся о конце пролития крови и о свободе для тех, кто ее жаждет. Если Владыка Огня сел за стол, мы не станем скрывать от него наших мотивов. Он кажется рассудительным. А теперь, – улыбка императора сделалась шире, когда его взгляд остановился на Суке, – я хочу знать во всех подробностях, в какое дерьмо влез мой лучший генерал. Я поставлю сто тысяч оргов, что Крысы приказали ему сидеть во дворце в Белом Коноверине, и вдвое больше – на то, что едва он сошел с корабля, то принялся прикидывать, как бы тут поразвлечься. А я не поверю, что Гончие не знают, что он придумал.

* * *

За ними следили. Они знали об этом от самого Помве, поскольку, едва покинув поле битвы и въехав в редкий лесок, наткнулись на недавно оставленный лагерь. Несколько шалашей из разлапистых листьев, дыра в земле, где горел огонь, и остатки обгрызенных костей. Местные проводники взглянули на следы и заявили, что это точно не туземцы. Охотники из Коноверина или Камбехии не строят таких шалашей и не разводят огонь подобным способом. Это фокусы, перенятые у невольников с севера, с пограничья Великих степей. Кроме того, – тут старший

из мужчин скривил темное лицо в мрачной гримасе, – нынче охотники не заходят в эти места. Слишком легко самим сделаться добычей.

Они остановились в этом месте на привал, дали отдохнуть лошадям, снова развели огонь. Лея исчезла в ближайшем шалаше, воспользовавшись первым попавшимся поводом, чтобы через четверть часа выйти оттуда с руками, измазанными в здешней жирной и черной земле. Кивнула Ласкольнику и прошептала: «десять человек, двести ярдов отсюда», а потом отмахнула рукой.

Кайлеан потянулась внутрь себя и вызвала Бердефа.

Тот появился на краю полянки, махнул хвостом – и тут же исчез. Через несколько секунд пес передал ей картинку: семеро мужчин и три женщины, все в хлопковых накидках, вооруженные короткими копьями, дротиками и ножами. Ничего странного, что они предпочли отступить; в сравнении с их отрядом они выглядели как банда оборванцев.

Теперь они вполголоса совещались. Бердеф стоял слишком далеко, чтобы передать слова, но ей немного требовалось, чтобы распознать, с кем они имеют дело. Половина вооруженных была со светлыми волосами, а на шеях все еще виднелись полосы незагоревшей кожи. Они наткнулись на разведку повстанческой армии.

Как и планировали.

Она разорвала контакт с духом пса.

– Это наши.

Лея подтвердила ее слова небрежным жестом.

– Знаю. Говорят на меекхе. Заметили нас, едва мы миновали Помве. Наблюдали. Не знают, наемники мы ли бандиты. Их сбивают с толку Кайлеан и Кошкодур.

– Почему?

– У вас слишком светлые волосы. Редкость здесь. Потому полагают, что мы охрана, нанятая ими, – указала на проводников. – Потому что они выглядят и одеваются как местные.

Ласкольник небрежно оперся о ствол дерева, поправил пояс с саблей.

– Ты уже узнала, отчего они тут сидели?

– Об этом они не говорили. Но один вспоминал, что они тут уже десять дней, а значит, навряд ли они ждали именно нас. Полагаю, просто присматривают за Помве.

– Нападут на нас?

Бердеф показал ей картинку. Двое мужчин и две женщины покинули группку, исчезая между деревьями. Каждый пошел в свою сторону.

– Не сейчас, кха-дар. Только когда стянут подкрепления. – Она описала, что увидел дух пса.

Ласкольник только улыбнулся.

– Кахель-сав-Кирху окружил Помве разведчиками. Они должны присматривать за дорогами, перехватывать гонцов, информировать о караванах. Я готов поклясться, что уже с месяца ни один не добирался до города. – Он вздохнул, скривил губы. – Проклятие. Я не хочу рисковать боем с людьми, которых я ищу. Мы сумеем подкрасться так, чтобы их не испугнуть?

Лея задумалась.

– Нет, кха-дар. Это лес, густой и мерзкий. Верхом не подъедем, а пехом я бы не хотела идти к ним: наверняка они разбираются в лесном бою лучше нашего. Придется решать все по-другому.

Они и попытались, причем чуть ли не в последний миг: десятью милями дальше, когда Йанне подал знак, что вокруг уже собралось примерно тридцать вооруженных, а впереди – ждет еще двадцать.

Кайлеан чихнула, а Торин застриг ушами и фыркнул. Она похлопала его по шее, отогнав несколько надоедливых мух. Это было хорошее место. Они как раз миновали большую поляну, где кони тонули в травах почти по холку, и встали перед густыми лианами, заградив-

шими дальнейший путь. Глазами Бердефа она видела, как идущая за ними тридцатка разделилась. Часть двинулась вдоль леса, окружавшего поляну, но несколько следящих пригнулись и, укрывшись в траве, отправились за чаарданом.

Она чихнула снова и вытерла нос рукавом. По этому знаку Нияр придвинулся, занимая место слева от нее, а Йанне вынул топор и привстал в стременах. Принялся размахистыми движениями рубить загораживавшие дорогу лианы. Кайлеан потянулась за саблей, словно намеревалась к нему присоединиться.

Ласкольник протяжно свистнул.

Они осадил лошадей так, что животные присели на задние ноги, развернулись почти на месте и погнали назад. Десять коней в несколько ударов сердца перешли в галоп, разводя широкой грудью высокие травы.

Неслись вперед.

Йанне вдруг замедлился, выпустил топор, тяжелое оружие повисло в петле на запястье, а сам он перегнулся в седле и подхватил с земли невысокую фигурку. Кошкодур пытался сделать то же самое, промахнулся и едва не свалился с коня. Кайлеан даже сквозь шум ветра в ушах слышала, как он ругается. Сама в последний миг дернула повод влево, потому что Торин как раз пытался стоптать кого-то перед собой.

А они уже приближались к другому концу поляны.

Свист осадил их на месте. Они развернули лошадей: настороженно, со щитами, поднятыми вверх, с оружием в руках.

Кошкодур продолжал ругаться, двигая плечом вверх-вниз.

– Тихо, Сарден. – Ласкольник мерил взглядом края поляны, на которых как раз зароились люди. – Притворяйся, что ты невредим.

Они шли на них лавой, уже не скрываясь: та тридцатка, что за ними следила, и остальные двадцать вооруженных людей, на которых они должны были наткнуться. Эти были хорошо подготовлены к схватке с конницей, нося стальные шлемы и кольчуги. В руках держали длинные копья и нечто, что выглядело как самодельные гвизармы и насаженные вдоль древка косы с дополнительными крюками. И были они постарше остальных, седоватые, в шрамах. Шли ровным шагом, не спеша, не выказывая ни сомнения, ни страха.

Меекханская пехота. Ветераны.

– Как твоя добыча, Йанне?

– Дергается, кха-дар. – Птичник приподнял пленника, развернул лицом к себе, тихонько фыркнул. – Но приходилось мне подхватывать вещи и похуже.

– Разве что когда ты всаживал свой стручок туда, куда не нужно. – Дагена брякнула пальцем по тетиве. – Чего они ждут? И почему молчат, чтоб их?!

– Видят, что мы не бежим, хотя – могли бы. А потому хотят поговорить. – Ласкольник мерил взглядом приближающихся пехотинцев. – Посмотрим, что они скажут.

Кайлеан использовала момент, чтобы взглянуть на пленника, и причмокнула удивленно. Йанне поймал девушку. На глаз – лет четырнадцати-пятнадцати. Мелкая, гибкая, черноволосая и черноглазая, она напоминала Лею, только худую, словно щепка, с волосами, остриженными почти под корень. Но разорванная на груди рубаха открывала все. Девушка.

Ну, или очень странный парень. Никогда не понять, как оно бывает тут, на Дальнем Юге.

– Не тараштесь на нее, – рывкнула она, поправляя саблю и повыше поднимая щит. – Мальчикам покажи сиськи – и можно вас резать, как пьяных поросят.

Никто не успел ей ответить, потому что тяжеловооруженный пехотинец приблизился шагов на десять, и тогда Ласкольник поднял ладонь и рывкнул:

– Стоять!

Они остановились, упираясь древками копий, гвизарм и кос. Не казались ни напуганными, ни нервничающими. Легковооруженные стояли чуть позади, держа оружие наготове. Некоторое время оба отряда мерялись взглядами.

– Далековато вы от дома, чую, – отозвался пехотинец, стоящий посредине строя. – Далековато, и, чую, не факт, что сумеете домой вернуться. Но, чую, вернуться бы вы хотели.

Мужчина цедил слова неспешно, почти флегматично. Седая борода и покрытое морщинами лицо придавали ему вид семидесятилетнего деда, но, скорее всего, он не был настолько стар. Судя по рукам и мускулистым предплечьям, не старше Кошкодур или Ласкольника.

– Вы обошли Помве, – продолжал он, перескакивая взглядом с одного всадника на другого. Если его удивило присутствие женщин в отряде, то никак этого не выдал. – Это хорошо, чую. Мы не любим никого, у кого есть какие-то дела в том городе. Мы с ним еще не закончили.

Он воткнул свое копьё в землю и сделал три шага вперед.

– Местным купцам сейчас непросто нанять местных охранников, чую. А потому они наверняка искали наивных по караван-сараям. Людей с севера, чую. Меекханцев. Думают, что это их обережет. Но ошибаются, чую. – Он указал рукой на девушку, которую держал Йанне. – У вас есть кое-кто, кто принадлежит нам. Отдайте ее.

Кайлеан не ожидала услышать смех. Громкий, искренний, теплый. А потом Генно Ласкольник выехал вперед, снял шлем, выпрямился и процедил:

– Так иди и возьми ее, Люка-вер-Клитус.

На миг все стихло, а потом кто-то из группы легковооруженных двинулся вперед, но одновременно седой пехотинец рывкнул:

– Стоять!!! Ни с места!!!

Все замерли. Паршивая жопа старой козы, ну и голосище! Он будто рычал в медную трубу.

Мужчина тоже стянул шлем и двинулся в сторону кха-дара, и с каждым шагом лицо его молодело.

– Генерал? Генерал Ласкольник? Но почему? Что?..

Ему не хватило слов, а потому он только махнул рукой. Ласкольник засмеялся, соскочил на землю, и они крепко обнялись.

– Ну, – Кошкодур сунул саблю в ножны и забросил щит за спину, – пожалуй, самая сложная часть – позади.

– Лишь бы ты сейчас не оказался прав. – Лук Дагены пошел в сагайдак, а она сама потянулась так, что в суставах его хрупнуло. – Йанне, Кайлеан уже говорила, чтобы ты перестал тарашиться на сиськи этой малышки.

– Меня зовут Колесо. – Девушка взглянула на нее, явно разозленная. – И я не малышка.

– Колесо? – Брови Даг поползли вверх. – Такое круглое, от повозки? Девушка, до круглости тебе не хватает фунтов пятидесяти. Пока что ты – едва-едва ось. Отпусти ее, Йанне, пусть присоединяется к своим.

Птичник поставил девушку на землю и легко подтолкнул в сторону пеших.

– Ступай. – Он глянул на остальных чаардан. – И что теперь?

– Ждем. – Кошкодур напомнил им, что он – заместитель Ласкольника. – Оружие – под руку, коней держать накоротке. Радостное приветствие или нет, пока что – следим. А потом посмотрим.

* * *

– Да. Это похоже на него. Собственно, ничего другого я от него и не ожидал.

Было сложно понять, говорит ли император это с удовлетворением или с удивлением. А еще сложнее было сказать, как эти вести повлияют на судьбы собравшихся в комнате. За

последний час он уже успел напомнить, что они – простые смертные, зависимые от его воли. Что он – господин их судьбы. Теперь же они знали, что есть и тот, над кем император властвует не до конца.

Генно Ласкольник.

– Как он сказал – поехал осмотреться. – Несмотря на вес сообщаемых новостей, Эвсевения была удивительно спокойна. – А наш резидент в Коноверине, Палец, не имел ни власти, ни средств, чтобы ему в этом помешать. И только-то. Мог лишь направить его в место, где существовал шанс, что генерал повстречается с нужными людьми.

– Нужными? – Креган-бер-Арленс уселся поудобней. – И что это значит?

– Армия рабов собирается на Большой Халесийской возвышенности, – продолжала графиня Вамлесх. – А точнее, на пограничной территории между Коноверином и Вахези. Группы беглецов направляются в ту сторону, а это, полагаю, свидетельствует, что восстание хорошо спланировано и, что важнее, продолжает развиваться так, как хотели его вожди. Часть повстанческих отрядов, от нескольких десятков людей до сотни, действуют вдали от возвышенности: грабят караваны, перерезают торговые пути, раздувают бунты там, где те пока не разгорелись, атакуют удаленные плантации, хозяйства и рудники, заманивают в засады небольшие отряды армии. Так гласят рапорты, которые присылают нам агенты из всех княжеств Дальнего Юга. Мы предпочли бы, чтобы генерал не наткнулся на такие отряды, тем более что некоторые из них полностью состоят из рабов других наций. А потому Палец сперва отослал его в Тос – туда, где проще всего встретить наших. Меекханцев.

Император прикрыл глаза, закусил губу. Молчание затягивалось.

– В этом весь Генно. Весь он. Я уже начинаю жалеть, что позволил ему развлекаться в игры Крыс. Если уж он заскучал, следовало дать старому жеребчику дюжину молодых кобылок и, возможно, время от времени позволять ввязываться в поединки. С подобранным противником, естественно. Но именно я дал дурацкое согласие, потому вина – частично на мне. А знаете, что могло бы стать факелом, что подожжет Великие степи? Весть о том, что Империя потеряла Генно Ласкольника. Что Серый Волк уже не поведет наши полки против Молний Отца Войны. Потому, собственно, мы будем отдавать... Сколько там было, Третий? Пятнадцать тысяч ежемесячно, чтобы иметь возможность как можно быстрее доставить его домой. И мне кажется, что я потеряю на этом каждый орг, который полагал получить от торговли скотиной.

Сука выпрямилась немного и вздернула подбородок повыше. По ее лицу промелькнула едва скрытая неприязнь.

– Ваше величество слишком суров к себе. Это ведь Ласкольник, невежливый, упрямый и несговорчивый варвар. Он всегда делал что хотел.

– И наверняка именно поэтому выиграл для нас последнюю большую войну. – Люво улыбнулся, словно извиняясь, в стиле: «позвольте вмешаться, хотя я и знаю, что не должен». – Генно Ласкольник, господин, взял на вылазку лучших своих людей. Тех самых, с которыми гулял по Великим степям. Если вы позволяли ему глубокие рейды к востоку от Амерты с несколькими десятками всадников, то...

– Под Амертой всегда стоял панцирный полк.

– А в караван-сарай под Коноверином ждет более пятисот наших солдат, господин, – обронила Сука. – Хорошо обученных и вооруженных.

Император вдруг засмеялся, удивив всю их троицу.

– Подумать только, Крыса и Гончая говорят в один голос. Я и не думал, что когда-либо этого дождусь. Дальше, графиня. Имеет ли это восстание шанс на успех?

Она заколебалась.

– Я...

– Никаких домыслов или спекуляций, Эвсевения, – коротко обрезал Креган-бер-Арленс. – Только факты.

Женщина замолчала, а когда заговорила снова, голос ее звучал так, будто каждое слово из нее тянули четверной конной упряжкой. Гентрелл обменялся быстрым взглядом с Первой Крысой. Это должно было оказаться больно для нее. Стоять во главе сильнейшей шпионской организации Империи, у которой золота больше, чем в казне многих княжеств поменьше, и признаваться в своем неведении...

– Увы, господин, я не знаю. Этого не удастся сказать точно с той информацией, которая у нас есть. Коноверин все еще не пришел в себя после событий в Оке, Деана д'Кллан поддерживается Родом Соловья и двумя третями Рода Буйвола, но она лично приказала арестовать либо казнить значительную часть командования Буйволов и всех командиров Тростников. *Аф'гемид* – то есть командир Рода Тростника – исчез, а сами Тростники были вырезаны, когда, как рассказывают на Юге, объявилась Пламя Агара. Армия княжества насчитывает сейчас меньше половины от тех сил, которыми оно располагало в начале событий. Большая часть из них стоит в столице. Те отряды, что не послушались приказа о концентрации в Белом Коноверине, были уничтожены или отрезаны в провинции еще в первые дни бунта. Госпожа Пламени приказала обучать отряды легкой пехоты и около двухсот боевых слонов, но не сделала никаких решительных шагов против бунтовщиков. Почти без боя отдала им половину страны. Большие города затворили ворота. Плантации, хозяйства и ремесленные пригороды или опустошены, или разрушаются рабами да вооруженными бандами, которые без числа размножились в тех землях.

Креган-бер-Арленс слушал рапорт с прикрытыми веками, время от времени легонько кивая. На лице его не дрогнула и мышца, что, кажется, сильнее всего выводило женщину из равновесия, поскольку после последней фразы она замолчала, словно не понимая, что говорить дальше.

– А другие княжества? – подогнал ее ласковым движением ладони император.

Она слотнула.

– В Камбехии царит замешательство, ваше величество. Обрар был последним из линии с достаточно чистой кровью, чтобы войти в Око, а претенденты на его трон собирают войска, не слишком-то обращая внимания на восстание. Вахези – небольшое княжество со слабой армией и еще более слабым князем. Они даже не пытаются выдавить бунтовщиков со своих территорий. Только Северная Гегхия реагирует довольно резко, ее войска под командованием князя Хантара Сехравина уничтожают любой отряд рабов, схваченные же бунтовщики идут на костры. Но это только распаляет сопротивление. Южная Гегхия и Бахдара создали нечто похожее на союз. В этих княжествах никогда не было ничего похожего на большие плантации или рудники, а потому и рабов там немного. Оба они провозгласили, что бунт – это кара, посланная Агаром на «грешный» Север, а потому они не станут ей мешать. В этом хаосе почти ничего невозможно предвидеть. Таковы факты, ваше величество, – закончила она, сжав губы в узкую линию.

В этот момент Гентрелл старался даже не смотреть в ее сторону. Признание в незнании должно было оказаться для нее примерно тем же, что для девицы-жрицы – публичное признание, что та на третьем месяце беременности. Лучше бы ей не помнить, кто присутствовал при этом ее унижении.

– А армия рабов?

– Насколько я знаю, именно ради этой информации туда и отправился Генно Ласкольник. У него было намерение проверить, чего стоит их так называемая армия.

Император покивал, потом встал, развернулся к ним спиной.

– На этом мы закончим сегодня. Можете отправиться в свои покои в городе. Встретимся тут завтра – нет, послезавтра вечером, и я надеюсь, Эвсевения, что ты обогатишь к тому моменту свое знание о происходящем на Дальнем Юге. И особенно что касается информации, где находится и что делает Ласкольник. Третий скажет мне, когда они смогут доставить гене-

рала домой, а Люво тогда уже должен иметь новости о той роте Горной Стражи, о которой мы говорили, – и о ее успехах в поисках Кей'лы Калевенх. На сегодня все. Можете идти.

Глава 10

Чудовище зарычало, дернулось и ударило грудью в ледяную стену. Та разлетелась на куски. Как и сотни ледяных стен ранее. Оставался лишь вопрос, кто первый падет в этой стычке: Владычица Льда или плавающая тварь, которая их пожрала?

Или которую они оседлали, если взглянуть на последние события с другой стороны.

Кеннет-лив-Даравит тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Хватит, нет смысла терять время на всякие «что будет», если человек все равно не может повлиять на происходящее.

Чудовище налетело на них, когда они стояли на льду, раздумывая, что скрывают облака тумана, которые не могла развеять даже ярость Андай'и. Вынырнуло из молочных испарений, ломая и круша ледяную толщу почти в десяток футов так, словно это яичная скорлупа. Они сперва услышали это, а потом почувствовали, как дрогнул и начал смещаться лед под их ногами. Смещаться! Кеннет проорал приказ: «К саням!» – и все, стражники и Крысы, бросились в бегство. Но было поздно что-либо предпринимать. Даже если бы они сидели на санях с отдохнувшими и разогретыми псами, о бегстве и речи не шло бы: чудовище двигалось на них быстрее галопирующего коня.

Когда они увидели его впервые, всего-то в нескольких сотнях шагов позади, оно казалось плавающей черной горой: шириной в добрых двести ярдов и высотой в пятьдесят – по крайней мере, с одной своей стороны, поскольку второй, что была ближе к ним, оно едва ли не волочилось по льду. Лейтенант вскочил в сани. Псов не пришлось подгонять, они рванули так, что он едва не опрокинулся, и помчались, сколько было сил, на юг. Другие сани его десятки уже летели вперед.

Слишком медленно.

Лед трещал и рвался, Малаве, правивший упряжкой, орал и ругался, пытаясь объехать щели пошире. Они неслись.

Слишком медленно.

Когда офицер оглянулся во второй раз, чудовище было уже ярдах в двухстах позади. А его черная, растрескавшаяся и поросшая какими-то лианами спина ускорила.

Тогда Кеннет увидел, что делают остальные. Прочие сани роты гнали впереди, но не по прямой, а забирая влево, наискось, все ближе к твари. Потом и шесть саней справа, что везли дружину Крыс, принялись поворачивать. Что там, чтоб его перевернуло?!

Малаве тоже потянул вожжи влево.

– Вода! – крикнул он. – Вода впереди!

Кеннет уже видел, почему все сворачивают. В двухстах, может, трехстах ярдах впереди шумело море. В трещине было шагов двадцать, не перескочить саням и людям, и трещина эта все увеличивалась. Темно-серый хребет океана наконец освободился от ледяного панциря, но для Шестой роты это означало смертный приговор.

Гигантская ледяная плита, отрезанная трещиной, начала подниматься, на нее давила плавающая гора – и вдруг оказалось, что сани несутся как бы по склону. «Сейчас он сломается, – страх ухватил его за глотку, – лед расколется на сотни кусков, а мы попадаем в воду и потонем, словно блохи в этой схватке титанов».

Думай! Думай!!!

Лейтенант оглянулся. Чудовище находилось едва ли в пятидесяти ярдах позади и тоже поворачивало влево, словно желало перерезать дорогу саням стражников. «Оно нас пожрет». Стоя на спине твари и вспоминая события вчерашнего дня, Кеннет четко помнил эту свою мысль: «Лед растрескается, мы упадем в воду, а чудовище нас пожрет, словно кит стайку сельди».

Он сунул в рот свисток и скомандовал: «Ко мне! Ко мне! Отряд, ко мне!» Они подсмотрели этот метод отдачи приказов у Фургонщиков: резкие, сверлящие звуки могли пробиться даже сквозь какофонию битвы. Рота, несущаяся впереди Кеннета, развернула сани и помчалась к командиру. Крысы тоже резче взяли влево.

Он поймал себя на том, что широко скалится. Страх остался: потонуть в ледяной воде – не лучшая смерть для горца, но сильнее сейчас были отчаянность и гнев. Почему бы и нет? Если они должны погибнуть, то почему бы не так?

Чудовище начало опережать их, но будто бы слегка замедлилось. С этой стороны его бок уходил под лед, а спина – черная, растрескавшаяся плоскость, покрытая чем-то, что выглядело как полуокаменевшие стволы деревьев, – возносилась почти отвесно, как склон горы. Кеннет бросил взгляд назад... хвост чудовища исчезал в густом тумане, что тянулся за гигантской тушей, словно привязанный.

– Влево!

Малаве выполнил приказ без колебания, и сани полетели к черному склону.

Кеннет снова засвистел: «Вперед! За мной! Атака! Атака!»

Они атаковали плавающую гору. Отчего бы и нет, они ведь гребаная Горная Стража. Если не они – то кто?

Собаки прыгнули, сани дернулись, накренились и несколько долгих, как целая жизнь, мгновений двигались на одном полозе, а под лейтенантом мелькнула щель между льдом и черной тварью – и вот они уже карабкались под уклон вверх.

Он соскочил, даже скорее, скатился с саней, чувствуя, как те притормаживают. Спина твари была сильно наклоненной, к тому же покрытой слоем уже замерзшей воды, словно чудовище только-только поднялось из глубин. Кеннет воткнул кинжал в черную поверхность, клинок вошел неглубоко, сам же лейтенант, ища опоры ногами, засвистел: «Ко мне! Ко мне!»

Его сани, которые взобрались уже на десяток ярдов вверх, вдруг остановились, псы загребли лапами по обледеневшей поверхности и начали сползать.

Он выплюнул свисток и заорал:

– Режь! Освободи собак!!!

Малаве можно было и не повторять. Он соскочил с саней и двумя быстрыми ударами отрезал постромки. «Фру-у-у», – несколько сотен фунтов припасов полетело вниз, на локоть разминувшись с Кеннетом, и разбилось о лед внизу. Но уже не было смысла сосредотачиваться на том, что они потеряли, поскольку на спину чудовища разгонялись и въезжали новые сани.

Стражники на ходу соскакивали с них, падали на «землю» и втыкали в эту спину кинжалы, ножи, чеканы. Там, где собаки не могли потянуть груз, его обрезами и сбрасывали в океан.

Тогда они потеряли первых солдат.

Камрес Войтир из седьмой десятки вел сани слишком осторожно: может, испугался в последний миг и сильнее, чем нужно, натянул вожжи, но и этого хватило. Его сани шли слишком медленно, собаки перепрыгнули щель, но сани – уже не смогли. Ударились о бок чудовища и на миг, меньший, чем удар сердца, повисли в воздухе, их повлекло надо льдом. А потом собаки утратили опору под ногами, и все – Камрес, Ловерин и Чорвэ, животные и сани – все упало между льдом и черной стеной.

Крик – короткий, страшный, животный – прорезал воздух и угас, а от трех солдат и полудюжины псов осталась только кровавая полоса на льду, удаляющаяся от тех, кто уже сидел на чудовище, со скоростью бегущего коня.

Всего они потеряли девятих стражников и две дюжины собак. Погиб еще Бланд из Первой, втянутый под лед упряжкой. Омнэ Венк, командир Восьмой, прыгнул на помощь одному из своих солдат, поскользнулся и провалился в щель. Агерх и Ковэ из второй столкнулись с санями Крыс, уже в самом конце этой безумной эскапады, когда плоскость льда, по которой

они ехали, начала трескаться – обе упряжки исчезли под водой, и никто не vyplыл. Гессен и Ель оказались последними, у них были ахерские сани, сделанные из костей и шкур, и упряжка ахерских собак. Животные впали в панику, перестали слушаться поводьев и погнали в сторону. Оба стражника соскочили с саней в тот миг, когда упряжка провалилась в щель во льду, и лейтенант так их и запомнил: двое людей, стоящих на куске льдины шириной в десяток ярдов, посреди океана, покрытого расколотым льдом.

Потом они исчезли, поглощенные туманом, что продолжал ползти за чудовищем.

Затем случилось странное. Когда последние сани оказались наверху, чудовище задрожало и медленно, очень медленно начало выпрямляться. Через несколько долгих минут его спина заняла горизонтальную позицию, а они смогли наконец встать на ноги.

Уцелели половина саней и большая часть животных. Крысы, кроме упряжки, которая столкнулась с санями Агерха, потеряли еще две, а всего – половину дружины. Лейтенант их не жалел. Пытался найти в себе сочувствие, но если бы эти глупые, язвы их шанкровым хреном, козы не стали играть в подкрадывание, Борехед не заставил бы их предпринять самоубийственную вылазку, а его люди бы не погибли. Увы, Олаг-хес-Бренд выжил, Моива Самрех тоже, что уже не было плохо: в такой ситуации хорошо иметь под рукой мага, пусть даже не слишком полезного в схватке. Онелия Умбра ехала на санях командира Крыс и теперь стояла подле чернобородого, бросая на Кеннета такие взгляды, словно во всем случившимся был виноват именно он.

Оставшаяся в живых группка шпионов состояла еще из пары коротышек, на которых лейтенант уже успел обратить внимание, плечистого чудака, вооруженного арбалетом и двумя длинными ножами, и низкого, худощавого человечка, про чей пол Кеннет так и не сумел догадаться.

Неважно.

Важно было другое. Например, куда исчез Борехед? Велергорф клялся, что заметил, как сани шамана въезжают на спину чудовища, но они не видели ни их, ни ахера. Если и было нечто беспокоящее лейтенанта больше, чем отсутствие шамана, то это понимание, что сукин сын находится где-то вблизи, но непонятно, что именно делает. Потому что на счастье, что Борехед провалился в одну из многочисленных щелей, на которые они наткнулись во время короткой разведки, и что его нечто пожрало, Кеннет, увы, не рассчитывал.

Они плыли. Собственно, пробивались сквозь покрытое льдинами море с грацией тарана, идущего сквозь замковые ворота. Как раз приближалась еще одна ледяная глыба.

– Удар!!! – заорал стоящий на часах солдат.

Лейтенант расставил ноги пошире. Удары были мягкими, но могли опрокинуть неподготовленного человека. Нос чудовища медленно приподнимался и бил в белую поверхность, та трескалась с глухим звуком, а море покрывалось мелким колотым льдом и снеговой кашей.

Они плыли.

Вот уже несколько часов плыли на чем-то, что вопреки всякой логике и здравому смыслу было кораблем. Судном, огромным, словно город. И корабль этот принял их на борт: Кеннет до сих пор не понимал, специально или случайно, накренившись направо так, чтобы их безумная гонка вообще смогла закончиться успехом. А потом выровнялся и двинулся вперед. Столько-то они знали наверняка.

Ну и еще то, что плыли они на восток, вдоль Великого хребта, вспарывая льдины и ледяные горы. Гнев Владычицы Льда, казалось, слабел: по крайней мере, на борту они уже не ощущали яростных вихрей, которые им приходилось испытывать ранее, да и мороз, казалось, уменьшился. Исчез и туман, что сопровождал корабль. Они не могли примерно оценить его скорость, и хотя чудилось, что они немного замедлились, брошенный за борт кусок дерева уходил назад со скоростью бегущего человека: он едва-едва мог бы угнаться за деревяшкой. Десять миль в час, пятнадцать? Кеннет даже не пытался задумываться, каким чудом это возможно.

Дерево. Вот его оказалось с избытком. Черное, твердое как дуб, иссушенное. Достаточно было пробить тонкий слой льда, чтобы добраться до палубы, сделанной из чего-то, что казалось гигантскими, обработанными и тщательно пригнанными друг к другу стволами деревьев. Отсюда рождалась и уверенность, что они – на корабле. Они должны находиться на корабле – или все вокруг просто сошли с ума.

Они уже успели исследовать окрестности носа. Палуба была гладкой, но во многих местах в ней зияли дыры, словно шрамы, нанесенные гигантскими клыками; пока что офицер запретил к ним приближаться, заглядывать и исследовать каким бы то ни было способом, поскольку уже увидел нескольких из своих людей, обвязавшимися веревками. Горцы. Покажи им нечто, что выглядит как пещера...

Его рота пришла в себя довольно быстро, быстрее, чем Крысы, которые все еще стояли в сторонке. Пришла в себя и приступила к исследованию местности. После того, что они прошли, странствуя сквозь Мрак, большое, плавающее в океане корыто не казалось им пугающим. Лишь бы плавало.

Кроме того, Кеннет позаботился, чтоб у солдат не осталось времени для раздумий.

Быстро отдал серию приказов: разбить лагерь в месте, защищенном от порывов ветра, проверить припасы, расставить стражу. Назначил нового командира восьмой, Корель-дус-Одерах был самым старым и имел репутацию хорошего солдата.

А потом попросил Велергорфа, чтобы тот провел короткое прощание с погибшими. Татуированный десятник кивнул, собрал роту и без лишних церемоний сказал:

– Мы потеряли хороших людей. Девять добрых душ пропало в море, а это были горцы, и им наверняка будет тут худо. Не знаю, к кому нам обращаться: к Андай'е, к Близнецам или к Дресс, поскольку мне плевать на их божественные игрища. – Топор Велергорфа со свистом прорезал воздух. – Но знаю, что это неправильно.

Рота признала его правоту глухим ворчанием.

– Скажу еще, что множество вещей море выбрасывает на берег, а потому верю, что оно отдаст и их кости. И тогда они погрузятся в скалы на берегу – и снова станут частью гор. А орлы подхватят их души и отнесут прямо в Дом Сна. И нечего больше болтать, но, когда вы сегодня разведете огонь, влейте несколько капель водки в пламя, чтобы они, Чорвэ, Ковэ, Бланд и прочие, знали – мы о них помним.

Он сплюнул на ладонь и сильнее сжал топориче.

– А теперь – за работу.

Кеннет назначил четверых людей из своей десятки, чтобы те измерили ширину «корабля». Три с половиной длины пятидесятиярдовой веревки, доложили они через четверть часа. А сколько от носа до кормы? Туман, к счастью, уже исчез, но этим они займутся утром. Приближалась ночь, а лейтенант не слишком горел желанием отправлять своих людей на вылазку в неизвестность по темноте. На носу они насчитали восемнадцать дыр и расщелин на палубе, а кто знает, сколько их было дальше. В голове его уже сложилась картина места, где они оказались: палуба шириной в сто пятьдесят ярдов была вовсе не такой уж и ровной. Где-то в ста пятидесяти шагах от носа из нее вставал – от борта до борта – ряд деревянных столпов, воткнутых каждые десять-пятнадцать локтей; вернее – восемь столпов и шесть дыр в местах, где их, похоже, вырвало. Хотя название «столп» было неточным; они, скорее, выглядели как сломанные стволы вековых деревьев, имевших у земли семь-восемь футов ширины. Как высоко некогда они вставали?

В двухстах шагах за линией столпов лежало то, что наверняка было одним из них. Ствол длиной в пятьдесят ярдов, опутанный какими-то веревками или растениями, с яростью вбитый в деревянные строения. В принципе, отчего бы на корабле такого размера и не быть строениям? А то и небольшому городку?

Кеннет и думать не желал, что скрывается под палубой.

Велергорф подошел к нему, пружинисто отсалютовал. Всегда было так; чем сложнее казалась ситуация, тем тверже старый десятник придерживался устава.

– Господин лейтенант, лагерь готов. – Он махнул в сторону нескольких палаток ипологов, стоящих в свободном кругу. – Но парни говорят, что это черное дерево не желает гореть, а бо́льшая часть нашего – пропала. Пригодилось бы...

– Порубите сани, Вархенн. Но оставьте как минимум четверо. И берегите растопку.

– Слушаюсь.

– Неплохая прощальная речь.

Лицо горца стянуло гневом.

– В первый раз пришлось такую говорить и, яйцами Быка клянусь, лучше бы – в последний. Это плохая смерть для горца. И... господин лейтенант... Люди – не все, но некоторые – говорят, что это вина Крыс. Что если бы засранцы не играли в шпионов, мы были бы далеко отсюда... И что ночью с ними может что-то случиться... с Крысами. Или хотя бы с их командиром...

Собственно, лейтенант ожидал чего-то подобного и даже чувствовал соблазн дать этим «кое-кому» из стражников свободу действий. Ох, как же это искушало. Но нет. Во имя всех траханных демонов Мрака – нет. Если раз дашь поблажку в дисциплине, позволив самосуд, то потом и оглянуться не успеешь, как под рукой у тебя не воинский отряд, а банда разбойников, которыми правит закон ножа.

Ну и, конечно, дело еще и в том, что он, в конце концов, офицер Стражи, которая представляет собой часть Империи; а желают они того или нет – Крысиная Нора тоже часть ее. Правда, если они – это железный кулак Меекхана, то Крысы – суть грязь из-под ногтей, но это все равно имперская грязь.

– Нет. Никаких несчастных случаев, падения в дыры или купаний на морозе. Это приказ. Кроме того, Крысы нам понадобятся. Пусть отрабатывают свою плату.

* * *

Эта ночь оказалась одной из самых мерзких, какие он помнил. Было мало топлива, а черное дерево не желало гореть, даже когда его обильно поливали жиром. Наконец они отказались от попыток поддерживать огонь все время, а порубленные сани сгорали слишком быстро, а потому им осталось только съесть несколько ложек гуляша из сушеного мяса и свернуться в палатках или под пологам, прикрывающими от ветра. Не было бы так худо, если бы не ледяная влага, что пробиралась в каждый уголок, под меха, рубахи и в сапоги. И они все еще плыли, с тоской вспоминая выкопанные в снегу норы, в которых провели последние дни.

Утром Кеннет призвал к себе Крыс. Боги знают, где они провели ночь, но, глядя на их жалкую группку, лейтенант почувствовал мрачное удовлетворение.

– Замерзли?

Они не ответили, только Онелия Умбра бросила на него такой взгляд, под которым он должен был бы провалиться сквозь землю. Кеннет ее проигнорировал.

– Какие-то мысли о том, где мы находимся? – взглянул он на чернобородого командира крысиной дружины. – Подозрения? Спрашиваю, потому что такие дела – магия, древние демоны, проклятия или корабли размером с остров – всегда находились в сфере деятельности Норы. Ничего не приходит на ум? Никаких тайных приказов в стиле «отошлите роту на север под любым предлогом, пусть проверят, что там притаилось»?

Стражники, окружавшие полукругом группку Крыс, зашумели, кто-то мерзко выругался.

– Спокойно! Нет, я не верю в это. Даже самый гениальный шпион не сумел бы такое подстроить. Ахеров, Борехеда и прочее. Но я жду от тебя, Крыса третьего класса, безусловного сотрудничества и подчинения. Никакой лжи, игр или тайн. Пока что я хотел относиться к вам

как к одной из дружин Стражи, но изменил решение. Сейчас тут командую я, потом – десятиники Вархенн Велергорф, Андан-кей-Треффер и Берф Мавс, в такой вот последовательности. Потом остальные мои сержанты, а только потом – ты. В самом конце. Ты – в иерархии находишься ниже собак. Даже ахерских. Понимаешь?

Олаг-хес-Бренд кивнул:

– Понимаю.

– Хорошо. Представь мне своих людей и скажи, что каждый умеет. Кроме нее. – Кеннет указал на Моиву Самрех. – Я уже знаю, что это ведьма с талантом, который и не используешь толком.

Блондинка гневно скривилась и открыла рот, но чернобородый схватил ее за руку, заставив молчать. Кеннет не особо обратил внимание на ее реакцию. Он уже наблюдал за ведьмой: выглядела расслабленной и спокойной – для их обстоятельств, естественно. А вроде бы могла понять, смотрит ли кто на них и какие имеет намерения, а значит, сейчас никто не целился в них из арбалета.

Пара коротышек, низких и худых, с именами Полус и Анссер, наверняка ненастоящими, оказалась братьями, убийцами, специализирующимися на ядах. Ножи, стрелки, иглы, скрытые клинки. Весь арсенал притаившейся смерти, находящейся на расстоянии вытянутой руки. Чудесно. Его люди и так не любили Крыс, а теперь начнут их ненавидеть. А если кто получит занозу и рана воспалится, то оба шпиона окажутся за бортом. Плечистый верзила был солдатом, охраной для остальных, носил имя Клос. Последняя Крыса по имени Кевреф – молодой, худощавый и неприметный – должен был заниматься в дружине разведкой. Хороший выбор. Кеннет поймал себя на том, что когда отворачивается, то не может вспомнить лица шпиона. А в бою? «Кинжал и гаррота, – тихо пояснил юноша. – А на расстоянии арбалет и духовая трубка с отравленными стрелами».

– Подведем итог, хес-Бренд, – обратился он к командиру Крыс. – У тебя один солдат, двое убийц, шпион и ведьма с талантом, который нам не использовать. А еще госпожа Онелия Умбра, в эту минуту настолько же полезная, как рваные сапоги. – Кеннет даже не взглянул на девушку, услышав ее гневное фырканье. – Ну, и есть еще ты. Для шпиона ты слишком бросаешься в глаза, для убийцы – чересчур тяжело двигаешься. В дружине командуешь, а если дойдет до чего дело – сражаешься вручную, верно?

Чернобородый не ответил. Кеннет пожал плечами.

– Неважно. У меня есть для работа в самый раз для Крыс. Пригодится кое для чего.

Четвертью часа позже Олаг-хес-Бренд махал ногами над черной дырой на палубе.

Эта была меньше прочих, едва лишь в пару футов шириной, а потому они решили, что начнут с нее. Сперва опустили туда веревку с грузом. Отметка показала, что дыра – неполных двадцать футов глубиной, но свет дня, казалось, с опаской держался от нее подальше.

Велергорф давал шпиону последние указания – к вящей радости стражников.

– Значит, так: один рывок – «все хорошо»; два – «я что-то нашел»; три – «вытягивайте меня»; веревка откушена – «что-то меня сожрало, не входите сюда». Запомнил? Ага, если встретишь там Борехеда – передай, чтобы он возвращался. Не время играть в прятки.

Крыса пытался протестовать, что-то бормотал о миссии и ответственности, указывал на своих людей, которые как один избегали его взгляда. Кеннет устал, замерз и был зол, а потому обрезал дискуссию одной фразой:

– Выбирай! Сюда, – он указал на черное отверстие, – или туда.

Олаг взглянул туда, где за отстоящим от них на сто шагов бортом шумели волны. Побледнел.

– Ты заплатишь мне за это, лив-Даравит. Никто так не относится к Норе. Никто! Я...

– Опускайте!

Темнота поглотила Крысу вместе с его угрозами и обвинениями.

Они специально не дали ему факела. Внешняя обшивка корабля горела с трудом, но тому могло быть причиной многолетнее пребывание в соленой воде. Что там внутри – они не знали, а Кеннет решил, что риск превратить внутренности корабля в костер слишком велик. Тут всего-то двадцать футов, сквозь отверстие должно падать достаточно света, чтобы глаза Крысы справились с темнотой.

Веревка провисла, одиночный рывок сообщил: все в порядке, травите.

Потом стражники только смотрели, как движется веревка. Разматывается, идет налево, потом направо, останавливается. Два рывка сообщили, что Крыса нашел что-то интересное, еще два – что интересных вещей там больше. Потом веревка замерла и долгое время оставалась неподвижной. Наконец чернобородый попросил вытянуть его наружу, дернув три раза.

– Сделаем вид, господин лейтенант, что мы ушли? – Андан взглянул на него с надеждой.

– Я вас слышу, – раздалось снизу.

– Вытягивайте, – вздохнул Кеннет. – Не время для игр.

Крыса выплыл из темноты, прижимая к груди две коробки. Едва лишь он встал на ноги, показал их собравшимся триумфальным жестом, словно сам их только что сделал.

– Лампы. Смотрите, лампы.

Кеннет взял один из трофеев. Лампу изготовили из того же дерева, что и палубу, но внутри три ее стенки были выложены чем-то, что выглядело как перламутр. Четвертую закрывала тонкая заслонка, полупрозрачная и твердая, будто стекло. Эта стенка открывалась, давая доступ внутрь, где в углублении находилась раковина, выполняющая функцию емкости, и остатки фитиля. Лампа. Настоящая и, что важнее, действующая. Достаточно было наполнить емкость маслом и зажечь.

– Что там еще внизу?

– Какая-то... наверное комната. Тридцать на тридцать шагов, в ней несколько предметов обстановки, столы, какие-то шкафчики с полками, все прикреплены к полу и стенам. Только эти лампы я и сумел забрать.

– Двери?

– Две. Обе наглухо заперты. И все сделано из этого же черного дерева. А оно словно бы... поглощает свет. Даже когда взгляд привыкает, непросто различить подробности. Но кроме этого...

– Говори.

– Там сухо. И теплей, чем здесь, нет ветра, и снег не падает на голову.

Кеннет тоже об этом подумал. Две-три ночи на палубе – и они начнут терять силы. Но дыра во внутренностях твари, где не понять, что именно таится за дверьми, а единственный путь к бегству находится в двадцати футах над головой?

– Я подумаю об этом. Какие-то следы хозяев?

Крыса покачал головой.

– Нет. Может, кроме... Двери забаррикадированы изнутри, а эта дыра, – Олаг указал на черную щель, – была вырублена под стеной, там, где легче взобраться к потолку по полкам. Вырублена изнутри. Кто-то очень хотел оттуда выйти и одновременно делал все, чтобы нечто до него не добралось.

Глава 11

Холи брякнуло последний раз, наполняя воздух аккордом, и он еще некоторое время не желал умолкать. Кей'ла не могла надивиться, как нечто столь простое может быть наполнено такой силой. Инструмент состоял из плоской овальной коробочки, двух грифов и дюжины струн, но обладал магией, силой и очарованием. Хотя, пожалуй, только *вайхир*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.